

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ ЕАРПП

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии

№3-4 · 2024

МНОГООБРАЗИЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИХ ЛАНДШАФТОВ

Тема номера:
конференции
в Екатеринбурге и Москве

**Звезды мирового
психоанализа:**
интервью Антонино Ферро

Эссе:
о парадоксальном
трансфере

ЕАРПП

Национальное отделение
ЕСРР (Vienna, Austria)

Электронный периодический
(ежеквартальный) научно-
информационный журнал
«Пространство психоанализа
и психотерапии» ©

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати
и Роспотребнадзоре.

Учредитель и издатель:
МОО «Европейская ассоциация
развития психоанализа
и психотерапии» (ЕАРПП)
Свидетельство ОГРН
1186658093764 от 21.04.2020 г.

Подписка: бесплатно для
читателей. Для ознакомления
с номером достаточно зайти
на сайт <https://earpp.ru/>.

Для получения уведомлений
о выходе нового номера
подпишитесь на общую
рассылку сайта.

Адрес размещения номеров:
https://earpp.ru/journal_earpp/

Для контактов с редакцией:
E-mail: earpp.journal@gmail.com

Данные № 3–4 (14–15), 2024:
Дата выхода: 1 декабря 2024 г.

ISBN 978-5-6052079-1-7

ISBN 978-5-6052079-1-7

9 785605 207917 >

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор: Т.О.Тишкова

**Заместитель главного редактора,
куратор рубрик «События» и «Людам про людей»:**
Г. В. Гридаева

Научный редактор:
Я. И. Коряков

Редактор рубрики «Тема номера»:
Т. В. Мизинова

Куратор рубрики «Из мира науки»:
Х. Г. Фостиропуло

Куратор рубрики «Психоанализ культуры»:
О. Н. Яковлева

**Руководитель проекта «Звезды мирового
психоанализа»:** Т. А. Тармогина

Вёрстка: Е. Артемьева

Все права защищены.

Перепечатка текстов и иллюстраций только с разрешения
редакции. При цитировании ссылка на журнал «Пространство
психоанализа и психотерапии» обязательна.
Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов. Редакция
не несет ответственности за содержание рекламных материалов.

Благодарности

Редакция журнала выражает благодарность
за добровольные пожертвования на развитие
проекта всем коллегам.

Спасибо! Ваша помощь важна!

Если вы хотите оказать изданию финансовую поддержку,
свяжитесь с Казначеем ЕАРПП Тишковой Татьяной
Олеговной
aloxa50@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Каждая научно-практическая конференция, которая проводится в ЕАРПП, обогащает знаниями, эмоциями, насыщает общением и дискуссиями. И появляется желание удержать внутри ту энергию познания и творчества, которая наполняет участников. Поэтому публикация докладов и синопсисов, обзоров и эссе в нашем журнале особенно ценна – можно вновь погрузиться в эту атмосферу интеллектуального праздника и медленно смаковать важную информацию, осмыслять и наслаждаться. В этом номере опубликованы некоторые доклады, представленные на двух значимых конференциях ЕАРПП: в Екатеринбурге и Москве.

Интервью с зарубежными мастерами психоанализа каждый раз поражают глубиной. Антонио Ферро размышляет о волшебном мире психоанализа, где исследование и терапия в конечном итоге совпадают.

Иллюстрации по традиции авторские. В этом номере коллега из Екатеринбурга представила свои картины, наполненные свежестью и ароматами живой природы. Жислен Спикер считает, что сеттинг — это пейзаж, в котором пациент и аналитик устраиваются, чтобы поиграть в виртуальные каракули, создать прочные нити, которые позволяют пережить травматические воспоминания. Пейзажи Марии Шлениной органичны и интуитивны, они помогают созданию связей в процессе психоанализа, поскольку для того, чтобы играть, нужно быть свободным.

Главный редактор Татьяна Тишкова

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

7

ЕКАТЕРИНБУРГ

ХVI МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ИГРА И РЕАЛЬНОСТЬ
В ПРОСТРАНСТВЕ ПСИХОАНАЛИЗА»

8

Спикёр Ж.

Уметь играть: первичная компетенция
обычного преданного терапевта

9

Доктор Р.

Игра и тотальная ситуация в переносе

18

Гомес М.

Текущая современность и имажинизм:
размышления о социальных сетях
и свободных ассоциациях

32

Акимова О.В.

Недоволен профессией, недоволен жизнью,
недоволен собой – происки ложного Я

44

Кроткова Л.И.

Юмор и его отношение к психотерапии

48

МОСКВА

ХII МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МУЖЧИНА В ПСИХОАНАЛИЗЕ»

53

Яковлева О.Н.

Мужчина в психоанализе: от мысли
без мыслителя до закона отца

54

Барминов И.А.

Общение с коллегами – огромный ресурс

61

Попова О.Н.

Когда Мать говорит об Отце

65

Метельская Ю.С.

Эдип и практики мужской инициации.
Психоаналитические интерпретации

69

Юрасова Е.Н.

Формирование мужской идентичности

85

Казьмина Е.А.

Конец рода Юсуповых.
Трансгенерационная травма

97

Яковлева О. Н.

Слёзы Адама: научение
на опыте переживаний

110

Скинайя К.

Индивидуальное и окружающая его среда

127

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ПСИХОАНАЛИЗА 139

Ферро А.

Песня сирен психоанализа 140

ЭССЕ 150

Братухина Л.

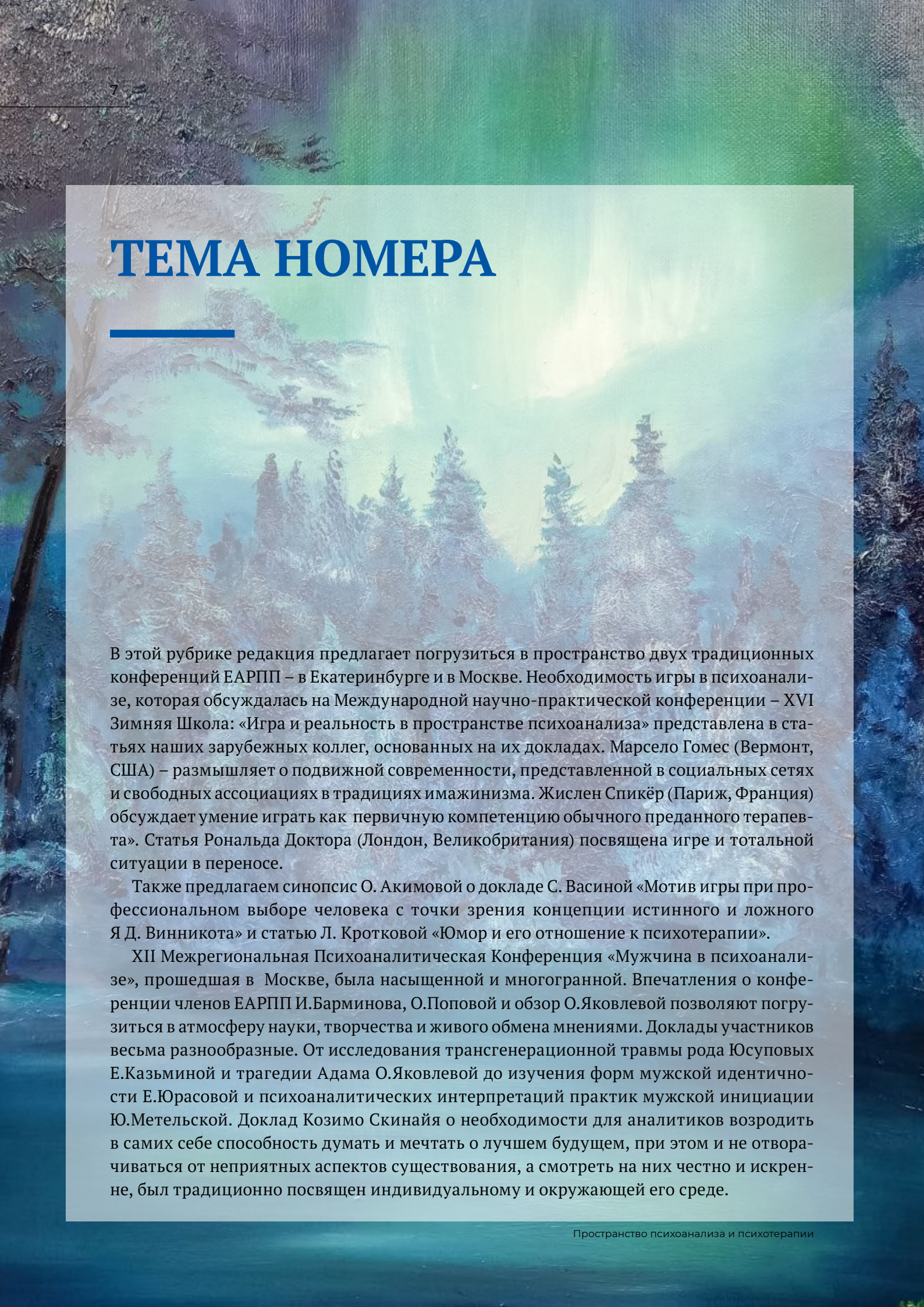
Поле для размышлений 151

КНИГИ 156

Клиническая практика психоанализа
сегодня 157

ИЛЛЮСТРАЦИИ 158

ТЕМА НОМЕРА

В этой рубрике редакция предлагает погрузиться в пространство двух традиционных конференций ЕАРПП – в Екатеринбурге и в Москве. Необходимость игры в психоанализе, которая обсуждалась на Международной научно-практической конференции – XVI Зимняя Школа: «Игра и реальность в пространстве психоанализа» представлена в статьях наших зарубежных коллег, основанных на их докладах. Марсело Гомес (Вермонт, США) – размышляет о подвижной современности, представленной в социальных сетях и свободных ассоциациях в традициях имажинизма. Жислен Спикёр (Париж, Франция) обсуждает умение играть как первичную компетенцию обычного преданного терапевта». Статья Рональда Доктора (Лондон, Великобритания) посвящена игре и тотальной ситуации в переносе.

Также предлагаем синопсис О. Акимовой о докладе С. Васиной «Мотив игры при профессиональном выборе человека с точки зрения концепции истинного и ложного Я Д. Винникота» и статью Л. Кротковой «Юмор и его отношение к психотерапии».

XII Межрегиональная Психоаналитическая Конференция «Мужчина в психоанализе», прошедшая в Москве, была насыщенной и многогранной. Впечатления о конференции членов ЕАРПП И.Барминова, О.Поповой и обзор О.Яковлевой позволяют погрузиться в атмосферу науки, творчества и живого обмена мнениями. Доклады участников весьма разнообразные. От исследования трансгенерационной травмы рода Юсуповых Е.Казьминой и трагедии Адама О.Яковлевой до изучения форм мужской идентичности Е.Юрасовой и психоаналитических интерпретаций практик мужской инициации Ю.Метельской. Доклад Козимо Скиная о необходимости для аналитиков возродить в самих себе способность думать и мечтать о лучшем будущем, при этом и не отворачиваться от неприятных аспектов существования, а смотреть на них честно и искренне, был традиционно посвящен индивидуальному и окружающей его среде.

ЕКАТЕРИНБУРГ

«ИГРА И РЕАЛЬНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ПСИХОАНАЛИЗА»

XVI МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Уметь играть: первичная компетенция обычного преданного терапевта

**Жислен Спикёр
(Ghislaine Szpeker)**

- клинический психолог, психоаналитик
- преподаватель в Университете Сорбонна (Париж)
- почетный член ЕАРПП
- ведущий консультант Медико-педагогического центра психического здоровья в Париже

Психотерапия происходит там, где пересекаются две области игры - пациента и терапевта. Если терапевт не может играть, значит, он не подходит для этой работы.

«Будь то взрослый или ребенок, в игре и только лишь в игре они способны к творчеству, способны задействовать всю личность в целом. Только будучи способным творить, индивид может раскрыть свою самость... Отсюда можно сделать вывод, что только в игре возможно общение, за исключением прямого общения (слияния), которое является предметом психопатологии или крайней незрелости».¹

Именно этими словами Винникотт предваряет свою теорию развития человека в книге «Игра и реальность»²:

Доступ ребенка к реальности — говорит он нам — основан на человеческой природе³, которая подпитывается средой, благодаря переходному пространству, в котором разворачивается творчество. Именно в этом переходном пространстве, если и только если оно стимулируется обычной преданной

1 Игра: творческая активность и поиск самого себя. Игра и реальность, 1971

2 Игра и реальность, 1971

3 Природа человека — посмертная работа Винникотта, опубликованная в 1988 году, которую он писал на протяжении 24 лет.

Чтобы играть, нужно быть свободным. Если я стиснут рамками ложного Эго (я должен быть лучше всех, я должен что-то доказать, чтобы меня любили, я должен стать знаменитым и т.д.), я уже не могу быть свободным, не могу пробовать, не могу играть.

матерью, ребенок может быть здоровым, то есть выразить свой творческий потенциал и тем самым получить доступ к самости.

Это описание условий, необходимых ребенку для достижения хорошего здоровья, которое для Винникотта не является противоположностью патологии, а представляет собой состояние, в котором человек способен играть, концептуально и технически определяет новую модель аналитического пространства.

Но что такое обычный преданный терапевт?

До того, как мы начали практику, были ли мы потенциально обычными преданными терапевтами? Задавали ли мы себе этот вопрос? Спрашивали ли мы себя, умеем ли мы играть? Пришло ли к нам осознание того, что для хорошей работы необходимо уметь играть? А что включает в себя эта игровая площадка терапевта и пациента? Каковы правила игры? Как разрешить пациенту играть? И если умение играть должно стать главным навыком обычного преданного терапевта, то как этому научиться?

Винникотт писал: «Психотерапия происходит там, где пересекаются две области игры — пациента и терапевта. Если терапевт не может играть, значит, он не подходит для этой работы. Если пациент не может играть, необходимо что-то сделать, чтобы у него появилась возможность играть, после чего можно начинать психотерапию»⁴.

Таким образом, речь идет не только об анализе символики детской игры, но и о том, чтобы помочь ребенку или взрослому, который был лишен своего игрового потенциала, которому пришлось отказаться от своего творческого начала, чтобы подчиниться желаниям недостаточно преданной матери, — помочь ему вновь открыть и затем высвободить свои творческие созидательные способности. Для Винникотта способность играть имеет решающее значение!

Эту новую модель терапии можно проиллюстрировать следующим образом: два человека играют вместе в созидательном творческом пространстве, чтобы получить доступ к реальности, которую они могут разделить. Такая модель весьма приятна...

Расширив психоаналитическое поле от изучения внутреннего мира влечений и внешнего мира реальности до промежуточного пространства, Винникотт ввел важнейшую психоаналитическую концепцию: переходное пространство. Психоанализ обогащается богатым и живым пространством — мембраной, разделяющей и объединяющей внутреннее и внешнее — которая наполняется содержанием и становится решающим элементом в психической конструкции личности (отсылка к концепту «Я-кожа» Анзье). Эта мембрана имеет глубину, собственное функционирование и собственную динамику.

4 Игра: творческая активность и поиск самого себя. Игра и реальность 1971

В зеркальном отражении, пространство, разделяемое аналитиком и анализантом становится творческим переходным пространством отношений, в котором пациенту, как говорит нам Винникотт, нужно не познавать реальность, а получать к ней доступ, видеть внешний мир за пределами проекций внутреннего мира, в союзе с аналитиком, который таким образом становится его партнером по игре.

Игра, как символический язык, несомненно, является средством доступа к Я, что означает, что через символизм игры субъект появляется там, где раньше был объект.

Иллюстрацией может служить игра с катушкой: объект — катушка, символизирующая мать внука Фрейда, — исчезает и вновь появляется по воле формирующегося субъекта, который вот-вот появится.

Ребенок разыгрывает сцены из реальности, чтобы восстановить себя и успокоить фрустрацию, вызванную необходимостью подчиниться болезненной реальности.

Игра с катушкой символизирует разлуку и воссоединение; это одиночная игра, воспроизводящая появление и исчезновение любимого объекта.

Но на самом деле ребенок не играет с катушкой, он использует ее как символ, чтобы успокоить тревогу, связанную с исчезновением матери, заставляя ее вернуться, а затем снова исчезнуть, чтобы восстановить иллюзорный контроль над реальностью, которой он подчиняется.

По мере развития ребенок в игре символизирует сепарационную тревогу, которая сопровождает процесс индивидуации. От игры с катушкой он переходит к игре с зеркалом, в которой на этот раз его представителем является он сам или, скорее, его образ (точно так же, как катушка была представителем матери). Этот образ будет появляться и исчезать. Эта игра предваряет другую игру — в прятки или подглядывание (ку-ку! я здесь!), которая говорит об интериоризации субъективности: в ней появляется и исчезает сам ребенок, а не его отражение или символический представитель.

Для Винникотта существует другое игровое пространство, получившее название «каракули», и это пространство позволяет установить связь и общение с реальными объектами посредством подражания, активации зеркальных нейронов и созидательной творческой игры, которая осуществляется вдвоем и позволяет человеку полностью раскрыть свой потенциал.

Игра старше культуры. Культура изначально играется. Она не рождается из игры, как живой плод, выходящий из утробы; она разворачивается в игре и как игра.

Игра, как символический язык, несомненно, является средством доступа к Я, что означает, что через символизм игры субъект появляется там, где раньше был объект.

В традиции Ференци игра признается константой человеческой природы: «Игра старше культуры. Культура изначально

Если пациент застрял в промежуточной позиции развития, он будет играть с кадром, играть в исчезновение и появление, проверять способность аналитика выдержать натиск его всемогущей ярости, чувствовать его ревность по отношению к другим пациентам и переживать экзистенциальный страх потерять объект.

играется. Она не рождается из игры, как живой плод, выходящий из утробы; она разворачивается в игре и как игра».⁵ По мнению Й. Хейзинги, голландского философа XX века, культура всегда будет формироваться по взаимному согласию и в соответствии с установленными правилами. Игра не противопоставляется серьезности; игра — это одновременно развлекательная и серьезная деятельность, в ней разворачиваются все формы социальной деятельности.

Игра становится интересна не только своим значением, не только своим символическим измерением, не только как объект для интерпретации, но и как дифференцированное пространство, средство доступа к общей реальности.

Игра с катушкой является условием того, чтобы субъект мог задаваться вопросом, что он такое, и чувствовать себя движимым желанием быть. Теперь не другой хочет, чтобы он был, а он сам хочет быть.

Если первый акт игры с катушкой хорошо известен, второй известен в меньшей степени:

Однажды, когда мать долго отсутствовала, по возвращении ее встретили сообщением «Ляля! О-о-о-о-о», которое сначала показалось непонятным. Но вскоре выяснилось, что ребенок нашел способ исчезать во время долгого одиночества. Он обнаружил свое изображение в зеркале, которое не доставало до пола, а затем присел, чтобы его изображение в зеркале «исчезло». Таким образом, из сноски Фрейда в конце страницы в работе «По ту сторону принципа удовольствия» мы узнаем, что после игры с катушкой ребенок отправился играть в свое собственное исчезновение в зеркале. По Лакану, игра с катушкой — это момент, когда ребенок отделяется от своего статуса частичного объекта матери, и это также операция, с помощью которой ребенок не осознает себя объектом фантазма матери и приходит к вопросу, который его, собственно, волнует: кто я для нее?

Этот переход от другого к себе интересен в связи с тем моментом в терапии, когда уже не терапевт хочет, чтобы субъект появился, а сам субъект осмеливается существовать, готовый сыграть в катушку со своим аналитиком, чтобы оставить позади зеркало и обращенный к нему взгляд.

Именно это зарождающееся желание символизирует доступ к самости по Винникотту. Понятие интегративной самости, очевидно, является концептуальным и может обсуждаться в связи с другими теориями. Они напоминают нам, что хрупкое равновесие между самоутверждением и взаимным признанием, которое только и позволяет «Я»

5 Homo Ludens, Человек Играющий, эссе о социальной функции игры, Йохан Хейзинга, 1938

и «Другому» встречаться как двум суверенным равным, может быть легко нарушено. Когда напряжение между самоутверждением и признанием другого нарушается, вновь возникает архаичная динамика доминирования/подчинения. Эта тонкая линия находится в движении в течение всей жизни.

Партнеры по игре меняются в зависимости от стадии структурирования Я. От аутоэротической игры, через переходные объекты, далее такие похожие и такие разные живые объекты в реальном мире, далее – к социальным отношениям... такова их эволюция. В терапии это означает, что, если пациент застрял в промежуточной позиции развития, он будет играть с кадром, играть в исчезновение и появление, проверять способность аналитика выдержать натиск его всемогущей ярости, чувствовать его ревность по отношению к другим пациентам и переживать экзистенциальный страх потерять объект. Исчезая, все еще расщепленный объект – отчасти любимый, отчасти ненавидимый – уничтожит субъекта, все еще находящегося под игом всемогущества. Если зеркало исчезает, исчезает мой образ, исчезает Я. Эта пограничная динамика очень тяжела, она особенным образом сталкивается со связью, возникающей в аналитических отношениях, потому что аналитик становится гарантом выживания анализанта.

Болезненное использование кадра, бессознательно повторяющее использование первичного объекта привязанности, запустит в аналитике защитные механизмы отвержения, иногда доходящие до чувства преследования. Игра с катушкой,

Игра с катушкой, которой
анализанту должно быть
позволено овладеть в процессе
терапии, требует адаптировать
сеттинг.

ка которой анализанту должно быть позволено овладеть в процессе терапии, требует адаптировать сеттинг. Игра для аналитика в этой концептуальной линии эквивалентна тому, чтобы позволить использовать себя, с самого начала представить себе, что терапия будет разворачиваться на основе этих специфических требований символической репарации, о которых мы только что говорили, по причине непостоянства первичного объекта для этих пациентов.

Если позволить пациенту исчезнуть без драматизации (например, когда он не приходит на сеанс), он сможет появиться снова, получив удовольствие и желание восстановить объект. Это добродетельный путь, который ведет к амбивалентности объекта и достаточно единой самости. Для таких пациентов осмелиться исчезнуть и рискнуть потерять объект – очень серьезный шаг вперед. Это становится возможным, если, и только если аналитик вступает в такую игру, то есть если, и только если аналитик позволяет нарушать кадр, в частности, исчезать, без каких бы то ни было санкций: он является надежным, поддерживающим, контейнирующим объектом, который позволяет использовать себя в достаточной степени.

Такая позиция аналитика в лучшем случае позволяет людям испытать иное отношение к другому, усвоить эмоциональную пищу, которая не навязывает чувство долга, и быть в состоянии интроецировать качества объекта, потому что он не осуществляет репрессий. Зачатки субъективности формируются вокруг терапевтической позиции,

которая не инфантилизирует, не осуждает, не вызывает чувства вины и, прежде всего, позволяет субъекту испытать свою власть над миром, восстанавливая объект, поврежденный проекциями развивающегося Я. Это лишь одна из иллюстраций того, что значит играть для аналитика!

Кадр подобен коже, оболочке, которая приспосабливается к росту ядра, субъекта, самости, но кадр непременно будет нарушаться, поскольку полная адаптация пациентов к кадру равносильна форме подчинения, а не процессу индивидуации.

Винникотт учит нас, что способность играть — это важный элемент в формировании личности. Способность играть очень важна для того, чтобы стать хозяином своей дальнейшей жизни. То, что в контрпереносе называется удовольствием и противопоставляется скуке и усталости аналитика, имеющего дело с анализантом, который не смог научиться играть, — это проявление игривой стороны человека, которому очень рано посчастливилось иметь партнеров по игре. То, что мы называем жизненной силой, витальностью в человеке, очень похоже на то, что Винникотт описывает как склонность к игре,

Если аналитик позволяет нарушать кадр, в частности, исчезать без каких бы то ни было санкций, он является надежным, поддерживающим, контейнирующим объектом, который позволяет использовать себя в достаточной степени.

аппетит и любопытство. Усталость, гнев, досада, раздражение, разочарование — означают ли эти чувства в контрпереносе, что мы не смогли создать игровое пространство?

Способность играть — это своего рода свидетельство того, что призыв малыша к другому был услышан, что он чувствовал себя желанным гостем в этом мире. Речь, скорее, не о том, что ребенка очень желали, но о том, что его хорошо встретили! Мне кажется, пора переосмыслить вопрос о желании иметь ребенка, который предполагает, что желанный ребенок будет в надежных руках, а нежеланный понесет по жизни свою ущербность: поди узнай, кто именно возжелал ребенка, по определению воображаемого! И никто не знает, какова будет встреча реального ребенка и того, который является плодом моих фантазий! Иногда желание иметь ребенка настолько мощное, что становится подозрительным. И наоборот, насколько оправдан легитимный страх перед проблемами материнства и сопутствующее ему двойственное отношение к любви и заботе, которые родители проявят к ребенку? Может быть, благодаря инструментам психоанализа, таким как эдипов комплекс и т.д., желание иметь ребенка очеловечивает и делает очевидными ограничения филогенеза, которые программируют нас на обеспечение выживания вида?

Достаточно хорошая мать, обычная преданная мать и первичная материнская забота — это синонимы того, что Винникотт называл Человеческой природой. Человеческая природа не сводит мать исключительно к биологии, ко всемогуществу, которое женщинам так тяжело переносить. Она больше не просто кляйнианская мать

с чрезмерной властью над своим потомством – что, впрочем, скорее мужской фантазм маленьких мальчиков, которые, хотя уже и выросли, продолжают идеализировать свою мать в форме сакрализации всех матерей, – но это женщина, которая предоставляет себя в распоряжение своего новорожденного в ожидании воссоединения со своими собственными либидинальными инвестициями. Женщина позволяет с самого начала создать промежуточное пространство, в котором, помимо заботы, необходимой для продолжения рода, будут развиваться ее собственные мысли, мечты и фантазмы.

Раннее окружение, другими словами, обычная преданная мать, является первым посредником на пути к реальности. Она представляет своему младенцу мир. Она делает это через свою историю, аффекты, тревоги, проекции, свою амбивалентность... и именно эти репрезентации, наряду с другими, будут вызваны к жизни в анализе через перенос. Она – зеркало мира, в котором ребенок не осознает, что смотрит на себя, и она, как и ее младенец, должна уметь питаться от окружающей среды в своем собственном пространстве отношений.

Чтобы предоставить себя в распоряжение новорожденного, не делая его пленником и не подвергаясь преследованиям, женщина / мать также должна иметь в своем распоряжении поддержку, партнеров по игре, которых она будет постепенно реинвестировать по мере развития своего либидо, которое приспосабливается к росту ребенка и к уменьшению их взаимозависимости.

Винникотт не только позволяет нам лучше понять, что именно строится в отношениях между субъектом и его объектами привязанности, но и, подтверждая основной вклад окружающей среды в доступ ребенка к его реальности, он впервые отводит важное место женщине, которая становится матерью, в психоанализе и в формировании человеческой природы! Перестав разделять материнство и женственность, женщина больше не ограничивается своей репродуктивной функцией и невыносимым грузом своего предполагаемого всемогущества! Ее либидо не полностью сконцентрировано на ребенке, а ее влечение к жизни подпитывается фантазмами о воссоединении с собственными партнерами по играм.

Со стороны новорожденного, подверженного влечениям, исходящим изнутри и извне, переходное пространство отношений рисует нам контуры младенца, который с самого начала взаимодействует, ищет смысл, проверяет законы физики и занимается математикой. Этот ребенок не находится и никогда не был в слиянии, и вообще весьма парадоксально представить, что в тот момент, когда пуповина перерезана, мать и ребенок окажутся прижатыми друг к другу...

Этот младенец играет не только так, как младенец по Фрейду, то есть чтобы получить то, в чем ему отказывает реальность. Он играет, чтобы компенсировать фрустрацию,

Кадр подобен коже, оболочке,
которая приспосабливается
к росту ядра, субъекта, самости,
но кадр непременно будет
нарушаться, поскольку полная
адаптация пациентов к кадру
равносильна форме подчинения,
а не процессу индивидуации.

Усталость, гнев, досада, раздражение, разочарование – означают ли эти чувства в контрпереносе, что мы не смогли создать игровое пространство?

чтобы быть в контакте с реальностью, социализироваться и получить доступ к культуре. Это ребенок, который становится человеком.

Человеческая природа — это посмертная работа Д. Винникотта, опубликованная в 1988 году, над которой он работал последние 24 года своей жизни, но так и не смог ее завершить. «Выбирая, — говорит он, — подход к человеческой природе с точки зрения развития, я пытаюсь прояснить, как в результате первичного слияния между индивидом и окружающей средой что-то сливается, а человек задействует то, что он хочет, и обретает способность существовать в мире, который не хочет ничего». А также понять, как «Я перестает быть Другим», как человек, несмотря на превратности жизни,

Речь, скорее, не о том, что ребенка очень желали, но о том, что его хорошо встретили!

конфликты, фазы возбуждения и отстранения, может обрести некое единство и воссоединиться с «истинной самостью.» Самость – это в некотором роде вера, чувство бытия без страха небытия.

В октябре 1918 года Фрейд написал своему другу Оскару Пфистеру⁶, который только что опубликовал брошюру под на-

званием «Что психоанализ может предложить педагогу?»: «Что вы делаете, оспаривая разделение сексуального влечения на части... Вы ищете синтез без предварительного анализа. В психоаналитической технике нет необходимости в специальной работе по синтезу; с этим индивид справляется лучше, чем мы. Анализ — это демонтаж, Я пациента автоматически и неизбежно позаботится о синтезе». Но позже Фрейд уточнил свое суждение: «Когда дезорганизация Я становится такой, что оно перестает быть незаменимым союзником в процессе терапии⁷, — пишет он в «Очерке психоанализа» в 1938 году, — возникают помехи для работы по связыванию».

То есть мы не можем игнорировать структурные ограничения наших пациентов и ставить под угрозу хрупкие защиты. Человек, конечно, принимается связывать сам! Но тогда и только тогда, когда у него есть для этого психические средства: когда Я представляет собой осколки и трещины, не время заниматься психоаналитическим распутыванием!

6 Оскар Пфистер, швейцарский пастор, психолог и педагог. 1873

7 Фрейд, Очерк психоанализа, 1938

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Природа рождается в пространстве между матерью и ребенком, но это не райский сад, она очень хрупкая. Природа — это переходное пространство, которое мы приобретаем или не приобретаем. Природа — это то, чего не хватает пограничным пациентам.

Здоровье, по мнению Винникотта, обеспечивает доступ к единой самости, которая с этого момента может перестать постоянно заботиться о сохранении своего единства, и способна мобилизовать свою энергию на служение вновь доступному либидо, чтобы инвестировать объекты реального сначала в переносе, а затем в реальном мире.

Ребенок, которого плохо несли, становится тем, кого плохо несет анализ. Аналитик пытается поддержать и удержать пациента от падения в пропасть, спастись от гравитации, которая грозит падением. Иногда это удается, иногда нет. Если удастся, если регрессия в зависимость становится возможной из-за стабильности кадра и благожелательного сеттинга, эта природа может быть создана.

Сеттинг — это пейзаж, в котором пациент и аналитик устраиваются, чтобы поиграть в виртуальные каракули, создать связи, прочные нити, которые позволят пережить травматические воспоминания.

Благодаря нашей Вторичной Аналитической Заботе, анализант может рискнуть создать достаточно хороший объект, может осмелиться создать своего аналитика, как младенец может представить себе, что создает грудь. Иллюзия всемогущества оправдывает использование кадра, и помимо удовлетворения влечений, речь идет о рассмотрении природы объекта и места, в котором он находится, а также качества его интериоризации, то есть того, как человек поглощает или выплевывает, подобно тому, как он принимает или отвергает содержания и интерпретации.

Младенец создает грудь так же, как пациент создает своего аналитика: «Мать помещает реальную грудь именно туда, где ребенок готов ее создать»⁸, — говорит нам Винникотт. И если аналитик побуждает своего пациента создать свою собственную интерпретацию, он разрешает доступ к фазе разочарования, чтобы избежать цепляния за объект и создания защитной ложной самости, чтобы нести объект в себе, чтобы в конечном итоге иметь возможность сепарироваться от него.

По поводу интерпретации Винникотт сказал: «Я потрясен, когда думаю о глубоких изменениях, которые я нарушил или задержал у пациентов, принадлежащих к определенной нозографической категории, из-за моей личной потребности в интерпретации. Когда мы показываем, что умеем ждать, пациент начинает понимать творчески, созидательно и с огромным удовольствием. И теперь я получаю больше удовольствия от этого удовольствия, чем от того, чтобы показать себя умным. Думаю, я интерпретирую в основном для того, чтобы пациент знал границы моего понимания. Принцип таков: ответы на вопросы дает пациент, и только он. Мы либо можем, либо не можем сделать его способным постичь известное или осознать его через принятие».⁹

8 Д. Винникотт, *Игра и реальность*

9 Использование объекта и то, как мы относимся к нему через идентификацию. 1968

Игра и тотальная ситуация в переносе

Рональд Доктор

- психоаналитик, психиатр,
- консультант по психотерапии,
- судебный психодинамический психотерапевт;
- академик-секретарь Факультета Психотерапии;
- председатель Ассоциации Психоаналитических Психотерапевтов при Государственной Службе Здравоохранения Великобритании;
- член Британского Психоаналитического Общества и Института Психоанализа; член Британской Психотерапевтической Организации;
- член Королевской Коллегии Психиатров, член Судебного Психотерапевтического Общества (Лондон, Великобритания).

Игра тождественна творчеству
и составляет матрицу
собственного опыта человека
на протяжении всей жизни.

ВСТУПЛЕНИЕ

Пристально наблюдая за младенцами и маленькими детьми, Дональд Винникотт всецело осознавал значимость игры в человеческих взаимоотношениях и подчеркивал ценность игровой деятельности, особенно в связи с психоанализом, а также поиском и обнаружением своей самости. Согласно теории Д. Винникотта, способность играть является важным достижением в процессе эмоционального развития человека. Играя, младенец/ребенок/взрослый связывает внутренний мир с внешним миром, попадая в переходное пространство, или третью область. Игра тождественна творчеству и составляет матрицу собственного опыта человека на протяжении всей жизни. Переходным пространством является такое жизненное измерение, которое не принадлежит ни внутренней, ни внешней реальности; скорее, это пространство, так называемая третья область, которое одновременно соединяет и разделяет внутреннее и внешнее. В контексте аналитических отношений игра является высшим достижением психоанализа,

потому что только через игру можно обнаружить и укрепить самость или идентичность (Абрамс, 1996).

По мнению Д. Винникотта (1946) «включение богатого воображения во время игры» означает использование ребенком третьей области, что свидетельствует о психическом здоровье ребенка. Для Винникотта язык является, скорее, дополнением к игровой и коммуникативной деятельности, а способность играть так же важна для взрослого, как и для ребенка. «Все, что я говорю об играх детей, на самом деле относится и ко взрослым; только, в случае со взрослыми пациентами, описание их материала более затруднительно, так как он предстает, в основном, в рамках вербального общения». По Д. Винникотту психотерапия предполагает совместную игру двух людей – людей, способных использовать потенциальное пространство. Психотерапия осуществляется в пространстве, где пересекаются две игровые области – пациента и терапевта. «Мы должны признавать актуальность игры при анализе взрослых, как и в случае работы с детьми. Игра у взрослых проявляется, например, в выборе слов, интонации и даже в шутках» (Винникотт, 1967).

Согласно М. Кляйн (1955), игра – это естественный способ общения ребенка с другими и с самим собой. Игра позволяет ему исследовать внешний мир, а также справляться

с собственными фантазиями и тревогой. Посредством игры ребенок инсценирует свои осознаваемые и неосознаваемые фантазии. М. Кляйн приходит к выводу, что свободная игра ребенка и его разнообразная деятельность в кабинете психотерапевта являются средствами проявления того, что взрослый выражает преимущественно словами, и служат той же цели, что и свободные ассоциации

взрослого (Klein 1955). Мелани Кляйн считает игру ребенка серьезной работой психики, зачастую эквивалентной сну. Игрушки имеют особое символическое значение для ребенка, которое зависит от его фантазий. Конкретная игра, например, раздевание куклы, может быть репрезентацией множества фантазий: интереса ребенка к собственным гениталиям; фантазий о мастурбации; желания увидеть или оказаться внутри тела матери; идентификации с матерью – кукла может быть репрезентацией как пениса, так и младенца. Материал, который дети продуцируют во время аналитического часа, следует рассматривать в сочетании с тем, как они играют, почему переходят от одной игры к другой, и какие средства они выбирают для своих репрезентаций.

Следует учитывать, что все это является частью переноса по отношению к аналитику и, следовательно, должно рассматриваться в этом конкретном контексте. Позднее, об этом говорит Бетти Джозеф (1985), описывая перенос как тотальную ситуацию, отмечая, что все важное в психической организации пациента будет так или иначе пережито в переносе (К. Бронштейн, 2001).

Во время работы с ребенком М. Кляйн ждала, пока он выразит один и тот же психический материал в различной форме (например, играя с игрушками или водой, рисуя или вырезая что-то т.д.). Когда она переживала инсайт, она интерпретировала происходящее и связывала это с бессознательным и аналитической ситуацией. Кляйн использовала довольно конкретный язык тела «часть-объект», когда давала интерпретации своим маленьким пациентам, предполагая, что этот язык наиболее близок к бессознательным фантазиям и позволит достучаться до детей на соответствующем для них уровне. Однако, сегодня наблюдается тенденция к концентрации на непосредственном опыте переноса с большим акцентом на функции (т.е. вытеснение, воспроизведение, видение).

Благодаря работе М. Кляйн над ранними объектными отношениями и психическими механизмами, в частности проективной идентификацией, понимание природы и процесса переноса значительно расширилось. «Исходя из моего опыта, что при раскрытии деталей переноса важно мыслить в терминах тотальных ситуаций, перенесенных из прошлого в настоящее, а также эмоций, защит и объектных отношений» (Кляйн, 1952a). Мелани Кляйн отмечала, что в течение многих лет перенос трактовался в непосредственной связи с аналитиком, и только позже стало ясно, что, например, такие моменты, как рассказы о повседневной жизни и так далее, дают ключ к бессознательным тревогам, возникающим в ситуации переноса. Так, Б. Джозеф считает понятие

В контексте аналитических отношений игра является высшим достижением психоанализа, потому что только через игру можно обнаружить и укрепить самость или идентичность.

Психотерапия предполагает совместную игру двух людей – людей, способных использовать потенциальное пространство.

тотальной ситуации фундаментальным понятием, способствующим современному пониманию и использованию переноса.

Согласно Бетти Джозеф, тотальную ситуацию в переносе также можно рассматривать как третье пространство; аналитик должен учитывать общее настроение и атмосферу сессии, возникающие процессы, другими словами, все, что пациент привносит в аналитические отношения (Б. Джозеф, 1985). Большая часть нашего понимания переноса приходит через понимание того, как пациенты воздействуют на нас, заставляя чувствовать что-то в силу разных причин; как они пытаются вовлечь нас в свои защитные процессы, как они бессознательно используют отыгрывание в переносе, пытаясь заставить нас отыгрывать вместе с ними. Они выражают аспекты своего внутреннего мира, сформированного в младенчестве и переработанного в детстве и взрослой жизни, переживания, часто выходящие за пределы вербального общения, которые мы нередко можем уловить только через чувства, пробуждаемые в нас, через контрперенос в широком смысле этого слова. Представление о том, что нас используют и что что-то постоянно происходит (если только мы сможем это осознать), раскрывает многие грани переноса.

Клинический материал

Для иллюстрации вышесказанного я хочу обратиться к случаю с пациентом А., которому, казалось, было очень трудно оказать адекватную помощь. Пациент А. был шизоидом, злым и несчастным из-за эмоционально недоступных родителей.

Я постоянно был недоволен своей работой – пациент просто рассказывал мне, что он делал в течение недели; не демонстрировал никаких эмоций, описывал какие-то случаи, связанные с отдельными людьми и ситуациями, а я испытывал разочарование от своих интерпретаций.

Постепенно до меня дошло, что это и было ключом к разгадке – мое разочарование отражало проблему в переносе, и вероятно происходящее в переносе было проекцией внутреннего мира пациента, которого он, пациент, не мог понять и, более того, которому он не мог придать смысла. Он демонстрировал, каково это – иметь мать, неспособную резонировать со своим ребенком, которая не может разобраться в чувствах ребенка, но ведет

себя так, как будто может. Таким образом, у пациента сформировались защитные механизмы, в рамках которых он выдвигал внешне логичные идеи, которые на самом деле никого не удовлетворяли, но при этом заглушали переживание непостижимости и давали ему какую-то опору.

Все важное в психической организации пациента будет так или иначе пережито в переносе.

Если аналитик в таких ситуациях изо всех сил пытается дать подробные интерпретации отдельных ассоциаций, он претворяет в жизнь защитную систему пациента, придавая псевдосмыслы непонятному, вместо того чтобы попытаться установить контакт с опытом пациента, живущего в непостижимом мире. Последнее тоже может быть очень неприятным переживанием для аналитика. Гораздо комфортнее верить, что человек понимает материал, чем играть роль матери, которая не может понять своего младенца/пациента.

Таким образом, благодаря тому что я испытывал в контрпереносе потребность угадывать и довлеющее стремление понимать любой ценой, я смог ощутить проективную идентификацию части внутреннего мира пациента, страдание которого стало для меня очевидным.

Если мы работаем только с вербализуемой частью, мы на самом деле не рассматриваем объектные отношения, отыгрываемые в переносе; как, например, в нашем случае,

Вытесненное бессознательное должно быть скрыто, но остальная часть бессознательного – то, с чем каждый хочет познакомиться – может быть раскрыта через игру так же, как и в сновидениях. Задача аналитика состоит в том, чтобы создать пространство, в пределах которого ребенок или взрослый могут открыть что-то в себе.

отношения между непонимающей матерью и младенцем, который чувствует, что его не могут понять, и именно это формирует основу его личности.

Я предполагаю, что что-то пошло не так в самых ранних отношениях пациента, и на это наложилась структура псевдонормального характера, в результате чего пациент смог вступить во взрослую жизнь, не сломавшись, продолжив, по-видимому, более или менее адекватно функционировать во многих сферах своей жизни. Интерпретация, имеющая дело только с отдельными ассоциациями, затронула бы только более взрослую часть личности, в то время как та часть, которая действительно нуждается в понимании, сообщается посредством давления, оказываемого на аналитика. В переносе это может ощущаться как проживание чего-то из природы ранних объектных отношений пациента, его защитной организации и его метода передачи своего внутреннего конфликта.

Д. Винникотт рассматривал игру как «ворота в бессознательное»: вытесненное бессознательное должно быть скрыто, но остальная часть бессознательного – то, с чем каждый хочет познакомиться – может быть раскрыта через игру так же, как и в сновидениях. Задача аналитика состоит в том, чтобы создать пространство, в пределах которого ребенок или взрослый могут открыть что-то в себе. По мнению Дональда Винникотта, опасность заключается в том, что интерпретации аналитика могут привести к развитию у пациента ложной самости, что является следствием псевдоаналитической интерпретации, когда пациент не способен играть, и такая интерпретация вызывает

В процессе взаимной игры интерпретация, осуществляемая в соответствии с принятыми психоаналитическими принципами, может продвинуть терапевтическую работу вперед.

путаницу или просто не имеет смысла.

В процессе взаимной игры интерпретация, осуществляемая в соответствии с принятыми психоаналитическими принципами, может продвинуть терапевтическую работу вперед. Спонтанный жест исходит от истинной самости, и человек, который может быть спонтанным, живет творчески.

С помощью клинического материала я покажу фундаментальное значение использования переноса и контрпереноса в понимании того, что пациент привносит в отношения. Чтобы это оценить, лучше всего сосредоточить внимание на том, что происходит внутри отношений, как пациент использует аналитика, и как это выражается на вербальном уровне и за его пределами. Описывая отношения холдинга по Винникотту, Колдуэлл (2018) использует фразу «прожить опыт вместе», которая применительно к аналитической паре указывает на одновременно более сложный и более сокровенный для психоанализа процесс, чем тот, который используется исключительно или преимущественно для обмена знаниями и инсайтами.

Клинический материал

Второй пациент, к случаю которого я бы хотел обратиться, господин Б., около восьми лет проходил психоанализ у своего первого аналитика и добился некоторого прогресса. Этот прогресс, однако, не был достаточно устойчивым, и никогда нельзя было полностью увидеть проработку какой-либо конкретной проблемы, в результате чего пациент Б. связался со мной через три года после окончания предыдущего анализа.

Пациент сказал, что у него неприятности – его уволили с работы, а жена задумалась о разводе. Я начал проводить анализ раз в неделю и заметил у себя ощущение комфорта, как будто мне очень нравились сессии с этим пациентом, мне они казались приятными и интересными несмотря на интенсивность работы.

Когда я начал переосмысливать свой контрперенос и материал пациента, я понял, что мой довольно приятный опыт, должно быть, соответствует внутреннему убеждению пациента в том, что какими бы ни были интерпретации, с ним каким-то образом все в порядке. Какие бы трудности ни выявлял анализ, даже мучительные проблемы, у пациента существовала внутренняя уверенность в том, что у него есть какое-то совершенно особое место рядом со мной, и что мои интерпретации были всего лишь интерпретациями. Его место рядом со мной было гарантированным, не требующим каких-то перемен с его стороны. Следовательно, можно снова и снова делать квазикорректные интерпретации, исследовать и объяснять что-то, но, если более глубокое бессознательное убеждение остается неисследованным, вся терапия может оказаться фикцией.

Кроме того, убежденность пациента в том, что он занимает особое место рядом со мной и ему не нужно меняться, а я, аналитик, испытываю к нему особую привязанность

или любовь, что ради себя самого я не хотел бы его отпускать, было, скорее всего, основой моего комфортного опыта контрпереноса.

Таким образом, если рассматривать перенос и интерпретацию как проживание опыта, сродни игре и движению, то интерпретации должны это выражать.

Осознание господином Б. его убежденности в том, что он занимает особое место рядом со мной, с точки зрения смутной нереальности большей части нашей работы и моей привязанности к нему, проходило очень болезненно. Было бы проще быстро связать это с его прошлым, или с тем, что он был любимцем своей матери, или с несчастливими отношениями с отцом, хотя родители оставались вместе на протяжении всей своей жизни. Но если бы я так сделал, это снова укрепило бы убежденность моего пациента в том, что интерпретации были «всего лишь интерпретациями» и что я на самом деле не верю в то, что говорю. На мой взгляд, важно было сначала озвучить скрытые предположения, чтобы, какими бы болезненными они ни были, они могли быть пережиты в переносе как его психическая реальность, и только позже, постепенно, связать их с его прошлым.

С точки зрения Д. Винникотта (1968), игра происходит в потенциальном пространстве между малышом и матерью; наш клинический материал иллюстрирует ощущение пациентом своего особого места рядом с матерью, и именно в этом, потенциальном, пространстве должны произойти изменения – там, где пациент сливается с матерью и где необходима сепарация.

Игра развивается в этом пространстве, позволяя ребенку пережить сепарацию без сепарирования, что становится возможным, когда состояние слияния с матерью заменяется адаптацией матери к потребностям ребенка. Другими словами, начало игры связано с жизненным опытом ребенка, который привык доверять материнской фигуре. Игра всегда имеет творческий и захватывающий характер, потому что она имеет дело с существованием зыбкой границы между субъективным ощущением и тем, что может быть воспринято объективно.

В небольшой статье «Почему дети играют», написанной для родителей в 1942 году, Д. Винникотт описывает некоторые функции игры для ребенка. Коротко и просто Винникотт раскрывает все ключевые вопросы, которые он будет продолжать исследовать в своих работах вплоть до 1970 года: агрессию, тревогу, ощущение себя, дружбу и интеграцию. Все эти аспекты я попытаюсь прояснить на собственном клиническом материале.

В ситуациях, где игра невозможна, работа терапевта направлена на то, чтобы вывести пациента из состояния неспособности играть в состояние способности играть.

Можно снова и снова делать квазикорректные интерпретации,
исследовать и объяснять что-то, но, если более глубокое
бессознательное убеждение остается неисследованным, вся терапия
может оказаться фикцией.

Если рассматривать перенос и интерпретацию как проживание опыта, сродни игре и движению, то интерпретации должны это выражать.

Таким образом, Винникотт предлагает новый взгляд на терапевтические отношения в психоанализе, радикально меняя фрейдистский подход. Фрейдистская интерпретация фокусируется на знании аналитика о бессознательном пациента, а Винникотт большую значимость придает игровой деятельности и способности играть. Именно игра обладает универ-

сальным характером и относится к психическому здоровью: игра ведет к формированию взаимоотношений в группе, игра облегчает взросление и, следовательно, способствует здоровью; игра может быть формой общения в психотерапии; и, наконец, психоанализ был разработан как специфическая форма игры, как инструмент общения с самим собой и другими людьми.

Элла Шарп (1937) сравнивает сновидения у взрослых с детской игрой и инсценировкой. Она отождествляет феномен сновидения с проекциями самости, связывая это с внутренней инсценировкой. История сновидения и перенос пациента на аналитика явно связаны, персонажи сновидения связаны с процессом, который Кляйн называет проективной идентификацией. Мелани Кляйн отмечала наполненность детской игры эмоциональным и символическим значением; она указывала на коммуникативный потенциал сновидений и смыслов, содержащихся в образах.

Последующее исследование Винникоттом развития и функционирования игры проливает свет на функцию сновидения, его места в эмоциональной сфере, психической жизни и в психоаналитическом процессе. Способность играть развивается в отношениях ребенка с матерью, из ее изначального холдинга эмоциональной напряженности младенца, ее рефлексивного распознавания или отражения потребностей и психической реальности ребенка. Этот холдинг вместе с удовлетворением потребностей младенца, по мнению Д. Винникотта, приводит к временной иллюзии слияния, которая парадоксальным образом поддерживает растущую способность переносить реальность отдельности и потерю всемогущества. Решающим шагом, по мнению Винникотта, является развитие привязанности к конкретным объектам, звукам или образам, которые становятся символом обладания и единения с матерью. «Переходный объект» возникает как инструмент для поддержания данной иллюзии. В дальнейшем развивается переходная деятельность или игра, и переходное пространство, в котором играет развивающийся ребенок (Винникотт, 1971).

Под влиянием идей Д. Винникотта Масуд Хан ввел термин «пространство сновидений» и сформулировал концепцию, согласно которой взрослые могут использовать пространство сновидений так же, как ребенок использует переходное пространство. Развитие способности использовать пространство сновидений происходит в рамках развития способности принимать и проживать частную жизнь своей самости, своего истинного Я. В этом смысле, сновидящий пациент, подобно играющему ребенку, сакрален и обособлен, и при этом, что самое важное, он проявляет свою индивидуальность, которую анализ должен одновременно распознать и пробудить.

Клинический материал

Далее, я хочу представить случай с пациентом В., который вернулся после двухнедельного перерыва и сообщил мне, что хочет сесть в кресло, а не лежать на кушетке, и сразу же сел на единственный свободный стул. Далее он начал рассказывать мне, что во время перерыва размышлял о том, следует ли ему завершить анализ. У него было ощущение, что анализ не работает, и никаких перемен не происходит.

Пациент В. сообщил мне, что собирался поехать со своей подругой к ее семье в Европу, но в последний момент у него появились симптомы ковида, он сдал тест, который оказался положительным. Соответственно, ему пришлось остаться в Лондоне, в то время как его подруга уехала праздновать Рождество со своей семьей. Пациент сказал, что не уверен, хочет ли он продолжать отношения со своей девушкой или предпочел бы их разорвать. Когда В. говорил мне это, он казался очень тихим и подавленным.

Я сказал ему, что он чувствовал себя униженным и брошенным мной и своей девушкой, уехавшей от него на время праздников, и что, возможно, его единственный выход — это оставить меня, анализ и уйти от своей девушки, тем самым лишив нас власти. Ведь мы бросили его, когда ему было плохо.

Он согласился с этим и добавил, что анализ истощает его, что он чувствует, что должен занять более активную позицию, и что он хочет более игрового анализа.

Я отметил, что он проявил активность в том, что предпочел сидеть. И далее я предложил ему рассказать о снах и тем самым придать нашей беседе более творческий и игровой характер.

В. сказал, что на самом деле прошлой ночью ему приснился сон: он был в здании и говорил мужчине, что собирается прекратить свой анализ. Этот человек сказал ему: «Разве вы не слышали, что вашему психоаналитику Р. Доктору запретили заниматься психоанализом – он что-то натворил, и ему запрещено практиковать? Однако он продолжает работать с вами, хотя уже лишен лицензии». Пациент отметил, что ему казалось, что от этого сна исходит какая-то угроза.

Я прокомментировал, что, хотя он подумывал о прекращении своего анализа, но был в ужасе от того, что я, возможно, соблазняю его остаться и предлагаю ему нормальные отношения, хотя я теперь больше не аналитик.

Сновидение может довольно точно раскрыть свой смысл, будучи пережитым во время сессии, когда мы можем увидеть определенную и добровольную вовлеченность пациента в запущенные болезненные проблемы вместо встречи с его услужливыми и милыми объектами, от которых отвернулся анализ. Эта услужливость проявляется в том, что он действительно возвращается, но садится в кресло, а не ложится на кушетку. Он пытается выставить меня униженным, лишенным лицензии, показать, что власть

В ситуациях, где игра невозможна, работа терапевта направлена на то, чтобы вывести пациента из состояния неспособности играть в состояние способности играть.

Именно игра обладает универсальным характером и относится к психическому здоровью: игра ведет к формированию взаимоотношений в группе, игра облегчает взросление и, следовательно, способствует здоровью; игра может быть формой общения в психотерапии; и, наконец, психоанализ был разработан как специфическая форма игры, как инструмент общения с самим собой и другими людьми.

принадлежит ему, которому я не нужен, а я, в свою очередь, хочу лишь одного – чтобы он остался со мной.

Мы можем видеть наполненность переноса смыслом и историей – историей о том, как пациент отворачивается и, я полагаю, всегда отворачивался от своих хороших кормящих объектов. Тревога, которая все еще в некоторой степени сохраняется в отношении женщин, может служить индикатором того, как он, проецируя свою любовь на мать и искажая ее, сформировал прочное представление о ней как о соблазнительной.

Бетти Джозеф подчеркивает важность оценки тотальной ситуации в переносе (Joseph 1985): аналитик должен учитывать общее настроение и атмосферу сессии, возникающие процессы, другими словами, все, что пациент привносит в аналитические отношения. Идеи возникают из клинического материала, а не накладываются поверх него. Она призвала формировать установку на открытость, которая гораздо лучше служит пациенту, чем стремление к преждевременному пониманию.

Важной частью работы аналитика являются периодические попытки поставить себя на место пациента, проявить эмпатию и отступить назад, чтобы подумать и понаблюдать за аналитической парой, возможно с позиции третьего.

Клинический материал

Далее я хотел бы привести фрагмент сессии с пациентом В., о котором я только что рассказывал, и попытаться показать, что игра в анализе больше связана с переживанием опыта, позволяющего, словами Колдуэлла, (2018, стр. 228) «пережить опыт вместе». Применительно к аналитической паре это указывает на одновременно более сложный и более сокровенный для психоанализа процесс, чем тот, который используется исключительно или преимущественно для обмена знаниями и инсайтами. То, что является сутью восприятия бытия по Винникотту, Колдуэлл называет проживаемой

Сновидящий пациент, подобно играющему ребенку, сакрален и обособлен, и при этом, что самое важное, он проявляет свою индивидуальность, которую анализ должен одновременно распознать и пробудить.

реальностью ребенка, и, соответственно, проживаемой реальностью пациента в анализе.

Пациент. Ш. (нынешняя девушка пациента) осталась у меня, мы пошли ужинать, я был очень зол до того, как увидел ее, но не показывал этого. Она спросила меня, чего я хочу, поскольку между нами ничего не получалось, и мы ссоримся, не приходя к согласию. Чего я хочу в будущем, так это иметь семью, место, где я живу, живу с кем-то. Возможно, у меня должен быть ответ получше, но это правда. Чего я не сказал, так это того, что «я хочу иметь семью с тобой». Одно дело, что я абстрактно хочу иметь семью, но хочу ли я этого с ней? Может быть, это моя попытка оттолкнуть ее. Может быть, это отражает мою двойственность.

Аналитик. Возможно, скрывая свой гнев, вы сделали это абстрактное заявление.

Пациент. Я точно знаю, что после Рождества все было как в дерьмовом шоу: боль, страх, домашние дела, изоляция – это гребаная неразбериха. Мы много ссорились, испытывали проблемы с психикой, страдали депрессией, пили антидепрессанты, переживали весь этот ужас.

Аналитик. Кажется, вы даете мне понять, что реальность ваших отношений довольно болезненна.

Пациент. Так было весь прошлый год, к счастью, для нее это тоже так. И теперь она курит травку. Тишина.

Аналитик. Похоже, вы впадаете в очень неопределенное душевное состояние, чувствуете, что не можете выбраться из этой ситуации, и, возможно, хотите, чтобы я выдерживал это губительное состояние вместо вас.

Пациент. Мне приснился сон: первый сон был о том, как собака собирается укусить меня и как я защищаюсь от этой собаки. Напасть на нее или свернуться калачиком? Что сделать, чтобы меня не убили? Я не должен делать резких движений.

Мой второй сон был о заводской школе. Ш. (нынешняя девушка) работала, а ее друзья собирались встретиться со мной, но они не пришли, и я подумал, чего же я жду, а потом я встретил там А. (бывшую подругу) и занялся с ней сексом.

Пациент. Я проснулся, скучая по А, это типичная картина, я чувствую одиночество, и мои мысли обращаются к А., чтобы справиться со своим состоянием.

Аналитик. Это действительно кажется типичной схемой: от своей злости вы уклоняетесь, сворачиваетесь калачиком и остаетесь неподвижным, ожидая укуса собаки, а затем мечтаете об А. как об идиллии из далекого прошлого.

Тишина

Пациент. Дело не в том, чтобы щелкнуть выключателем, а в том, что для получения кандидатской степени требуется некоторое время, время чтобы вернуться в нужное русло.

Аналитик. Возможно, вы – злая собака, желающая вцепиться в яремную вену.

Аналитик должен учитывать общее настроение и атмосферу сессии, возникающие процессы, другими словами, все, что пациент привносит в аналитические отношения. Идеи возникают из клинического материала, а не накладываются поверх него.

Пациент. В конце концов, я ничего не сделал, только пригрозил насилием.

Аналитик. Похоже, вы боитесь вылить свой гнев на Ш. (нынешнюю девушку) и на меня. Чего вы ждете? Лучше вернуться к прошлому, в постель с А., панацее от всех проблем?

Пациент. Это, безусловно, верно.

Аналитик. Саботировать настоящее, вернуться к А.

Пациент. Это мощное притяжение. Интересно, пройдет ли оно? Это всего лишь фантазия о единении с А., но такая мощная.

Аналитик. Реальность такова, если я правильно помню, что секс с А. был не таким уж и замечательным.

Пациент. Верно.

Аналитик. Фантазия состоит в том, что две модели будут идеально и постоянно совмещаться.

Пациент. Извращенная фантазия, но это правда.

Аналитик. И стоять вместе с А. на Таймс-сквер в Нью-Йорке, наблюдая за ней на фоне мигающих неоновых огней.

Пациент. Да, это было нечто, по сравнению с тем, что у меня происходит с Ш. – что-то очень приземленное и жалкое... Но все же у них есть сходство, их характеры, обе бо-
ются заводить детей. А. сделала меня одиноким, это не лучший ответ.

Аналитик. Ответ кажется очень болезненным.

Важной частью работы аналитика являются периодические попытки поставить себя на место пациента, проявить эмпатию и отступить назад, чтобы подумать и понаблюдать за аналитической парой, возможно, с позиции третьего.

ОБСУЖДЕНИЕ

Хотя в приведенной выше сессии появляется много противоречивого и амбивалентного материала, игра с конфликтующими идеями может помочь пациенту начать понимать свою ситуацию. Я думаю, что эта сессия демонстрирует концепцию холдинга Д. Винникотта и подчеркивает ее важность в связи с образом бытия или, как я упоминал ранее, совместного проживания опыта.

Данная статья является попыткой показать, что значит проживать опыт в переносе, продемонстрировать, что интерпретации редко воспринимаются только как интерпретации, за исключением случаев, когда пациент близок к депрессивной позиции. Я написал о важности рассмотрения переноса как проживаемых отношений, в которых происходит постоянное движение и перемены.

Кроме того, на все, что делает или говорит аналитик, скорее всего, будет дана реакция в соответствии с собственным психическим складом пациента, а не в соответствии с тем значением, которое придает аналитик своим интерпретациям. Способ, которым

На все, что делает или говорит аналитик, скорее всего, будет дана реакция в соответствии с собственным психическим складом пациента, а не в соответствии с тем значением, которое придает аналитик своим интерпретациям.

наши пациенты сообщают нам о своих проблемах, часто выходит за рамки их отдельных ассоциаций и слов, и может быть воспринят только посредством контрпереноса. Таким образом, как было сказано в начале статьи, материал, который дети продуцируют во время аналитического часа, следует рассматривать в сочетании с тем, как они играют, по каким причинам меняют игру, какие средства они выбирают для своей репрезентации.

Мы должны учитывать, что все это является частью отношений переноса на аналитика и, следовательно, должно рассматриваться как возникающее и имеющее значение в этом конкретном контексте. Позже об этом говорит Бетти Джозеф (1985), описывая перенос как тотальную ситуацию, означающую, что все важное в психической организации пациента будет так или иначе пережито в переносе.

ВЫВОД

Для Дональда Винникотта психотерапия предполагает совместную игру двух людей, способных использовать потенциальное пространство. Таким образом, Винникотт формулирует новый взгляд на терапевтические отношения в психоанализе, что радикально меняет фрейдистскую концепцию. В то время как фрейдистская интерпретация основана на том, что аналитик знает что-то о бессознательном пациента, Винникотт считает игру и способность играть более важными для работы аналитика. Фактически для Д. Винникотта психоанализ является специфической формой игры. По его мнению, при детском анализе игровое пространство важнее интерпретации именно потому, что оно позволяет проявить не сообразительность аналитика, а творческий потенциал ребенка.

Материал, который дети продуцируют во время аналитического часа, следует рассматривать в сочетании с тем, как они играют, по каким причинам меняют игру, какие средства они выбирают для своей репрезентации.

Текущая современность и имажинизм: размышления о социальных сетях и свободных ассоциациях

Марсело Д. Гомес

- психотерапевт, психоаналитик, г. Нью-Йорк, США
- член Американской психологической ассоциации, Вермонтской ассоциации психоаналитических исследований, доктора религиоведения в Бостонском университете,
- кандидат наук в Университете Зигмунда Фрейда (Вена, Австрия).

Социальные сети оказывают существенное влияние на то, как мы воспринимаем мир и взаимодействуем с другими людьми. Быстрое развитие технологий привело к созданию платформ, способных манипулировать людьми за счет визуального и эмоционального воздействия. Изменяют ли новые модели общения психические процессы пациентов? Становятся ли свободные ассоциации более образными? Современный клинический сеттинг позволяет по-новому взглянуть на пересечение социального и индивидуального, на способы самовыражения пациентов и интерпретации аналитиков.

Фокусом настоящей статьи являются имажинистские репрезентации в социальных сетях. При этом, в статье также исследуется концепция счастья, поскольку многие проблемы, с которыми сталкивается современный человек в виртуальной реальности, тесно связаны с его стремлением к счастью.

То, что мы считаем счастьем ... действительно существует, но мы не достигаем его, потому что оно всегда находится там, куда мы его помещаем, а мы никогда не помещаем его туда, где находимся сами.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЧАСТЬЯ И ОБЩЕСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХОАНАЛИЗА

«То, что мы считаем счастьем ... действительно существует, но мы не достигаем его, потому что оно всегда находится там, куда мы его помещаем, а мы никогда не помещаем его туда, где находимся сами» (Старая тема I, Висенте де Карвальо, 1866–1924).

Висенте де Карвальо, выдающийся бразильский поэт и писатель, родился в 1866 и прожил до 1924 года. Он принадлежал к движению парнасцев в Бразилии, и в своих произведениях особое внимание уделял форме, структуре и четкому ритму. В его поэзии часто затрагиваются темы тоски, разлуки и неуловимого ощущения счастья, что нашло отражение в его стихотворении «Старая тема I» (Old Theme I). Несмотря на краткость своих стихов, Карвальо удавалось запечатлеть суть человеческих эмоций и экзистенциальных проблем в понятной, но очень красноречивой форме. Его творчество внесло значительный вклад в бразильскую литературу, и вдохновляет писателей и поэтов на исследование человеческих эмоций и желаний. Стихотворение В. Карвальо передает напряженность, существующую между желаниями и внешней реальностью, на-

Счастье, в самом прямом смысле,
происходит от удовлетворения
(желательно внезапного)
потребностей, которые были
сильно подавлены.

мекая на несоответствие между счастьем и требованиями общества, о чем говорил З. Фрейд. В своей работе «Недовольство культурой» Фрейд говорит, что «счастье, в самом прямом смысле, происходит от удовлетворения (желательно внезапного) потребностей, которые были сильно подавлены». (Фрейд 1933, с. 76).

Он также исследует концепцию вины как следствия развития цивилизации и как ее проникновение отражает-

ся на счастье. Он утверждает, что по мере развития цивилизации люди вынуждены подавлять свои инстинкты и желания, чтобы соответствовать общественным нормам и ценностям. Это подавление приводит к усилению чувства вины, что в конечном итоге приводит к потере состояния счастья. «Цена, которую мы платим за развитие цивилизации, – усиление чувства вины, и как следствие, потеря счастья» (стр. 134). Людьюми от природы движут такие инстинкты, как агрессия, сексуальность, эмоциональные привязки и самосохранение. Однако во имя гармоничной жизни люди должны подавлять эти инстинкты и соответствовать ожиданиям общества. Такая постоянная борьба между внутренними потребностями и общественными нормами порождает чувство вины, укрепляемое страхом подвергнуться осуждению, изгнанию или наказанию. Более того, З. Фрейд утверждает, что усиление чувства вины является необходимым жертвоприношением в угоду развития и поддержания цивилизации. По мере того, как общество становится более сложноорганизованным, его эффективное функционирование требует соблюдения все более строгих правил и норм. Исходя из положений З. Фрейда, счастье можно рассматривать в контексте внутренней личностной динамики, связанной с удовлетворением; еще со времен древних цивилизаций, благодаря социальным механизмам, появляется культура, основанная на искусственном значении счастья.

В греческой культуре счастье было идеей, которая изначально ассоциировалась с религией. Считалось, что боги дарят счастье в награду за добродетельную жизнь. Следовательно, счастье рассматривалось как благо, основанное на определенном качестве – главным образом, добродетели. Эту идею активно развивали философы-софисты, которые были в авангарде культурного движения в Греции.

Однако позже эта концепция была оспорена греческими философами, которые считали счастье индивидуальным достижением каждого отдельного человека. Счастье как благо, основанное на качестве, было заменено концепцией эвдемонии, или счастья как состояния бытия. Это состояние бытия достигается благодаря стремлению к добродетели и знаниям, которые наполняют жизнь смыслом.

Позже в религии появляется другая интерпретация счастья – счастье как благо, утраченное из-за человеческой природы, которое, однако, можно вновь обрести благодаря божественному вмешательству, обращению в веру или духовному росту.

Согласно западному христианскому мировоззрению, счастье – это то, чего люди лишились из-за первородного греха. Оно рассматривалось как награда за праведную жизнь, которая была возможна только через веру. Эта концепция счастья распространилась в Средние века и существовала вплоть до эпохи Просвещения. Благодаря мыслителям эпохи Просвещения произошел сдвиг в понимании счастья. Они считали, что счастье является фундаментальным фактором, придающим ценность человеческой жизни. Право на счастье стало естественным законом, фундаментальным правом каждого.

В современном мире счастье воспринимается как фрагментарная идея. Люди часто отождествляют счастье с успехом, материальными благами и популярностью в социальных сетях. Погоня за счастьем превратилась в постоянные крысиные бега, которые приводят к повышению уровня стресса, тревоги и депрессии. Счастье часто представляется как недостижимый идеал, для обретения которого требуется подтверждение извне. Социальные сети усугубили ситуацию, создав нереалистичные стандарты красоты, богатства и успеха, подпитывая веру в то, что счастья невозможно достичь, не соответствуя этим стандартам. Эта постоянная игра в сравнения негативно сказывается на психическом здоровье людей и приводит к ощущению неадекватности, разобщенности и эмоциональной зависимости.

Усиление чувства вины
является необходимым
жертвоприношением
в угоду развития и поддержания
цивилизации.

Цена, которую мы платим
за развитие цивилизации, –
усиление чувства вины,
и как следствие, потеря счастья.

На понимание счастья повлияла модель, основанная на трех трагедиях: трагедии быстрых результатов, трагедии поляризации и трагедии единообразия. Согласно трагедии быстрых результатов, люди предпочитают средства, позволяющие добиться быстрого разрешения проблемы: наркотики, алкоголь

или отвлекающие факторы в виде социальных сетей. Причиной такой трагедии может являться то, что некоторые характеристики психического функционирования косятся в нарциссических защитах и нежелании признавать уязвимость (Стефано Болоньини, 2023).

Трагедия поляризации – еще один компонент, влияющий на счастье, связанный с необходимостью быть на правильной стороне в любой дискуссии или идеологическом разногласии. Политические, религиозные и социальные различия привели к глубокой поляризации среди людей, что значительно ослабляет возможность найти достаточно хорошие пространства.

В психоаналитических терминах поляризацию можно рассматривать как социальное проявление процессов расщепления, дезорганизующих внутренний мир человека. В статье Франко де Маззи, опубликованной в итальянском психоаналитическом журнале, утверждается, что виртуальная реальность может изменять и подрывать обычные критерии познания, искажая личностный рост человека (Masi, 2023, стр. 65–66).

Интернет и социальные сети усугубили трагедию поляризации, создав эхо-камеры, где единомышленники формируют свой замкнутый мир, в котором людей, не соответствующих мнению группы, уничижают и отвергают.

Еще со времен древних цивилизаций, благодаря социальным механизмам, появляется культура, основанная на искусственном значении счастья.

Третья трагедия, трагедия единообразия, возникает как антитеза ценности непохожести и разнообразия. В современном мире существуют различные верования, варианты исторического опыта, формы культурного самовыражения и религиозной принадлежности и т.д. Но однородность ставится выше плюрализма, что приводит к необходимости большей социальной интеграции и разнообразия. Отличающееся воспринимается как бета-элементы (Бион), которые невозможно соединить с другими элементами для формирования репрезентаций особых взглядов в процессе обмена знаниями и интеграции информации.

С психоаналитической точки зрения счастье тесно связано с личностью и процессом психической организации, это побочный продукт того, что Уилфред Бион называл альфа-функцией. Альфа-функция относится к способности создавать смысл из необработанного содержимого бессознательного, это процесс в сознании, который преобразует хаотичные сенсорные переживания в связные и мыслимые психические репрезентации. В основе альфа-функции лежит способность выносить фрустрацию и неопределенность. Такая способность необычайно важна, потому что жизнь часто непредсказуема, а обстоятельства меняются с высокой скоростью и частотой.

Если вновь обратиться к стихотворению В. Карвальо, можно заметить, что наряду с «цивилизацией и недовольством ею» во все времена счастье помещалось в различные

места, где нас нет; таким образом возникают обособленные пространства и, следовательно, психическое отсутствие. Такое отсутствие может исказить восприятие человеком реальности и в конечном итоге способствовать целому ряду внутренних дезорганизаций, включая не невротические состояния (Грин, 1975).

Описывая свою проблему, пациенты часто говорят: «я хочу быть счастливым» или «я хочу обрести счастье», что, возможно, является признаком психического отсутствия, когда метакоммуникация предполагает дистанцию между бытием и счастьем в смысле достаточно хорошего состояния, в котором переживается интеграция. У каждого есть бессознательное желание испытывать счастье как часть своего внутреннего бытия, а не как нечто созданное коллективными фантазиями в рамках социальной динамики.

ОТ СЧАСТЬЯ К ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ...

Изменения, произошедшие в современных обществах, особенно после 1960-х годов, описаны в большом количестве научных работ. Социолог Зигмунт Бауман (2000) считает такие изменения радикальными, с точки зрения мышления и социальных связей, и называет это эпохой текущей современности. В контексте, где преходящее заменяет постоянное, глобализация разрушает экономическую логику холодной войны, размывает национальные границы, позволяет звучать лишь господствующим языкам, а человек сталкивается с цифровым миром и новыми формами клинического опыта.

Одно из новых измерений в постмодернистской клинической практике можно наблюдать через новые формы психического содержания свободных ассоциаций. Согласно Лапланшу и Понталису (1973), свободная ассоциация – это «метод, согласно которому необходимо озвучивать все без исключения мысли, которые приходят на ум... слова, числа, образы из сна или вообще любые идеи» (с. 169). Учитывая изменения, вызванные появлением социальных сетей и их имажинистских моделей общения, эмоционального самовыражения и отношений, специалистам по клинической практике необходимо обращать внимание на изменение репертуара переживаний, которым необходимо придать голос, а также на изменившуюся природу самого «голоса», который часто звучит на различных платформах, устанавливающих свои правила и условия создания профилей, постов, форумов, а также имеющих свои интерактивные инструменты.

В мозаике виртуальной жизни преобладают образы. На смену художественному творчеству, где правит исключительно талант, приходят более демократичные и более популярные визуальные формы выражения: фотографии, видеоролики, короткие цифровые сториз и так далее. Такое увеличение количества визуальных элементов в публикациях и взаимодействиях в социальных сетях оказывает влияние на коммуникацию, социальные связи и виртуальную идентичность.

На понимание счастья
повлияла модель, основанная
на трех трагедиях: трагедии
быстрых результатов, трагедии
поляризации и трагедии
единообразия.

У каждого есть бессознательное желание испытывать счастье как часть своего внутреннего бытия, а не как нечто, созданное коллективными фантазиями в рамках социальной динамики.

В рассказывании историй происходит сдвиг от использования слов к использованию образов, от опыта пережитого к опыту виртуальному, от письменного и проговоренного к образно сконструированному. Это движение медленно, но неуклонно может менять то, как мы живем, что мы чувствуем, и как мы выражаем себя. Следовательно, оно влияет на рождение пациентами свободных ассо-

циаций — и, возможно, на восприятие аналитиками психических процессов.

Например, молчание обычно воспринимается как форма сопротивления или симптом. Тем не менее, насыщенная изображениями динамика виртуального мира может привести к появлению новой формы молчания, которая не обязательно является сопротивлением или симптомом. Молчание или низкий уровень вербальной экспрессии во время сеанса могут указывать на богатое содержание образов в сознании пациента или на переживание, когда психический процесс перегружен образными паттернами. Это может быть связано с новыми формами эмоциональной и социальной идентичности, вызванными виртуальными формами коммуникации в социальных сетях или, по крайней мере, находящимися под их сильным влиянием.

В «Обществе спектакля» Ги Дебор (1967–1983) формулирует идею двух движений, лежащих в основе современной социальной идентичности: движение от бытия к обладанию и от обладания к видимости. «Когда реальный мир превращается в простые образы, простые образы становятся реальными существами» (с. 6).

Однако, согласно Ги Дебору в эпоху постмодерна образы выполняют функцию посредников, созданных потребительским мышлением, которое определяет социальную идентичность. «Спектакль – это не набор образов; это, скорее, социальные отношения между людьми, которые опосредуются образами» (с. 12).

Для обоснования этого аргумента можно обратиться к двум современным явлениям: политической поляризации и экстремизму в социальном и религиозном контекстах.

Первое явление связано с высокой полярированностью политических арен в социальных сетях, когда поляризация воспринимается как результат того, что две стороны нашли место в социальной динамике и могут оказывать влияние или манипулировать значительной группой людей, отстаивать свои взгляды, добиваться власти и авторитета в социальных структурах; такое «перетягивание каната» может очень далеко зайти, поскольку даже один единственный пост может вызвать волну острых конфликтов и споров.

Структура социальных сетей основана на изображениях или, в случае сети Twitter, коротких текстах. Степень поляризации растет по мере того, как различные политические партии усиливают свое присутствие на этих платформах, поэтому следует учитывать роль изображений в формировании нашего социального мира.

Вторым явлением, которое обеспечивает влияние имажинистских паттернов социальных сетей на формирование постмодернистской идентичности, является

экстремизм. Рост насилия и дискриминации по всему миру — от массовой стрельбы в США до движения ультраправых в политике и религии во многих других странах — указывает на движение в обратном направлении. Если пространство для демократических дискуссий расширяется, а информация становится более доступной, как можно объяснить рост экстремизма?

Мощная имажинистская сила платформ социальных сетей может быть одним из проводников этого пагубного процесса, с которым сталкивается постмодернистское общество и который раскрывается как манипулятивный механизм, создающий иллюзии. В работе «Психология масс и анализ Я» (1921) Зигмунд Фрейд писал о поведении и мышлении экстремистских групп: эти группы никогда не стремятся к истине. Они требуют иллюзий и не могут без них обойтись. Они постоянно ставят нереальное выше реального; на них почти так же сильно влияет то, что не соответствует действительности, как и то, что истинно (с. 80). Иллюзия здесь связана с подавлением и манипуляцией в коллективной динамике. Стремясь быть частью групповой динамики, члены группы подавляют личные желания, безоговорочно следуя за лидером группы. В результа-

Насыщенная изображениями динамика виртуального мира может привести к появлению новой формы молчания, которая не обязательно является сопротивлением или симптомом. Молчание или низкий уровень вербальной экспрессии во время сеанса могут указывать на богатое содержание образов в сознании пациента или на переживание, когда психический процесс перегружен образными паттернами.

те может возникнуть уязвимость членов группы и их подверженность влиянию лидеров любого типа, в том числе экстремистов.

3. Фрейд (1921) считал, что в группах индивиды связаны образами, а значит имажинистский контент в социальных сетях может затрагивать уязвимость людей и стать инструментом манипулирования, провоцируя иллюзорные или даже бредовые состояния и усиливая ненависть и жестокость. В этом смысле можно говорить о том, что экстремистские настроения могут в значительной степени усиливаться с помощью этого имажинистского механизма, называемого социальными сетями.

Если имажинистская реальность социальных сетей провоцирует рост поляризации и экстремизма, и это формирует идентичность отдельных людей и социальных групп, то весьма вероятно, что она влияет и на воспроизведение бессознательного и ассоциативного материала в клинических условиях.

Нарциссические или диссоциативные состояния усиливаются иллюзорным миром, защищенным и подкрепляемым существующими алгоритмами. Что касается нарциссизма, возможно, некоторые аспекты социальных сетей определенным образом подкрепляют нарциссическую личность. К таким аспектам относятся: потребность получать

В эпоху постмодерна образы выполняют функцию посредников, созданных потребительским мышлением, которое определяет социальную идентичность.

как можно больше лайков, постоянная потребность в присутствии в социальных сетях и размещении постов для привлечения большего числа подписчиков.

ПОСТМОДЕРНИЗМ, ИМАЖИНИЗМ И МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

В начале 20-го века литературное движение под названием имажинизм стремилось заменить викторианскую субъективность в английской поэзии. Вместо сентиментализма, основой имажинизма являются ясный, простой язык, понятные образы, отражающие объективность темы; движение имажинизма в значительной мере формировалось под влиянием популярности фотографии. Акцент делался на простоте и точности языка, а также на использовании прямой образной репрезентации (Academy of American Poets, 2017). Характерным для данного движения является стихотворение Эзры Паунда, основателя школы имажинизма, «Стеклянное море» (1917):

*Я посмотрел и увидел море,
С куполом из радуг,
На каждой из которых
Встретились и расстались двое влюбленных;
Затем небо наполнилось лицами,
За которыми виднелось золотое сияние.*

Имажинизм служит отличной аналогией, полезной для понимания визуальных моделей социальных сетей и способов, посредством которых социальные сети влияют на все сферы общественной жизни, включая политику, образование, религию и клиническую практику. Вместо субъективных и образных форм повествования, которые ранее были основой книг и реального взаимодействия, теперь изображения в социальных сетях и «твиты» формируют функционирование социальных групп, а также личные интересы, ценности и даже ментальные представления о мире, в котором мы живем.

В группах индивиды связаны образами, а значит имажинистский контент в социальных сетях может затрагивать уязвимость людей и стать инструментом манипулирования, провоцируя иллюзорные или даже бредовые состояния и усиливая ненависть и жестокость.

Как отмечалось ранее, слабая выраженность дискурса пациентов в постмодернистских клинических условиях может отражать влияние социальных сетей, усиливающих имажинистские формы взаимодействия, виртуальные отношения и коммуникацию. Психологи могут рассматривать молчание пациента как форму сопротивления, но необходимо переосмыслить эту парадигму и учитывать как имажинистский формат социальных сетей формирует психологическое функционирование, лингвистические паттерны общения и эмоционального взаимодействия.

Зигмунд Фрейд первым обратил внимание на то, как образные компоненты становятся связанными с определенными характеристиками манипулируемых групп, формируя социальный менталитет и подавляя индивидуализацию: «Группа необычайно доверчива и открыта влиянию... Она мыслит образами, воздействующими друг на друга посредством ассоциаций... и чье соответствие реальности никогда не проверяется разумом» (1921, с. 78).

Многие популярные платформы социальных сетей поощряют общение с помощью изображений и коротких высказываний. Большинство их пользователей – подростки и молодые люди. По данным статистического исследования Осье и Андерсона (Auxier and Anderson, 2022), большинство американцев говорят, что они используют YouTube и Facebook, а среди молодежи в возрасте до 30 лет наиболее популярными платформами являются Instagram, Snapchat и TikTok.

Если ментальные репрезентации создаются интернализацией того, что происходит между нами и внешним миром, какие типы представлений сформируются в сознании тех, кто преимущественно учится и взаимодействует в социальных сетях с имажинистским контентом?

Согласно точке зрения Фрейда, индивиды в этом контексте могут отказаться от своих собственных мнений и ценностей, чтобы придерживаться образной логики группы (Freud, 1921). Если отчуждение – лучшее слово для описания того, что имеет в виду Фрейд, то можно представить сеть отчуждающих пузырей, созданных различными имажинистскими нарезками социальных сетей. Это отчуждение также может быть связано с определенными состояниями психического здоровья, например, с депрессией. Согласно исследованию, проведенному в 2018 году, симптомы депрессии коррелируют со временем, проведенным в социальных сетях (Hunt et al., 2018). Исследование проводилось в Университете Пенсильвании с участием 143 испытуемых. От участников требовалось в течение трех недель сократить ежедневное время, проводимое на платформах социальных сетей. Результаты исследования показали значительное снижение выраженности симптомов депрессии у участников.

Теперь изображения
в социальных сетях формируют
функционирование социальных
групп, а также личные интересы,
ценности и даже ментальные
представления о мире, в котором
мы живем.

Группа необычайно доверчива и открыта влиянию... Она мыслит образами, воздействующими друг на друга посредством ассоциаций... и чье соответствие реальности никогда не проверяется разумом.

ФРАГМЕНТАЦИЯ, СВЯЗАННОСТЬ И ВИРТУАЛЬНОЕ БЫТИЕ

Постмодернистский процесс обмена информацией больше не имеет линейного формата. Модели «сверху вниз» были опровергнуты многообразием способов обеспечения доступности информации в виртуальном мире, и, более конкретно, в социальных сетях. Информационная сеть формируется в горизонтальном и разнонаправленном спектре и подвергается воздействию каждого. Важным наблюдением относительно этого сценария является тот факт, что постмодернистский субъект как виртуальное существо формируется не под влиянием опыта реальной жизни, а под влиянием мозаики виртуальных переживаний в виртуальном мире. При этом, элементами мозаики являются не идеальные квадраты, которые подбираются подходящими друг к другу по мере строительства. Напротив, мозаика представляет собой совокупность частей различных форм, которые не могут идеально подходить друг к другу, а, скорее, подгоняются друг к другу таким образом, чтобы можно было что-то построить.

Социальные сети предлагают эту мозаичную форму обмена информацией. Изображения, аватары, мемы и любой другой типичный контент социальных сетей становятся типом имажинистско-виртуально-социального взаимодействия, которое символически интроецируется.

Джордж Герберт Мид (1934) назвал этот процесс символическим интеракционизмом, при котором самость была бы символической конструкцией, а общество инкорпорировано в человеческую психику.

Оценивая влияние социальных сетей, где информация и знания распространяются с огромной скоростью, необходимо учитывать, как люди воспринимают воздействие социальных сетей на эмоциональном уровне, и как взрослая самость переживает эту виртуальную динамику расщепления идентичности или социальной дифференциации «Я». Это указывает на необходимость дальнейшего изучения репрезентативных различий или различных внутренних процессов расщепления и, если эти различия существуют, исследовать то, как они влияют на свободные ассоциации и клиническую работу.

Исходя из гипотезы о влиянии социальных сетей на динамику расщепления идентичности, невозможно игнорировать тот факт, что эта виртуальная среда,

Индивиды могут отказаться от своих собственных мнений и ценностей, чтобы придерживаться образной логики группы.

в которой доминируют образные паттерны, формирует новые формы идентичности и, следовательно, новые типы личности.

Аватары и метавселенная – это не просто результат технического прогресса; они представляют новую форму бытия – виртуального индивида. Если рассматривать самость в ее первичной форме – как лингвистическую кульминацию богатого и продолжающегося процесса социальной интеграции (Кашдан, 1988), то какие формы интернализации и метаболизации происходят в этом новом мире виртуальной жизни? И как этот процесс метаболизации может влиять на свободную ассоциацию и аналитическую интерпретацию?

Очевидно, что в виртуальном пространстве письменный и устный дискурс находятся в процессе замены имажинистским содержанием. В клинических условиях язык, как и ментальные репрезентации, также может находиться в процессе замены образными паттернами. Свободные ассоциации также могут двигаться, скорее, в направлении образов, чем слов, и делать образы преобладающими в мыслительных процессах.

Эти размышления не означают, что от языка, письменного или устного, отказываются. Это было бы невозможно и несовместимо с социальной и психологической организацией нас как человеческих существ, испытывающих глубокую потребность в общении. Актуальным становится вопрос о том, происходит ли и каким образом происходит свободная ассоциация в психических процессах, если учитывать новые формы коммуникации и, более конкретно, имажинистские паттерны, которые доминируют в социальных сетях и которые становятся основной формой коммуникации, особенно среди молодых поколений.

Виртуальность меняет всю концепцию взаимодействия и эмоциональной привязанности. Чтобы иметь возможность в полной мере оценить последствия этих изменений, жизненно важно переосмыслить психоанализ в эпоху текущей современности.

Изображения, аватары, мемы и любой другой типичный контент социальных сетей становятся типом имажинистско-виртуально-социального взаимодействия, которое символически интроецируется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Academy of American Poets. (2017, September 5). A brief guide to imagism. Poets.org. <https://poets.org/text/brief-guide-imagism>
2. Auxier, B., & Anderson, M. (2022, May 11). Social media use in 2021. Pew Research Center, Internet, Science & Tech. Retrieved August 18, 2022, from <https://www.pewresearch.org/internet/2021/04/07/social-media-use-in-2021/>
3. Bauman, Z. (2000). Liquid modernity. Polity Press.
4. Cashdan, S. (1988). Object relations therapy: Using the relationship. W.W.
5. Norton. Debord, G. (1983). The society of the spectacle (D. Nicholas-Smith, Trans.). Black & Red. (Original work published 1967)
6. Freud, S. (1921). Group psychology and the analysis of the ego. In J. Strachey (Ed. & Trans.), The standard edition of the complete psychological works of Sig- mund Freud (vol. 18, pp. 65–143). Hogarth Press, 1953–1974.
7. Hunt, M. G., Marx, R., Lipson, C., & Young, J. (2018). No more FOMO: Limit- ing social media decreases loneliness and depression. Journal of Social and Clinical Psychology, 37(10), 751–768. <https://doi.org/10.1521/jscp.2018.37.10.751>
8. Laplanche, J., & Pontalis, J.-B. (1973). The language of psycho- analysis (D. Nicholson- Smith, Trans.). W.W. Norton.
9. Mead, G. H. (1934). Mind, self, and society from the standpoint of a social behavior- ist. University of Chicago Press.
10. Pound, E. (1917). The sea of glass. In Lustra of Ezra Pound with earlier poems. Alfred A. Knopf.

Недоволен профессией, недоволен жизнью, недоволен собой – происки ложного Я

Акимова Ольга Владимировна

• **член ЕАРПП**

В последние несколько лет на каждой конференции так или иначе затрагивается тема нарциссизма, вопросы работы с нарциссическими пациентами и вопросы истинного и ложного Эго. XVI Зимняя школа не стала исключением. Данный синопсис посвящен докладу Васиной С.Г. «Мотив игры при профессиональном выборе человека с точки зрения концепции истинного и ложного Я Д.Винникота».

Светлана Григорьевна как профориентолог делится своими наблюдениями за нарциссическими пациентами с точки зрения их выбора профессии и реализации в этой сфере. Она описывает клиентские случаи, когда поводом обратиться к специалисту становятся вопросы профессиональной идентичности, проблемы нереализованности в карьере, профессиональное выгорание и сомнения в выбранной отрасли. Зачастую эти запросы – всего лишь причина познакомиться

с собой и исследовать себя настоящего: «А туда ли я иду? А того ли я хочу? Какой путь мой? В какой профессиональной реализации я настоящий?».

Светлана Григорьевна выделяет часть клиентов, которые, сталкиваясь с неудовлетворенностью в профессиональном плане, могут быстро переориентироваться: получив данные по диагностике своих особенностей и способностей, они идут дальше творить свою свободную игру в жизнь. Но это малая часть пациентов. Все больше становится случаев, когда профориентационной диагностики недостаточно и нужна психотерапия, чтобы, отвечая на вопросы, кто я и чего я хочу на самом деле, решить в том числе и вопрос профессиональной идентичности.

Комментарий о свободной игре наводит на размышление о важности игры в целом. Игра – это проба. Дети играют в жизнь, примеряя на себя разные роли, в том числе и профессиональные: то я учитель, то врач, то инженер, то певица, то актер. Никто не сомневается, что детям нужна эта свободная игра, проба социальной жизни. Но и взрослым нужно пробовать. А чтобы играть, нужно быть свободным. Однако, если я стиснут рамками ложного Эго (я должен быть лучше всех, я должен что-то доказать, чтобы меня любили, я должен стать знаменитым и т.д.), я уже не могу быть свободным, не могу пробовать, не могу играть. От доэдипальных нарциссических клиентов можно часто услышать: «Я не умею играть со своими детьми», «я не люблю играть в принципе». Вспоминается еще одна особенность таких клиентов: первоначальный запрос на психотерапию ложный, он никогда не совпадает с истинным страданием. В качестве изначального запроса могут предъявляться тревоги, сложности в отношениях

Профессия – выбор, сделанный,
исходя из своих ценностей.

Слишком сильный фокус
на внешнем приводит к отказу
от истинного Я.

летворенность и стыд. Из такого состояния и самоощущения об удовольствии от процесса профессиональной деятельности речи идти не может. Так же мы не можем говорить о том, что изначально пациент выбирал профессию, исходя из своих истинных ценностей и потребностей. Скорее всего, здесь выбор делался из состояния ложного Я: стремление к успешности, статусу и признанию.

Васина С.Г. делает акцент на актуальности темы познания своего истинного и ложного Я именно в наше время, в эпоху нарциссизма: «Сейчас как никогда важно помочь человеку встать на путь исследования себя, настроиться на слушание своей истинной самости, чтобы вновь сделать выбор и жить далее в соответствии с этим выбором». Невозможно с этим не согласиться и еще хочется добавить: исходя из своих, а не навязанных временем ценностей. Нарциссизм проник во всю нашу жизнь от мотивационных коучей до литературы. Вспоминается автобиография известного американского актёра и певца Уилла Смита, где он рассказывает, как мечтал стать «главным, богатым, успешным», как много трудился, как добился того, чего хотел, но счастья это не принесло, как он сам же и признается: «Я был на вершине горы. Я превзошёл все свои мечтания. Я добился каждой цели, преодолел все препятствия и ещё немного. Но все вокруг меня были несчастны... У папы в голове есть картинка семьи. И это не мы!... Дочь посмотрела мне в глаза с невероятным сочувствием. Ей было искренне меня жаль». Были ли ценности Уилла Смита, для реализации которых он потратил так много усилий, продиктованы ложным Я? Думается, что да.

«Профессия – выбор, сделанный, исходя из своих ценностей», – говорит Светлана Григорьевна, с этим сложно спорить. У каждого из нас свои ценности, и мир нуждается, в том, чтобы у каждого из нас был разный ценностный набор, потому что мир нуждается в разнообразии. Хотя современные средства информации активно пропагандируют одинаковые ценности: хорошо быть богатым, знаменитым, очень успешным. Мы не можем все быть одинаковыми, мы не можем иметь одинаковые ценности, мы не можем иметь одинаковую структуру личности. На просторах интернета бытует мнение, что мы можем управлять собой и своей психикой, но так ли это? Может быть, структура психического аппарата управляет нами? Нэнси Мак Вильямс подробно рассказывает о разных типах личности, их особенностях и предполагает, какие предпочтения в выборе профессии будут у людей с разными характерами. Может ли человек с шизоидным типом характера переступить через себя и стать знаменитым актером? Скорее всего, нет.

Светлана Григорьевна говорит, что людям с надежной привязанностью, людям, которые росли в заботе и любви, легче сделать выбор профессии и легче сделать перевыбор, если это будет необходимо. Френк Саммерс считает, если ребенка не признают,

с детьми/супругом, и проблемы с начальством, и даже размытая формулировка «самопознание». Однако через какое-то время терапии мы неизменно подбираемся к истинному запросу: мне плохо, я не знаю, кто я и чего я хочу, чувствую пустоту, скованность, глубокую неудов-

отвергают, не учитывают его чувства и потребности, если он не чувствует принятия со стороны значимых взрослых, то у него не будет энергии и потенциала для роста и развития. Ребенок будет сосредотачиваться на том, что происходит вовне, будет приспосабливаться и справляться с внешней средой, в которой он развивается, и тогда он будет развиваться сообразно среде, а не сообразно своим склонностям и способностям. Слишком сильный фокус на внешнем приводит к отказу от истинного Я: а каким мне надо быть, чтобы меня любили, уважали, замечали? Если надо быть бизнесменом, я буду бизнесменом, если нужно быть ученым, буду ученым, и неважно, нравится ли мне это, есть ли у меня к этому склонности, есть ли стремление развиваться именно в этом направлении. А если я знаю, что со мной все хорошо, что я достаточно хорош вне зависимости от внешних обстоятельств, намного проще ориентироваться на внутренние ощущения. Если у человека есть внутренняя возможность переживать фрустрацию, неудачи, есть силы пережить разочарование в профессии и не разрушиться, то начать изучать новую сферу и развиваться в ней становится выполнимой задачей, потому что есть опора на себя.

Жить, как будто принимаешь участие в вечном маскараде, очень тяжело, это выматывает, появляется чувство неудовлетворения, тревоги, апатия, невозможно быть спонтанным и невозможно творить свою свободную игру в жизни – как раз те жалобы, с которыми психологи и психотерапевты сталкиваются все чаще, и которые нам, совместно с пациентами, необходимо преодолевать, помогая постепенному становлению их истинного Я.

Юмор и его отношение к психотерапии

Кроткова Любовь Ильинична

- психоаналитический психотерапевт
- психолог, преподаватель психологии
- член ЕАРПП

Шутки являются демонстрацией первичных процессов, ярко указывают на бессознательное содержание.

Благодаря работам Фрейда «Юмор и его отношение к бессознательному», «Толкование сновидений» и «Психопатология обыденной жизни», мы увидели, что остроты и шутки сходны в своей психической работе со сновидениями и демонстрируют нам принципы работы психического аппарата. Удачная юмореска рождается легко и спонтанно, как и сновидение. Она также может выскочить в речи нечаянно и неудержимо, будто оговорка. Шутка может быть метафоричной и образной, содержать скрытый смысл. И, безусловно, шутки являются демонстрацией первичных процессов, ярко указывают на бессознательное содержание. Юмор обладает большой силой воздействия сам по себе. Меткое замечание способно сразу запустить первичный процесс – в этом смысле шутки действуют как реагент.

В своём докладе на конференции Зимней школы 2024 года Лука Николи

делится, как он использует в работе это психоаналитическое оружие, параллельно предупреждая, что это мощный инструмент, который важно применять с чуткостью и уважением к личности клиента.

Одно из важных условий использования шуток, как дополнения и обогащения техники, – крепкий альянс, доверие и близость в терапевтических отношениях. В противном случае юмор аналитика может быть воспринят как насмешка. Мы также хотим рассчитывать, что у пациента уже есть наблюдающая позиция, позволяющая ему смотреть на себя и свои состояния со стороны, рефлексировать, не отреагируя чувства в действиях. В противном случае шутки терапевта произведут совсем другой эффект. Личности с параноидным характером или личности, находящиеся в шизо-параноидной позиции по М. Кляйн, могут воспринять юмор терапевта как преследование

Юмор уместен на более поздних этапах терапии и, скорее, с невротическими и высоко организованными пограничными пациентами.

и атаку. А нарциссические пациенты будут сильно уязвлены. Предметом юмора и шуток не может являться нарциссически чувствительная тема и тема дефицитов пациента. Лука Николи также обращает внимание, что в случаях тяжелых депрессий юмор практически полностью исчезает, невозможной становится даже самоирония.

Поэтому юмор уместен на более поздних этапах терапии и, скорее, с невротическими и высоко организованными пограничными пациентами. Юмор это еще и лакмусовая бумажка, позволяющая косвенно отслеживать прогресс в терапии и динамику пациента или судить о его психических процессах. А когда шутит сам аналитик, юмор – это уже громкое заявление.

Ш. Ференци считал, что если в процессе работы аналитик лишает пациента внимания, поддержки, своего участия и живого отклика, не допуская никакого отступления от принципа абстиненции, это может только сильнее травмировать пациента. Лука Николи предлагает посмотреть на шутки в анализе как на способ преодоления стереотипности мышления и поведения. Вносимая аналитиком в процесс взаимодействия с пациентом острота сама по себе может быть живительным глотком и помочь перенаправить ход всей сессии. В качестве примера предлагаю обратиться к одной из терапевтических виньеток, предложенных автором в докладе.

Пациентка Анна, женщина средних лет с трудностями в любви и профессии. У неё депрессивная, абьюзивная мать, которая раньше злоупотребляла алкоголем и всегда испытывала зависть к пациентке. Когда Анна пыталась стать независимой, мать подрывала её уверенность. А после бросалась спасать дочь, когда та уже находилась на грани отчаяния от материнских атак.

– Лука, я не доверяю вакцине от ковида, – говорит пациентка на одной из сессий. – Я должна её сделать по работе, но безопасно ли это?

– Анна, к счастью ваша мама не имеет никакого отношения к вакцинам от ковида. Конечно, итальянское правительство – это не гарантия безопасности. Но ты нужна им живой, чтобы платить налоги.

Лука и Анна вместе посмеялись, и пациентка признала, что боится всего нового.

– Что бы я делала, если бы не вы.

– Ну мне-то легче живётся, ведь у меня нет такой матери. Моя тоже та ещё контролерша, но я справляюсь.

Аналитик и пациент в этой виньетке подобны заговорщикам, которые вместе против монструозной и небезопасной фигуры матери, а на самом деле вместе против симптома. Мы понимаем, что до этого аналитиком была проделана большая

Вносимая аналитиком в процесс взаимодействия с пациентом острота сама по себе может быть живительным глотком и помочь перенаправить ход всей сессии.

работа по созданию возможности для использования шуток про мать пациентки.

Но существует большая разница, смеёмся мы вместе с пациентом или над пациентом. Как и у всего остального в жизни, у юмора тоже есть обратная сторона – это насмешки, когда юмор используется, чтобы пристыдить, унижить, возвыситься за чей-то счёт. Пациенты приносят нам истории грубого нарушения их границ и абьюзивного отношения, в которых шутки выступают как акт агрессии со стороны других людей. И нам необходимо в этих ситуациях бережно, но четко, расставляя точки над *i*, защищать пациента и создавать для него безопасную среду, где можно проявить самые разные чувства. Сейчас много говорят об экологичности общения; количество обращений за психологической помощью в связи с тем, что люди пострадали от травматичных коммуникаций только растёт. Но с психоаналитических позиций мы понимаем, что люди по-прежнему испытывают много межличностных сложностей, даже если весь мир сосредоточился на газлайтинге, шейминге, неглекте, эйджизме и других видах дискриминации, стараясь привлечь внимание к теме. Вводимые этими словами запреты лишь представляют формальную рамку. Но обилие вновь появляющихся терминов в этой области отражает глубокое непонимание и растерянность перед контактом с Другими. На конференции Лука Николи рассказывает

Количество обращений
за психологической помощью
в связи с тем, что люди
пострадали от травматичных
коммуникаций только растёт.

историю пациентки, которая столкнулась с грубыми насмешками мужа над тем, как она кормит ребенка грудью. Нам видится, что это проблема не только анализа самой пациентки, но и пары в целом, в которой после рождения ребенка каждый из партнеров утратил понимание своего места в системе отношений «мужчина и женщина». Подобные издевки в паре часто являются следствием непонимания себя и своей роли, осознания себя в новом качестве, ведь в современном мире классические представления о женственности и мужественности серьезно пересмотрены.

В любом случае, шутка – это когда весело обоим. И в терапии мы тоже используем юмор совместно с пациентом. Аналитiku важно замечать, из какой позиции он шутит. Это отеческая насмешка себе в усы или заговорщицкое совместное подтрунивание над ситуацией пациента? А может быть, аналитик чувствует себя в этот конкретный момент на сессии в положении учителя. Тогда шутка может звучать властно и авторитарно, даже если произносится с пониманием материала. И здесь мы вспоминаем, что анализ – это еще и *tone of voice* (маркетинговый термин, который позволяет компаниям искать верный «голос» для контакта с нужной аудиторией, чтобы донести свое видение и поддерживать коммуникацию). Но ключевой смысл в этом термине – быть близкими по духу со своей аудиторией. С точки зрения психоанализа нам тоже важно понимание своего *tone of voice*: из какой позиции мы общаемся с пациентом, какая у нас манера взаимодействия здесь и сейчас, в какой роли мы находимся, кто мы в переносе.

В своем эссе 1927 года Фрейд пишет: «Если мы обратимся к ситуации, где кто-то настроен юмористически в отношении другого человека, то напрашивается объяснение,

Шутка – это когда весело обоим.
И в терапии мы тоже используем
юмор совместно с пациентом.

которое я уже робко выразил в книге об остроумии, что он ведет себя с ним как взрослый с ребенком, потому что выгоды и огорчения, кажущиеся последнему огромными, он признает ничтожными и осмеивает их. Стало быть, юморист достигает превосходства потому, что входит в роль взрослого, до некоторой степени как бы идентифицирует себя с отцом и снижает других людей до детей». Быть идентифицированными с пациентом, чтобы быть эмпатичными и говорить на одном языке столь же важно, как быть идентифицированными с материнской или отцовской фигурой, чтобы понимать, сопереживать, направлять, контейнировать.

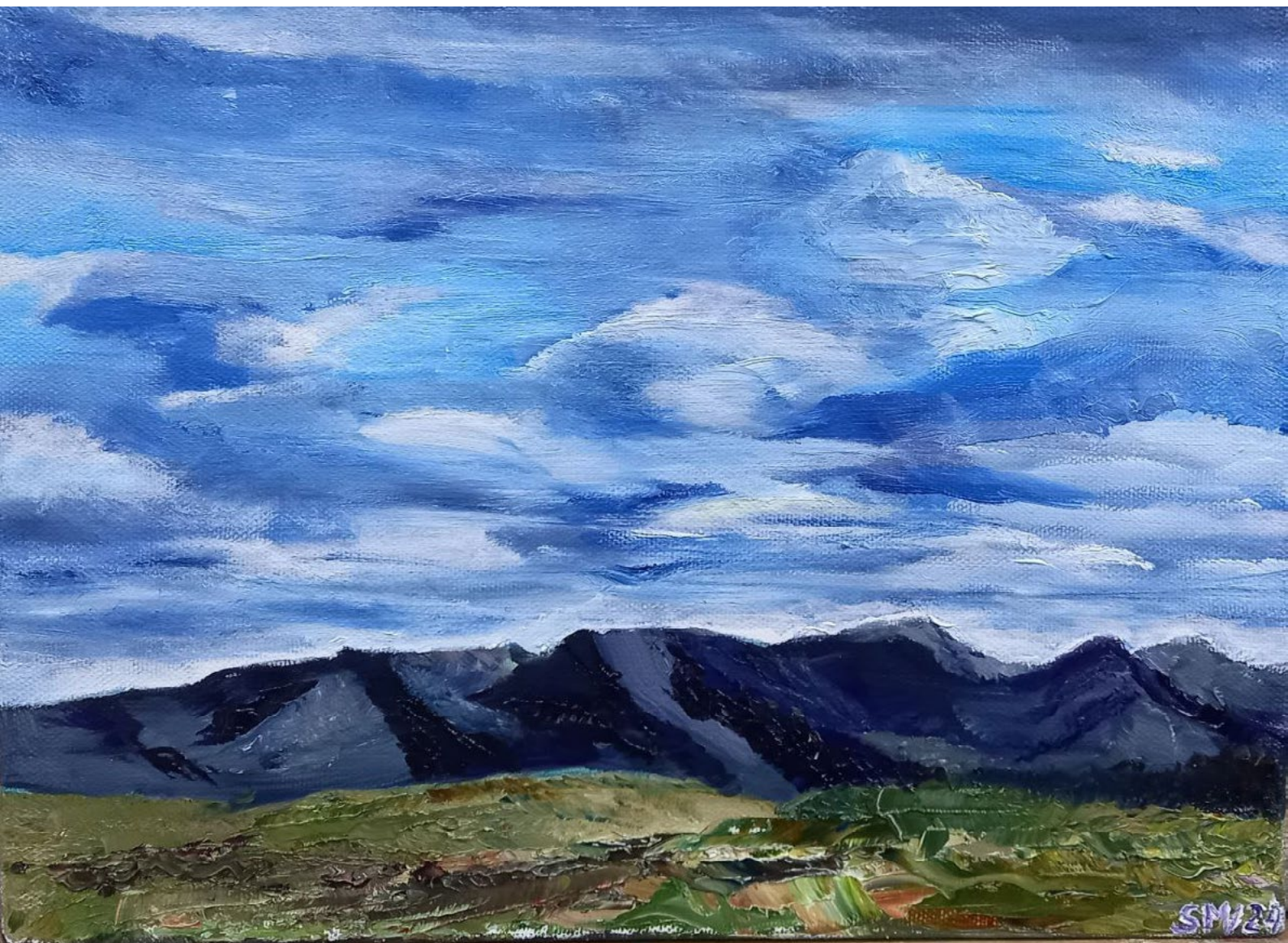
В том же эссе Фрейд замечает, что юмор является психической защитой: «Без сомнения, сущность юмора состоит в ослаблении своих аффектов, к которым как бы подталкивала ситуация, и шуткой отделяются от возможности проявления таких чувств». Поэтому некоторые аналитики классического направления склонны считать, что использование юмора в рамках психоаналитического сеттинга является соблазнением пациента. Они также отмечают, что аналитик не может использовать те же защиты, что использует пациент. Фрустрация является необходимым условием терапии, а рядка с помощью шутки, очевидно, снижает психическое напряжение. И тогда мы задаемся вопросом, готов ли сам аналитик выдерживать это напряжение, не помешает ли его остроумие бессознательному пациенту. Более лояльны к юмору в терапии аналитики, принадлежащие к школе объектных отношений. Они мыслят его как часть игры с пациентом, а игра – это необходимая деятельность для становления и развития личности. Как видим, здесь многое зависит от того, каких теоретических позиций придерживается аналитик, а также от актуального психоаналитического процесса, происходящего в конкретной психотерапевтической паре. Но психические защиты нам важны и необходимы. Ведь целью анализа является в том числе формирование более зрелых психических защит, а не избавление от них.

И хотя мнения психоаналитиков об использовании юмора неоднозначны, юмор остается прекрасным способом адаптации к тяжелым жизненным ситуациям и личным страданиям. Конечно, нам важно не вовлекаться полностью в ситуацию клиента, не переходить на короткую ногу с ним. Но одновременно нет ничего более скучного и лишённого жизни, чем анализ без шуток и игривости, когда терапевт, как человек в футляре, прячется от действительности и боится экспериментировать: «Как бы чего не вышло». Тем самым анализ становится скучным, бездушным и будто лишается того, что мы сами предлагаем клиентам – спонтанности, возможности быть искренними и говорить что угодно. Примеры из практики Луки Николи, показанные им в докладе, как раз демонстрируют смелость, открытость, игривость техники аналитика. Это процесс, за которым не только увлекательно наблюдать, но и, наверняка, в таком анализе интересно принимать участие. Известнейшая фраза Винникота гласит: «Психотерапия – это когда два человека играют вместе».

МОСКВА

«МУЖЧИНА В ПСИХОАНАЛИЗЕ»

XII МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Мужчина в психоанализе: от мысли без мыслителя до закона отца

Яковлева Олеся Николаевна

- кандидат педагогических наук,
- психолог, психоаналитический психотерапевт,
- член ЕАРПП,
- куратор рубрики «Психоанализ культуры» журнала ЕАРПП «Пространство психоанализа и психотерапии»

1–2 июня 2024 г. в Москве состоялась XII Межрегиональная Психоаналитическая Конференция «Мужчина в психоанализе».

Обозначенная тема задала обширное пространство для осмысления категории «мужчина» в понятийном поле психоанализа: от буквальной трактовки, подразумевающей половую, гендерную принадлежность и социально-ролевые установки — до прикладных аспектов «мужского» в философии, культуре и в психоаналитических теориях мышления. Мужчина в психоанализе — это также мужчина-аналитик как таковой и отцовская роль в трансферно — контрансферных отношениях анализанта и аналитика любого пола.

В своём докладе «Мужчина в поле групп-анализа» президент ЕАРПП А. А. Тимошкина отметила, что у мужчины свои уникальные задачи

Недостаточность мужественности в случае нарциссичных отцов может ощущаться безымянным ужасом, а внешний мир — пропастью, в которую он выскальзывает или в которую бросают.

Отцовская функция и идея отца — инструменты аналитика
в приобретении мужественности у мужчин – анализантов.
Через анаклитический контрперенос аналитик чувствует отцовскую
часть, в которой нуждается пациент.

в психоаналитическом поле. Подобно тому, как женщина воспроизводит через своё тело жизнь и тем самым отрицает смерть, мужчина воспроизводит жизнь через символы и смыслы, создавая то, что он сможет передать следующим поколениям. Постижению этих смыслов и символов были посвящены два дня конференции.

Мы много говорили о формировании мужской идентичности, о трудностях и специфике этого процесса, как в ходе естественного взросления, так и в течение анализа.

Е. Н. Юрасова представила пленарный доклад «Формирование мужской идентичности», в котором, опираясь на свой опыт работы, проанализировала некоторые закономерности в формировании гендерной идентичности у мужчин гетеросексуальной, гомосексуальной ориентации и транссексуалов, их характерные особенности.

В докладе «Как рождается мужественность» Р. Р. Уракчеевой было размышление о том, как мужская идентификация становится для мужчины тотальной, тоталитарной и нереалистичной по причине отцовского отсутствия или депривации.

Отцовский (впоследствии мужской) дефицит может ощущаться взрослым мужчиной как отсутствие в случае мёртвых или пропавших отцов. Недостаточность мужественности в случае нарциссичных отцов может ощущаться безымянным ужасом, а внешний мир — пропастью, в которую он выскальзывает или в которую бросают. Такой мужчина вынужден принимать самые неестественные «позы», терзать своё физическое и психическое тело, вследствие чего может развиться зависимость как нарциссическая организация инфантильных структур, которая ослабляет и может полностью вытеснить взрослую часть личности. Выросшие сыновья угрожающих отцов не ощущают себя способными в сравнении, даже если пытаются конкурировать, и не могут опираться ни на свою уникальность, потому что она не признана, ни на отдельность, потому что ощущают зависимость. Спикер подробно описала, как развивается динамика в работе с пациентами — сыновьями таких разных отцов. Переполненные аффектами и ищущие постоянной разрядки, с проблемами в идентичности и жёсткими запретами, они ощущают свою мужественность как набор характеристик, которые помогают им не быть похожими на своих отцов.

Отцовская функция и идея отца — инструменты аналитика в приобретении мужественности у мужчин – анализантов. Через анаклитический контрперенос аналитик чувствует отцовскую часть, в которой нуждается пациент.

Часть выступлений была посвящена работе мужчин – аналитиков с пациентами – мужчинами.

А. Б. Симонов в докладе «Два мальчика подростка и мужчины в поле» говорил о симметрии работы мужчины – аналитика с анализантом – мужчиной. Полевые процессы в такой аналитической паре дополняются одинаковой полоролевой идентичностью — «в

каком-то смысле мы братья». Это и упрощает, и усложняет работу. Усложняет, так как похожий личный опыт аналитика может резонировать с клиентским, поэтому аналитик может начать закрываться от проективной идентификации. Упрощает, так как полоролевая идентичность даёт ключ к пониманию происходящего, это помогает мужскому дуэту выйти на сотрудничество.

И. А. Барминов в докладе «Двенадцать разгневанных мужчин», основываясь на своём опыте клинической работы, описал усреднённый портрет современного пациента – мужчины, обращающегося за помощью. Также докладчик выделил ключевые моменты в терапии мужчин в сравнении с женщинами:

- для пациентов – мужчин в большей степени характерен феномен возвращения из-за первоначально неявных запросов, которые не были удовлетворены;
- сложности с принятием гомосексуальных тем;
- склонность к химическим зависимостям, игромании;
- гнев, проявление которого пациентом – мужчиной часто становится катализатором предстоящих изменений. Параллельно аналитик также обязан искренне испытывать гнев, злость и ярость по отношению к поступкам пациента и его моделям отношений с первичным объектом. Только благодаря этим чувствам возможно находиться одновременно внутри и вне аналитических отношений и поощрять младенческие части пациента выходить из аутизма и симбиоза в реальность.

Е. А. Виктор в докладе «Отец или “друг”... Муж или “ребёнок”» делился своим опытом психоаналитического сопровождения молодых мужчин, впервые ставших отцами. В процессе такого сопровождения аналитик становится символическим «отцом» для мужчины – анализанта, опираясь не только на собственный опыт отцовства, трансферно – контрансферные отношения, но и на знания в области психоанализа детей.

На конференции также прозвучали доклады, которые можно отнести к категории психоанализа культуры, предполагающие исследование различных феноменов посредством мифа, религии, литературы. Доклады были посвящены мужской инициации, пути героя, поиску связи с «отцом».

О. Б. Решетникова в выступлении на тему «Путь героя. От детства к взрослой идентичности. На примере сказки» обратилась к мифу об Эдипе, к работам Д. Стайнера и Дж. Кэмпбелла. На примере сказки «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» С. Лагерлёф она описала основные закономерности сепарации мальчика – подростка от родительской пары. В сказке главный герой Нильс переживает ситуацию «психотического срыва» из-за зависти. Всемогущество помогает герою пуститься в приключения, в конце путешествия от этого всемогущества он должен отказаться, чтобы вернуться в обычный мир. Проработка подростком эдипова комплекса (отказ от идеи облада-

ния объектом в форме сексуальных отношений или убийства) идёт параллельно с проработкой депрессивной позиции.

Идеи о трансформации и пути героя, об осмыслении мифа об Эдипе находят продолжение в докладе Ю.С. Метельской «Эдип и практики мужской инициации».

Мысли — это особая форма постижения трансформации чего-то, что уже существует.

С каждым годом в цивилизованном мире происходит всё больший отрыв от природной реальности – от окружающей нас среды, от тела, от непосредственного коммуникативного взаимодействия людей друг с другом.

Психоаналитические интерпретации». В докладе наше внимание обращалось на ритуал как древнейшую форму переработки аффекта и психического напряжения в образно – символической форме. В любой культуре особую роль играли ритуалы перехода (инициации) из одной социальной группы в другую (из группы детей — в группу взрослых мужчин). Проходя инициацию, мальчик как бы приобретает новые качества и это, в свою очередь, влечет за собой получение особых прав (в первобытных культурах — это право жениться, охотиться, идти на войну). Более глубокому осмыслению символического измерения таких ритуалов помогает модель психического Ж. Лакана, в которой он разделил «реальное», «воображаемое» и «символическое». На примере ритуала инициации племени самбия спикер представила психоаналитическую интерпретацию мужской инициации, ритуала, в котором зашифрована эдипальная структура.

Доклад Е. А. Казьминой «Конец рода Юсуповых. Трансгенерационная травма» был посвящён проблеме преодоления трансгенерационной передачи травмы. На примере анализа истории жизни потомка этой семьи — Феликса Юсупова спикер определила основные этапы работы с такой травмой, среди которых: выявление телесных симптомов; прояснение родовых тайн, семейных мифов, семейной истории; детализация и осознание проблемы, приведшей к перекладыванию груза травмы на потомков; исследование возможности нового жизненного выбора через принятие свободы и ответственности; горевание и оплакивание потерь и др. Подобная работа даёт возможность для трансформации, роста и развития, преобразования параноидно-шизоидной позиции в депрессивную, что «освобождает» анализанта от навязчивого повторения травматического опыта своей семьи.

О. Н. Яковлева в докладе «Слёзы Адама: научение на опыте переживаний» обратилась к антропологическому типу мифов о создании первых людей. Доклад содержал размышления о ветхозаветной истории, посвящённой сотворению Адама и Евы, в контексте таких базовых понятий психоанализа, как «закон Отца», «депрессивная позиция», «научение через опыт переживания».

В первой половине второго дня конференции прошли два круглых стола. Первый — круглый стол журнала, посвящённый формированию и развитию аналитического мышления. Редакционная коллегия обсуждала сущность феномена «аналитическое мышление», способы его развития через научно-творческую деятельность (доклад О. Н. Яковлевой), повседневную аналитическую практику осмысления и представления клинического случая для себя, для супервизии, для научно-исследовательской работы (доклад Г.В. Гридаевой). Одной из ведущих была мысль, оформившаяся в процессе обсуждения, — о значении «третьего» — профессионального сообщества в развитии аналитического мышления. В этой связи, второй круглый стол «Отцовская

фигура в организации» (спикеры: вице-президенты ЕАРПП С. А. Аулкина, Г. В. Гридаева) органично продолжил размышления в процессе круглого стола журнала. Во-первых, о непростых аспектах этики и ответственности, связанных с причастностью к профессиональному психоаналитическому сообществу; во-вторых – о преимуществах и перспективах роста для практикующего аналитика, возможных исключительно благодаря принадлежности к профессиональной институции.

Особого внимания, на мой взгляд, заслуживает пленарный доклад Б. А. Ерёмкина «О мышлении», так как он, с одной стороны, задал иной вертекс понимания «мужского» в психоанализе — с позиций кляйнианской и бионианской школ. С другой, явился интегралом, под знаком которого можно объединить идеи многих докладов, да и саму идею конференции, как формы наших традиционных встреч для совместного размышления (творческого акта) над какой-либо темой.

Остановимся на идее доклада о мышлении в анализе с позиции встречи «мужского» и «женского».

Отталкиваясь от философских идей Р. Декарта о мысли без мыслителя, Платона — о мире идей, И. Канта — о вещи в себе, спикер перешёл к размышлениям кляйнианцев о возникновении самой ранней мысли из всех возможных — мысли о груди (преконцепции), появление которой связано с реальностью её отсутствия. Понятие «преконцепция» отсылает нас к парадоксу: прекоцепции — это ещё не мысли, но они существуют до рождения ума, в этой связи прекоцепции — это формы, которые мыслителю надлежит принять, начать о них думать. Возникает вопрос: творческий гений — это тот человек,

От сосуществования чувства и бытия мы пришли к форме видимости, к публичности без материи, к поиску внешнего вида, от рефлексии — к экстрафлексии, от творения аутентичных произведений искусства — к выпячиванию своего тела как предмета, к фетишизации.

который способен постичь уже существующую внутреннюю истину, или его разум самостоятельно может производить мысли (придавать формы некоторым мыслям)?

Отталкиваясь от расхожей фразы «истина – пища для ума», для ответа на поставленный вопрос можно обратиться к модели пищеварительной системы. В молекулах АТФ (как в терминальном и целевом звене всего пищеварительного процесса) встречаются материя и энергия. Также и в области зачатия (встреча половых клеток) невозможно отделить материю от энергии, иными словами, психическое — от материального. Если физически материальный сперматозоид имеет свой психический аналог, называемый «мыслью без мыслителя», то ожидает ли его яйцеклетка, подобно мыслителю, который эту мысль подумает? Должна ли мысль, сотворённая таким образом, быть аналогом сыновей и дочерей?

Мысли — это особая форма постижения трансформации чего-то, что уже существует. Мысли без мыслителя требуют, чтобы мыслитель «женился» на них. В то время как галлюцинации, в отличие от мысли, не требуют связей.

Аналитик и пациент разговаривают друг с другом. В классическом смысле аналитик обращает внимание на то, о чём идёт речь; на то, о чём сказано. То, что говорит пациент, можно рассматривать как мужскую установку. Пища для ума аналитика – это одновременно пища для жизни, то есть сперма. И аналитик, независимо от своего физического пола, может в некоторой степени проявлять свои женские качества, то есть быть готовым проникаться тем, что говорит пациент. Для этого его или её анализ должен быть достаточно глубоким, вплоть до проработки его женских и мужских аспектов, чтобы мужчина – аналитик не боялся своей женственности, а женщина не боялась своей мужественности.

Быть рецептивным в разговоре с пациентом — значит выполнять женскую функцию. Представлять точку зрения или интерпретацию – значит проявлять мужскую потенцию. Инсайт — это ребёнок. То же самое происходит, когда пациент способен говорить и слушать. После этого ментального оплодотворения аналитик может что-то сказать, чтобы выразить то, что он или она интуитивно почувствуют. Используя свою женственность, аналитик должен проявить свои мужские черты. Так как сказать что-то, означает совершить

Психоанализ — место возможной трансформации и выхода из ситуаций, в которой, казалось бы, прежнее невозможно, а новое ещё не сказано.

активные действия в окружающей среде, попытаться внедриться во Вселенную пациента. Это что-то, в свою очередь, оплодотворит пациента. В этой связи, в анализе не существует ни мужчин, ни женщин.

Завершал конференцию пленарный доклад Козимо Скинайи «Мужчина в среде современного анализа, индивидуальное и окружающая его среда». Мысли, высказанные спикером, содержали крайне

важный посыл, который нам действительно необходимо слышать.

Если доклад Б. А. Ерёмина, открывавший конференцию, приглашал нас побыть в пространстве «чистой» идеи, разума, мысли без мыслителя, в пространстве, в котором стирается (в хорошем смысле) грань между мужским и женским, устанавливается их глубокая взаимосвязь в совместном стремлении к «О», то доклад К. Скинайи призывал нас увидеть границы. На протяжении своего выступления он побуждал нас «вернуться в буквальную реальность», приземлял, напоминая о том, как изменились реалии жизни за последние десятилетия, в каких условиях и с какими пациентами нам приходится работать; задуматься о том, как происходящие изменения меняют нас самих — аналитиков. Или мы всё ещё прибываем в иллюзии, что изменения окружающего мира не влияют на наше собственное мышление?

С каждым годом в цивилизованном мире происходит всё больший отрыв от природной реальности – от окружающей нас среды, от тела, от непосредственного коммуникативного взаимодействия людей друг с другом. Виртуальный мир, засилье интернета, компульсивное потребление, возможность немедленного удовлетворения любых желаний нападают на естественные процессы созревания и функционирования человеческой психики. С появлением онлайн-пространства человек уходит из своей среды. Ритуалы и обряды инициации за последнее столетие сократились в лучшем случае до символа, в худшем — до слова, до одного слога в слове. Тенденция к сокращению, вплоть

до полного исчезновения обрядов перехода, отражает стремление стереть время сомнения, время ожидания, переузнавания себя, трансформации, взросления. Это неизбежно приводит к глубокой травматизации, с которой мы, как аналитики, к сожалению, пока не знаем, что делать.

От сосуществования чувства и бытия мы пришли к форме видимости, к публичности без материи, к поиску внешнего вида, от рефлексии — к экстрафлексии, от творения аутентичных произведений искусства — к выпячиванию своего тела как предмета, к фетишизации. Всё это может быть элементами, предвещающими всемогущий, аутистический уход.

В этой связи становится понятнее, почему последние годы на конференциях, семинарах и дискуссионных площадках мы так много говорим о границах, о норме и патологии, о самочувствии самого аналитика, о мужчинах и женщинах, об отцах и матерях как таковых.

Отклик Е. П. Савичевой на завершающем круглом столе, вторил подобным размышлениям: «Тот Адам, которого отец вдохновляет, он из крови и плоти, красивый и соблазняющий мужчина. Поэтому он так неохотно тянется к отцу¹, который наделит его смертностью, болью и душевными страданиями. Поэтому ребёнок, Адам, не хочет покидать этот рай. Сперматозоид — носитель гена и начала деления потенциально возможной новой жизни, мужчина — это всегда начало... Козимо говорил о необходимости ходить по твёрдой земле, а не висеть в виртуальном пространстве. Мы уже беспокоимся за наших детей, которые очень легко находят любую информацию в Интернете, но при этом сразу попадают в галлюциноз и в гипноз без переработки. Мы все сейчас сидим на каких-то усилителях и ускорителях, вместо того, чтобы задержаться на чём-то подольше и выстрадать своё мнение, свою позицию, присвоить себе что-то и этим стать. Никто не видит слёзы отца (слёзы Адама), с каким ощущением он вынужден, учитывая реальность, класть свою голову на плаху для того, чтобы дети продолжали жить. Сейчас непростые времена, тем не менее — это наша история, горнило — огонь, вода и медные трубы. Но для меня, психоанализ — место возможной трансформации и выхода из ситуаций, в которой, казалось бы, прежнее невозможно, а новое ещё не сказано. Необходим переход — по-гречески — это метафора».

Через психоаналитические отношения, через метафору происходит непрерывное перенаделение смыслом прошлого, что способствует шансу, что анализант совершит реконструкцию собственной истории, освободится от деформации защит и ложных воспоминаний. Для этого нам, аналитикам, необходимо сохранять веру, оптимизм и связь с внутренним достаточно хорошим отцом, способным не только устанавливать чёткие границы, но и защищать, вдохновлять, побуждать к жизни, к трансформации и взрослению, к поиску связей и любви.

Прекоцепции — это ещё не мысли, но они существуют до рождения ума, в этой связи прекоцепции — это формы, которые мыслителю надлежит принять, начать о них думать.

1 Отсылка к фреске «Сотворение Адама», Микеланджело, 1511 г.

Общение с коллегами – огромный ресурс

Барминов Иван Алексеевич

- врач, психоаналитический терапевт
- специалист ЕАРПП

Московская конференция ЕАРПП – одно из моих самых любимых мероприятий! А какая «вкусная» тема была в этот раз – «Мужчина в психоанализе», заинтересовавшая более ста участников.

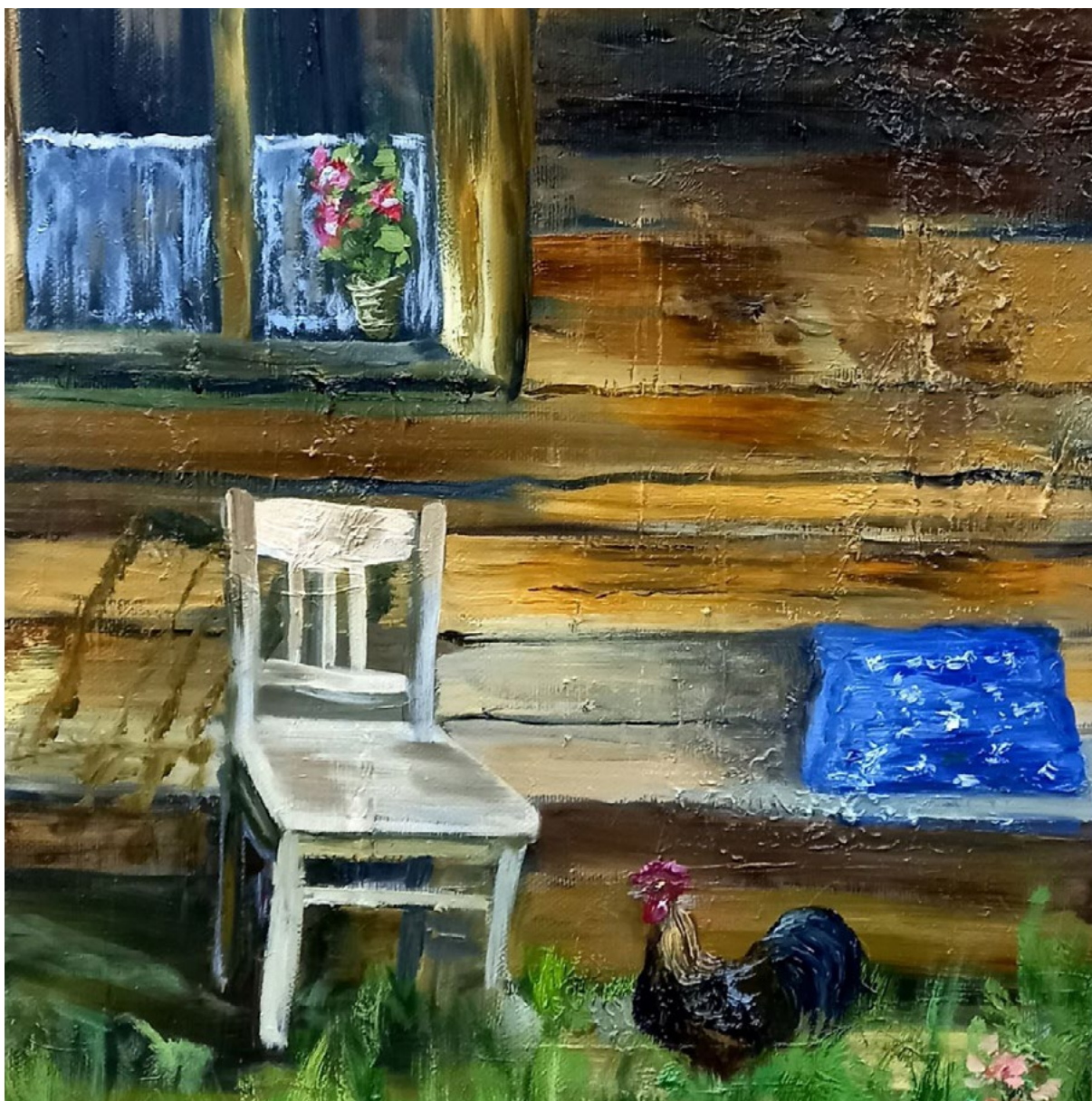
Так что же это было и о чём?

Это лекции коллег на актуальные теоретические темы, это практико-ориентированные доклады осмысления возникающих в терапии феноменов, это интерактивное обсуждение в группе слушателей полученных впечатлений и, конечно же, кулуарное обсуждение насущных вопросов с наиболее близкими по духу специалистами.

Из теоретической части больше всего мне запомнилось следующее:

1. Женщина может отрицать смерть, родив жизнь, а вот мужчина вынужден создавать смысл, который может передать другому (президент ЕАРПП Тимошкина А.А., «Отбор мужчин в терапевтическую группу».

2. Мышление – это акт, требующий наличия пары, в отличие от галлюцинирования, где достаточно одного участника; то есть если вы сами, без обсуждения с другими и поиска истины, о чём-то подумали и уверовали – это галлюцинация (доклад Ерёмина Б.А. – супервизора ЕСРР и ЕАРПП).
3. Мир находится в травме, но она принципиально разная для тех, кто является непосредственным участником травматических событий и для тех, кто просто наблюдает. В такой разделяющей людей ситуации не сойти с ума могут помочь несколько хулиганские и эпатажные, но живые и объединяющие идеи психотерапевтического взаимодействия, например, как у итальянского психоаналитика и автора нескольких книг Антонино Ферро (по мотивам выступления Мельшиной Т.Н., члена РО Москва ЕАРПП).

4. Происходит сдвиг в сторону доминирования матери, которая буквально преследует своей любовью; отец в такой ситуации обесценен и мягок, воспринимается детьми как отсутствующий и плохой (круглый стол «Принцип Отца в организации: закон, этика, путь чести», вице-президенты ЕАРПП Аулкина С.А. и Гридаева Г.В.).

Психоаналитическое понимание помогает относиться к ситуации более взвешенно, деликатно и улавливать более точные эмоциональные реакции.

5. В современном ускоряющемся и сходящем с ума мире всё большее значение приобретает влияние среды; если раньше «Другой» в психике представлял собой вполне отчётливую и насыщенную подробностями модель человека, в отношении которой «Я» испытывало большое количество ярких эмоций, то теперь всё чаще «Другой» – всего лишь тело, а в личности всё меньше переходных состояний и колебаний. Фактически индивид стремится осуществить аутистический всемогущий уход, создать непрозрачность безразличия. В этих условиях не личности окружающих определяют поступки людей, а средовые тенденции, т.е. некие интуитивно улавливаемые настроения групп (по докладу Козимо Скинайи, психоаналитика IPA из Италии).

В практике было очень интересно послушать про опыт работы частной психиатрической клиники в Нижнем Новгороде с подростками с селф-хармом, спасибо врачам-психотерапевтам Харабуровой Т.Л. и Смиренской Е.А. Оказывается, при лечении самого подростка прогноз обычно неблагоприятный, но если применять системный семейный подход, в большинстве случаев удаётся добиться хороших результатов. Буквально необходимо позвать на «встречу родственников» всех, кто живёт с пациентом под одной крышей и искать проблему в структуре семейных отношений. А также иногда очень полезно спросить у подростка: «Расскажи мне, что вот с этими людьми (родителями и т.д.) не так, что тебе даже приходится резать себя?».

Также впечатлил доклад коллеги из Самары, специалиста ЕАРПП/ЕСРР Викторова Е.А. про опыт сопровождения отцовства. В этой методике он оказывает поддержку семьям с маленькими детьми, работая с тревогами новоиспечённого отца и подсказывая альтернативные варианты реакций на происходящее. Часто появление ребёнка является серьёзной угрозой семье, когда отец сталкивается с отсутствием женского внимания, с собственной паникой и регрессией, а мать сама находится в послеродовой депрессии.

На круглых столах и во время дискуссий мы говорили о важности участия в профессиональных сообществах, таких как ЕАРПП.

Во-первых, именно в процессе взаимодействия с коллегами формируется индивидуальное профессиональное мышление, как говорится, с кем поведёшься, от того и наберёшься. Психоаналитическое понимание помогает относиться к ситуации более взвешенно, деликатно и улавливать более точные эмоциональные реакции. Очень важно пробовать описывать клиентские случаи хотя бы для самого себя, в любой удобной форме, даже если потом они ни для чего не пригодятся – в любом случае процесс переосмысления будет полезен для специалиста.

Во-вторых, только в сообществах возможно появление новых идей, направлений и практик. Символически активный участник представляет собой носителя семьи – мужчину, а всё общество в целом – плодотворную среду для зачатия и развития. Если кто-то считает, что может что-то сделать в одиночку – перечитайте выше про мышление, это будет всего лишь Вашей галлюцинацией.

В-третьих, практически бывает полезно вовремя узнать новый консенсус относительно этических норм в профессии. Например, сейчас очень актуальны вопросы допустимого присутствия в социальных сетях для психоаналитика. Что считать неизбежным и необходимым раскрытием в современном цифровом мире, а что следует отнести к необязательному и вредному для процесса терапии проявлению эксгибиционизма и нарциссизма специалиста? В ЕАРПП существуют такие нормы, и мы активно работаем над их улучшением и соответствием реалиям.

Что считать неизбежным и необходимым раскрытием в современном цифровом мире, а что следует отнести к необязательному и вредному для процесса терапии проявлению эксгибиционизма и нарциссизма специалиста?

Кулуарная часть, само собой, преимущественно не подлежит раскрытию, однако я отмечу две общих тенденции, которые удалось заметить:

- психоаналитики всё чаще задумываются о том, чтобы найти себе какое-то другое занятие, не связанное с приёмом клиентов; возможно, это является естественным следствием увеличения психической нагрузки на специалистов в современном мире
- витают идеи создания мужских пространств, клубов, где мужчины могли бы осуществлять живой обмен мнениями обо всём на свете, не стесняясь присутствия женщин, не опасаясь ранить их или быть атакованными; я думаю, что подобные мужские объединения являлись и являются важным элементом сохранения мужественности в любом обществе.

А ещё на двенадцатой Московской конференции кое-что случилось впервые. В моей фантазии это будто было накоплено достаточное количество «присяжных», по одному за каждый год, а всего – двенадцать, которые постановили создать новую активность – научную лабораторию РО Москва. Непросто и даже страшновато заниматься наукой в психоанализе! Тем не менее несколько смелых членов организации начали это делать и представили свои первые плоды на специальной секции. Гипотезы вызвали живой отклик, прозвучало много новых идей, а двое слушателей изъявили желание присоединиться к лаборатории. Приятно наблюдать, когда на наших глазах рождается новое направление жизни сообщества.

В целом, мне очень понравилась эта конференция, я благодарю всех причастных к её созданию, наполнению и организации! Очень был рад всех увидеть и пообщаться, до новых встреч, друзья и коллеги.

Когда Мать говорит об Отце

Попова Ольга Николаевна

- [клинический психолог,](#)
- [психоаналитический терапевт](#)
- [член ЕАРПП](#)

1-2 июня прошла ежегодная региональная конференция, посвященная мужчинам в психоанализе. Этому мероприятию предшествовала подготовка в виде ежемесячных «больших клинических суббот», где участники имели возможность делиться своими мыслями и переживаниями по поводу мужского аспекта в своей психоаналитической работе.

Конференция проходила в отеле «Холлидей» на Таганке в Москве – в его конференц-зоне на минус первом этаже, что обеспечило приватность и защиту от московской жары, стоявшей в те выходные. В программе участвовали около 30 спикеров, среди которых были специалисты, приехавшие из Ярославля, Самары, Нижнего Новгорода. Также было онлайн-подключение из Италии (К. Скинайя), Черногории (Т. Гунар) и Нью-Йорка (Уракчеева Р.Р.).

В докладах и дискуссиях основной темой конференции был представлен в трех

То, что мы считаем счастьем ... действительно существует, но мы не достигаем его, потому что оно всегда находится там, куда мы его помещаем, а мы никогда не помещаем его туда, где находимся сами.

ипостасях – субъекта, объекта и символического. Про субъекта речь идёт в тех ситуациях, где мир воспринимается из позиции мужчины: что значит быть мужчиной для нашего клиента, каков его путь к идентификации себя как мужа, брата или отца, каковы его переживания и проблемы. «...В поле чувственной сферы мужчина оказывается очень уязвим ...» – как заметила в своем вступительном слове президент ЕАРПП А.А. Тимошкина – и он «привлекателен» и ценен в аналитических ситуациях, например, группового взаимодействия. В своём докладе «Отец или «друг», муж или «ребенок» коллега Викторов Е.А. показал, что психологическая поддержка нужна не только для молодой матери, но и отцу, который с появлением младенца сталкивается с новыми ролями, для интеграции которых требуется сопровождение специалиста.

Вторая ипостась (объект) была проиллюстрирована в двух докладах коллег из Нижнего Новгорода: главного врача и учредителя клиники «Семейная Практика» Хабабуровой Т.Л. и семейного психотерапевта и директора клиники Смиренской Е.А. Их выступления про значение фигуры и образа отца/ отчима в системной терапии семей с явлением self-harm и развитии расстройств пищевого поведения у подростков. Коллегам удалось открыть частную психиатрическую клинику, где они, опираясь на практики финских коллег, стараются вовлекать максимум родственников и близких пациента, проводя совместные «семейные встречи». Особенно запомнились провокационный вопрос, применяемый иногда на таких встречах, – «Кого надо убить, чтобы в семье что-то изменилось?» и креативный подход в лечении депрессивного расстройства пациентки-подростка, чье состояние долго не улучшалось пока ее не назначили ведущей еженедельной терапевтической группы. В результате пациентка стала посещать групповую терапию, которую она раньше игнорировала, и постепенно выходить из депрессивного состояния, находя смысл в новом дне. Времени, чтобы успеть рассказать все нюансы работы в клинике, к сожалению, не хватило и коллеги пригласили всех, кого заинтересовал их подход, в гости для более глубокого знакомства.

Третья ипостась мужского – символическое – проявилась во время дискуссии на круглом столе Этического комитета. Этический кодекс – это свод норм, который может служить опорой в моменты размытия границ между личной и профессиональной идентичностью психоаналитика, определять степень самораскрытия и давать чувство

Основной герой конференции
был представлен в трех
ипостасях – субъекта, объекта
и символического.

Этический кодекс – это свод норм, который может служить опорой
в моменты размытия границ между личной и профессиональной
идентичностью психоаналитика, определять степень самораскрытия
и давать чувство защищенности как психоаналитику, так и его клиенту.

защищенности как психоаналитику, так и его клиенту. Спикеры рассматривали их отсутствие как вариант этического нарушения. Тема вызвала смешанные чувства у аудитории. Кому-то было скучно слушать обсуждение того, что давно определено, прописано и, следовательно, очевидно. Презентация краткой эволюции этических норм показала, что, с одной стороны, вопросы этики существуют со времен, как минимум, Ветхого Завета, с другой – в зависимости от эпохи и прогресса могут меняться за счет внесения поправок актуальных для «здесь-и-теперь». Символический Отец, в виде правила, выполняет вроде бы ограничивающую функцию, не дающую пространства, но, если смотреть на это в концепции Лакана, то действующие правила дают определенную дозволенность действиям субъекта пока последний понимает для чего изначально они были введены – «Истинная функция Отца состоит в том, чтобы объединить (а не противопоставлять) желание и Закон» (Ж. Лакан).

В завершении хотелось бы отметить работу секции Научной-исследовательской лаборатории – нового направления в ЕАРПП, целью которого является развитие пси-

Ощущение полноты
от трехмерного присутствия
в сообществе единомышленников
сложно сопоставить
с двумерным.

хоаналитического стиля мышления и научно-исследовательского потенциала аналитика. Участники лаборатории коротко представили свои научные гипотезы, объединенные темой «Аффекты, мышление, связи» и запустили дискуссию о том, почему психоанализ не воспринимается всерьез в академических кругах и какие могут быть пути его легализации в российской науке. Вопрос остался неразрешенным, и возможная

миссия созданного направления как раз и заключается в том, чтобы обеспечить систематизацию наработок и знаний российского психоаналитического сообщества с целью их объективации в более широких кругах.

Подводя итоги моей первой очной конференции ЕАРПП, хочется отметить неприужденность и живость, с какой она проходила. Несмотря на то, что большая часть коллег была мне незнакома, в ходе выступлений появлялось чувство причастности, которое укрепило профессиональную идентичность. В перерывах на кофе дискуссии продолжались и появлялись новые знакомства, рассеивая защитное чувство изолированности, захватившее меня в начале конференции. Возможно, что то удовольствие, с которым я вышла после, также связано и с отличной организацией мероприятия – выбором локации, распределением по залам и сопутствующей инфраструктурой (наличие бесплатных парковочных мест, а также хороший выбор из меню ресторана отеля на обед).

Правы старшие коллеги Аулкина С.А. и Гридаева Г.В, которые всегда делают акцент на важности посещения очных мероприятий – ощущение полноты от трехмерного присутствия в сообществе единомышленников сложно сопоставить с двумерным.

Эдип и практики мужской инициации. Психоаналитические интерпретации

Метельская Юлия Сергеевна

• тренинговый аналитик ЕАРПП

Три составляющие психоанализа — корпус знаний о психике, исследовательская активность и форма лечения психических расстройств создают единство, в котором ни одна часть не может быть исключена и несводима к другой.

Эдипов комплекс — концепт на пересечении индивидуальной психики и культурных феноменов.

З. Фрейд открыл эдипов комплекс в процессе самоанализа, исследуя материал собственных сновидений в период работы над «Толкованием сновидений». В книге Д. Анзье «Самоанализ Фрейда» подробному исследованию продвижения З. Фрейда к пониманию источников своего невротического страдания полностью посвящена глава «Открытие эдипова комплекса» [1]. Образы четырех так называемых римских сновидений открыли перед З. Фрейдом двойной страх перед собственным инцестуозным желанием обладать матерью и ее положительной реакцией на это желание, страх наказания, идентификацию с жертвой (отец Фрейда подвергался антисемитским притеснениям) и героическую идентификацию с теми, кто терпит неудачу на грани

успеха (Винкельман, Ганнибал, Массена). Эти переживания также сопровождались ощущением снятия запретов. З. Фрейд быстро ощутил терапевтическую пользу этой психоаналитической работы над собой. Он заканчивает письмо Флиссе 24 января 1897 года словами: «Думаю, я уже миновал критический возраст. Состояние мое намного стабильнее» (F 228) [1]. Осмысливая содержание своих переживаний и фантазий по отношению к отцу и матери, З. Фрейд в своем фундаментальном труде «Толкование сновидений» обращается к мифу о царе Эдипе, описанному в одноименной трагедии Софокла [11]. По сюжету трагедии Эдип убил собственного отца и женился на матери.

Д. Белл, член Британского психоаналитического общества, руководитель секции прикладного анализа, в своей статье «Психоанализ как корпус знаний о психике и культуре» отмечает, что в этот момент Фрейд совершил не одно открытие, а два, так

Ритуал представляет собой разыгрывание на телесном уровне совладания со страстями, которые могут быть разрушительными для индивида и группы.

основополагающие человеческие конфликты» (цитата приводится в переводе Ю. Моталовой) [15]. Движущей силой этих конфликтов является что-то, что человек не может контролировать — воля богов, по мнению древних греков, бессознательное — по мнению психоаналитиков. Д. Белл отмечает, что начиная с работ Фрейда, психоанализ направляет свой взгляд в две стороны одновременно — внутрь на психические процессы отдельного человека и вовне на культуру и общество. Три составляющие психоанализа — корпус знаний о психике, исследовательская активность и форма лечения психических расстройств создают единство, в котором ни одна часть не может быть исключена, и несводима к другой. Последнее — лечение психических расстройств — есть прикладное применение психоанализа как корпуса знаний о психике и не является единственным источником теоретических психоаналитических знаний. Многие главные открытия психоанализа были обнаружены благодаря исследованию обычных феноменов повседневной жизни, таких как сновидения, ошибки, юмор, психология толпы и т.д. Понимание групповых и социальных феноменов невозможно редуцировать до моделей, которые выводятся из функционирования индивида, однако полноценное описание групповых и социальных процессов обязательно потребует опоры на знания о том, что собой представляет психика индивида. Между индивидом и группой, с точки зрения психологии человека, нет концептуального различия.

3. Фрейд убежден в релевантности психоанализа для культуры. Так, в работе «Обсессивные действия и религиозные обряды» (1907) З. Фрейд проводит параллели между ритуалами обсессивного невротика и ритуалами религиозной практики. По сути и то, и другое — пурификационные ритуалы, направленные на необходимость разделять и сохранять в отдельности хорошее и плохое, священное и профанное, чистое

Ритуал служит для проекции вовне внутренних конфликтов и переживаний, создающих большое напряжение внутри индивида и в группе, требующих разрядки и/или переработки и нахождения смысла. Смысл ритуала при этом остается скрытым для сознания, он бессознательный и относится к базовому (инфантильному) опыту, общему для всех людей.

как помимо основополагающего открытия о психической жизни он представил контуры теории эстетики и подход к пониманию явлений культуры: «Великая трагедия Софокла сохранилась на протяжении всего этого времени и продолжает захватывать наши чувства, благодаря своей способности втягивать нас в идентификацию с ее основными персонажами, которые разыгрывают перед нами

и нечистое, а центральное место в содержании ритуалов обоих типов занимает сильное переживание вины и ее искупление. Разница только в том, что обсессивные ритуалы невротика идиосинкратичны, а религиозные церемонии имеют коллективный и стереотипный характер [15]. В «Тотеме и табу» Фрейд отмечает, что мы можем рассматривать невротические симптомы как карикатуру на обычные культуральные феномены. Также в «Тотеме и табу» Фрейд выдвигает революционный для своего времени тезис, что культура, религия, право и мораль происходят из одного психического источника — эдипова комплекса [12]. Отныне этой психоналитической метафорой будут пронизаны все работы Фрейда.

Выявляя и описывая единые механизмы, лежащие в основе индивидуальных и культурных процессов, З. Фрейд дал ключ к пониманию смысла культурных явлений: мифов, ритуалов, художественного и литературного искусства. Все это — внешние проявления более глубокой структуры. В работах «Недовольство культурой», «Тотем и табу», «Массовая психология и анализ человеческого Я», «Навязчивые действия и религиозные обряды» З. Фрейд раскрыл амбивалентную роль культуры как источника и, одновременно, способа защиты от страданий через проекцию вовне бессознательных конфликтов и разрешение их в образно-символической форме.

И хотя впоследствии психоналитическая трактовка культурных феноменов часто подвергалась критике за сведение всех явлений к проявлению бессознательного, тем не менее психоналитический взгляд на культуру нашел отклик

Там, где есть социальная драма,
там с полной вероятностью
могут присутствовать ритуал
или церемониальные институты
восстановления.

и распространение в области культурной антропологии. А. Дандес, психоналитический антрополог, считает, что большая часть фольклорных фантазий находится в области бессознательного, более того, чтобы фольклор функционировал, они и должны быть бессознательными. Фольклор сохраняется и значим для психики потому, что он содержит важный элемент фантазии, и одна из функций фольклора состоит в обеспечении социально санкционированной отдушины для выражения того, что не может быть осознано и проговорено напрямую. То есть, само существование мифа об Эдипе и его передача из поколения в поколение является прямым свидетельством наличия бессознательной фантазии определенного содержания. Далее приведем цитату А. Дандеса: «Меня всегда забавляли те, кто, претендуя на критику «эдипального прочтения» мифа об Эдипе, утверждают, что фрейдистская интерпретация неверна, поскольку Эдип не знал, что он убивает своего отца и женится на своей матери. Конечно, он этого не осознавал. В том-то все и дело. Именно перевод бессознательного в сферу осознанного оказывается трудным и болезненным для человеческой психики. Проекция принадлежит к группе защитных психологических механизмов, обеспечивающих бессознательный экран или сцену для обнаружения случаев беспокойства, и именно поэтому фольклорные проекции столь необходимы в качестве инструментов для поддержания душевного здоровья» [3, с. 86]. Бессознательная природа символов и проекций

представляет серьезную проблему для антропологов и фольклористов, занятых поисками значения в мифах и ритуалах. Однако то, что попало в сферу бессознательного, можно оттуда и извлечь с помощью психоаналитической интерпретации и способности исследователя раскрывать значение символов. Образец такого исследования культуры представляет В. Тернер, автор «символической антропологии». Он рассматривает культуру как динамическую систему символов, каждый из которых имеет многоуровневое значение для людей изучаемого общества, что наиболее ярко проявляется в ритуале. В. Тернер придерживается практически психоаналитического взгляда, что ритуал выполняет функцию контекстуализации актуальных переживаний через установление связей и переработку аффекта, стоящего за нереализованным желанием. Механизмом снятия психического напряжения является представление этих переживаний в образно-символической форме, но изначально не на вербальном, а на довербальном уровне — через ритуал, в котором большую роль играют телесные представления. Собственно ритуал представляет собой разыгрывание на телесном уровне совладания со

Важной частью человеческого существования в сообществе являются переходы из одной социальной группы в другую в течение жизни человека. Эти переходы сопровождаются определенными ритуалами, состоящими из чередования определенных действий.

страстями, которые могут быть разрушительными для индивида и группы. «Где бы ни найти циклическую социальную систему, — говорит Тернер, — там же непременно будет найдена и социальная драма... А там, где есть социальная драма, там с полной вероятностью могут присутствовать ритуал или церемониальные институты восстановления» [8, с. 277]. Представители бионианской школы психоанализа сказали бы, что ритуал по лежащим в его основе психическим механизмам близок к сновидению как алфаветизированию, но в отличие от сновидения, индивидуального про-

цесса, ритуал — групповой процесс. Итак, ритуал служит для проекции вовне внутренних конфликтов и переживаний, создающих большое напряжение внутри индивида и в группе, требующих разрядки и/или переработки и нахождения смысла. Смысл ритуала при этом остается скрытым для сознания, он бессознательный и относится к базовому (инфантильному) опыту, общему для всех людей. В. Тернер исследовал, описал и дал интерпретацию большому количеству ритуалов различных культур от первобытных сообществ до современности. Но задача данной статьи — обратиться к интерпретациям определенных ритуалов, ритуалов мужской инициации.

Один из основных исследователей ритуалов — французский этнограф и фольклорист Арнольд Ван Геннеп считал, что важной частью человеческого существования в сообществе являются переходы из одной социальной группы в другую в течение жизни человека. Эти переходы сопровождаются определенными ритуалами, состоящими из чередования определенных действий. Суть чередования заключается в отделении (отлучении, исключении) от одного состояния, пребывании в промежуточном

Ритуалы инициации имеют смысл, в них символически зашифрована эдипальная структура и процесс психической трансформации мальчика в мужчину.

(лиминальном) состоянии и в последующем включении (приеме, агрегации) в новое состояние. Обряды перехода можно разделить на следующие категории: обряды включения, прощания, перехода, инициации. Отдельное место занимают в культуре специальные практики мужской инициации, прохождение которой знаменует переход мальчика из одной

социальной группы — детей — в другую — взрослых мужчин. Проходя инициацию, мальчик как бы приобретает новые качества (мужские) и это, в свою очередь, влечет за собой получение особых прав. В первобытных культурах — это жениться, охотиться, идти на войну. Как правило такие практики имеют сложную ритуальную процедуру. Психоналитики, занимающиеся исследованием ритуалов, предполагают, что ритуалы инициации имеют смысл, в них символически зашифрована эдипальная структура и процесс психической трансформации мальчика в мужчину. Казалось бы, имея в своем распоряжении концепт эдипова комплекса и обладая знаниями о символизме действий, психоналитикам не составит труда интерпретировать ритуалы мужской инициации, но здесь мы можем столкнуться со сложностью методологического характера, потому что, интерпретируя ритуал инициации, исследователи держат в уме какую-то теорию, концепцию.

Изначально, развивая концепт эдипова комплекса, З.Фрейд предложил два различных измерения эдиповой темы. И то, какое измерение будет использовать исследователь, повлияет на конечный результат и приведет к совершенно различным интерпретациям.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭДИПОВА КОМПЛЕКСА.

Коротко говоря, индивидуальное измерение — это то, как З. Фрейд описывал возникновение и развитие эдипова комплекса в разрезе индивидуальной психики. З. Фрейд развивает идею инфантильных сексуальных желаний ребенка по отношению к первичным объектам во множестве своих работ [10, 13]. Большинство из них тематически собраны в шестом томе Собрания сочинений З. Фрейда, 2006 года издания [10]. В работе «Закат эдипова комплекса» (1924) З. Фрейд, обобщая свои теоретические размышления об источниках и движущих силах эдипова комплекса, формулирует свое видение роли комплекса кастрации. Эдипов комплекс погибает в результате своей внутренней невозможности. Но как это происходит? Почему развитие сексуальности ребенка идет до фаллической стадии, но потом не развивается в окончательную генитальную организацию, а угасает и сменяется латентным периодом? З. Фрейд считал, что особый вклад в гибель эдипова комплекса принадлежит страху кастрации. Возможность кастрации кладет конец обеим возможностям удовлетворения (активной и пассивной), так как обе влекут потерю пениса, и конфликт между нарциссическим и объектным катексисом разрешается победой нарциссического. Я ребенка отворачивается от эдипова

комплекса. Он не просто вытесняется, он именно разрушается. Объектные ка-тексисы устраняются и заменяются идентификацией, интроекция в Я отцовского Объекта становится ядром Супер-Эго, либидинозные устремления десексуализируются и сублимируются, преобладают целезаторможенно-нежные побуждения [10].

Приводя доказательства универсальности эдипова комплекса и комплекса кастрации, З. Фрейд апеллирует к легендам и мифам, указывая, что они свидетельствуют о настоящем перевороте в эмоциональной жизни ребенка, об ужасе, связанном с комплексом кастрации.

В 1923 г. З. Фрейд пишет работу «Я и Оно», где связывает образование структуры психики, состоящей из структурных элементов — Ид, Эго, супер-Эго с прохождением и разрешением эдипова комплекса [14]. При переходе к структурной модели роль комплекса кастрации не пересматривается и сохраняет свое значение.

В дальнейшем многие последователи З. Фрейда вносили свой вклад в развитие концепции эдипова комплекса. Но, так как мы держим в фокусе внимания два аспекта — индивидуальное и социальное измерение Эдипова комплекса, то обратимся к двум теоретикам психоанализа, которые предложили свои модели психического — М. Кляйн и Ж. Лакану. Почему именно к ним? Они, на наш взгляд, внесли значительные вклады — М. Кляйн — в индивидуальное измерение Эдипа, Ж. Лакан — в социальное.

Мелани Кляйн предположила существование ранней «эдипальной ситуации», предваряющей Эдипов комплекс, в которой родительские сексуальные отношения не только воспринимаемые, но и сфантазированные, то, что З. Фрейд называл «первичной сценой», играют решающую роль. Мелани Кляйн считала, что эдипальная ситуация начинается уже в раннем младенчестве, намного раньше вхождения ребенка в фаллическую фазу, и настаивала на том, что «догенитальный» не значит «до-эдипов». Эдипальная ситуация отличается от эдипова комплекса тем, что родители воспринимаются в терминах частичных объектов (мать = материнская грудь, отец = отцовский пенис), тогда как в Эдипе З. Фрейда родители воспринимаются в терминах целостных объектов [4]. В отличие от З. Фрейда, М. Кляйн считала, что объектные отношения начинаются с младенчества. Также М. Кляйн утверждала, что психосексуальное развитие ребенка начинается уже с первых месяцев его жизни, и что у младенцев есть бессознательное знание не только о вагине, но и о пенисе. Следовательно, и материнская грудь, и пенис являются первичными частичными объектами оральных желаний ребенка. Зависть к груди дает стимул к интенсификации ранних генитальных

Эдипальная ситуация запускается фрустрацией, которую ребенок испытывает по отношению к груди матери.

Эдипальная ситуация включает в себя также фантазии о взаимоотношениях частичных объектов, которые впоследствии становятся основой представлений о родителях.

желаний. Стадии развития либидо «перекрывают» друг друга, генитальные желания смешиваются с оральными, и с самого начала позитивные и инвертированные эдиповы тенденции находятся в тесном взаимодействии. По мнению Мелани Кляйн, эдипальная ситуация запускается фрустрацией, которую ребенок испытывает по отношению к груди матери. В силу того, что у младенца любого пола единственным желанием является безграничное удовлетворение, писала Мелани Кляйн, то фрустрация у груди матери неизбежна, поэтому младенец отворачивается от груди и начинает искать орального удовлетворения от пениса отца. Причем, чем большую фрустрацию младенец испытывает у груди матери, тем больше надежд он питает на новый источник и тем сильнее любит новый объект, также являющийся частичным. Разочарования и поиск удовлетворения влекут за собой переключение с одного частичного объекта на другой и обратно, что приводит к непостоянству стадий организации либидо. Такая динамика способствует тесному переплетению ранних стадий прямого и инвертированного эдипова комплекса, где отец как частичный объект с самого младенчества играет существенную роль в фантазийной жизни ребенка. Эдипальная ситуация включает в себя также фантазии о взаимоотношениях частичных объектов, которые впоследствии становятся основой представлений о родителях.

Человечество приобрело свое сознание вины, источник религии и нравственности в начале своей истории из эдипова комплекса.

В контексте проблематики данной статьи, отметим, что вклад М.Кляйн в понимание эдипова комплекса состоит в акценте на влиянии догенитальных стадий на возникновение и развитие эдипова комплекса, подаче его в разрезе объектных отношений (отношений с частичными объектами) и акценте на роли чувства зависти (к материнской груди).

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭДИПОВА КОМПЛЕКСА.

Кроме понимания эдипальной динамики в индивидуальной психике, в психоанализе существует практика понимания роли эдипова комплекса в возникновении социальных институтов. В 1913 году З. Фрейд пишет работу «Тотем и табу», в которой объясняет возникновение табу на инцест, тотемизма и религии, видя их источники в индивидуальных переживаниях эдипального конфликта [12]. В этой работе З. Фрейд излагает миф о первичной орде и отцеубийстве. В социальном мифе З. Фрейд описывает изначально первобытную орду, управляемую деспотическим отцом, который сохраняет всех женщин для себя. Для сыновей-братьев единственный выход из этой ситуации состоит в том, чтобы, собравшись вместе, убить отца — так они и поступают. Однако убив и съев отца, братья тем самым идентифицировались с ним, приобретая его силу. И это событие понималось З. Фрейдом в качестве начала многих вещей — социальной организации, моральных предписаний и религии. После иницированного убийства братьями овладевают вина и раскаяние и учреждается табу на инцест и убийство. Это

Концепция символического, воображаемого и реального дает возможность разделить воображаемую кастрацию и символическую.

цивилизует собственную организацию, установленную когда-то их отцом и, возможно, базировавшуюся на гомосексуальных чувствах и действиях, трансформируя её в организацию общества, основанную теперь уже на экзогамии и обмене женщинами. З. Фрейд считает, что табу на инцест является источником и движущей силой человеческой культуры. Человечество приобрело свое созна-

ние вины, источник религии и нравственности в начале своей истории из эдипова комплекса.

Затрагивая роль фантазии и символизации в качестве инструментов исполнения бессознательного желания, мы вплотную подошли к теории Ж. Лакана в контексте эдипова комплекса. Ж. Лакан предложил свою модель психического, разделив реальное, воображаемое, символическое.

Лакановский анализ делает особое ударение на фаллосе, определённом идеями Фрейда о кастрации и эдиповом комплексе. Но находится при этом в русле социальных работ Фрейда и темы первобытной орды и первобытного отца. Концепция символического, воображаемого и реального дает возможность разделить воображаемую кастрацию и символическую, пенис и фаллос. Это помогает понять феномены, находящиеся за пределами индивидуальной психики, в частности, дает ключ к пониманию бессознательного содержания ритуалов мужской инициации.

Рассмотрев то, в каких направлениях происходило развитие концепта эдипова комплекса, можем перейти к обсуждению вопроса, как будет выглядеть приложение к практике теорий, ставящих акценты на индивидуальном или социальном измерении эдипова комплекса.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РИТУАЛА МУЖСКОЙ ИНИЦИАЦИИ В РАЗРЕЗЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ИЛИ СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ЭДИПОВА КОМПЛЕКСА.

Грэм Э. Булл в статье «Реинтерпретация ритуала мужской инициации: назад к Фрейду и Лакану» предлагает проверить различные психоаналитические интерпретации на предмет их объяснительной силы на материале сложной процедуры мужской инициации в племени самбиа [2]. Это племя, живущее на юго-восточном высокогорье Папуа Новой Гвинеи. Обряд инициации — превращения мальчика в мужчину, имеющего право вступать в брак и воевать, охватывает годы жизни от 7 до 20 лет, разбит на несколько этапов. В обряде инициации присутствуют элементы — отделение от матерей, проживание в «мужском доме» совместно с другими мужчинами, практика гомосексуальных отношений (проглатывание спермы другого мужчины, фелляции) где сначала мальчик занимает пассивную позицию, а потом меняет ее на активную, переодевание в женскую одежду, носовые кровопускания, протыкание носовой перегородки и т.д.

Общим моментом при психоаналитической интерперетации ритуалов мужской инициации является эдипов сценарий и кастрационная тревога. З. Фрейд напрямую связал обрезание (распространенный элемент обрядов мужской инициации) с кастрацией. Обрезание — это эквивалент и заместитель кастрации.

При общем понимании роли кастрации, тем не менее, возникает разница между индивидуальным измерением Эдипа и социальным, понять которую невозможно, не разделяя воображаемое и символическое. Те, кто ставит акцент на индивидуальных теориях, находят, что обряды эксплицитно говорят о подражании женщине, тем самым оставаясь в регистре воображаемого. Некоторые теоретики делают акцент на объяснении, отсылающем к зависти к матке. Такого объяснения придерживались О. Фенихель, Т. Рейк и Г. Рохайм. Б. Беттельхейм предпочитает дофаллические и доэдипальные темы, привязанность ребенка к матери и последующую мужскую амбивалентность этой роли, а также зависть к способности матери рожать (он назвал это «вагинальной завистью»), то есть завистью к женской груди, способности вскармливать, беременеть и рожать. По Б. Беттельхейму, ритуалу присущ трансвестизм, который выражает желание мужчины играть роль женщины, что поддерживает взгляды о том, что ритуал вызван завистью. Р. Лидз и Т. Лидз в своей работе «Мужская менструация: ритуал, альтернативный эдипову переходу» также видят в ритуальных явлениях — игре ритуальных флейт, носовом кровотечении, рвоте — не столько тему кастрации, сколько тему, основанную на зависти. Мужчины символически воспроизводят все важные элементы, от природы присущие женщинам: флейты — это репродуктивная сила, носовое кровотечение — это менструация, а разрыв соединительной ткани — это разрыв девственной плевы. Но возникает вопрос — как именно ритуал превращает мальчика в мужчину, делая его при этом более похожим на женщину. А. Дандес спрашивает — каким образом символическая кастрация мальчика превращает его в мужчину? Почему она не делает его женщиной? Психоаналитическая интерпретация заходит здесь в тупик, так как не учитывает, что есть разница между индивидуальным символизмом и культурным. С. Куртц полагал, что: «Современные школы психоанализа (например, эго психология), также, как и классическая теория, обращаясь к незападным культурам и не пытаясь как-то преформировать свой подход, получают результаты, говорящие о патологической ориентации» [2].

Появление фаллоса дает доступ к несколько лимитированной, культурной форме наслаждения, маскулинному удовлетворению.

Структурно ритуал мужской инициации повторяет миф о первичной орде, воспроизводя его символически.

Лакановский анализ этого явления позволяет охватить вышеупомянутые проблемы — представление о символической кастрации и роли Отца и помогает понять смысл ритуала инициации самбиа. Все дело в том, что структурно ритуал мужской инициации повторяет миф о первичной орде, воспроизводя его символически.

Для понимания этого недостаточно наблюдения ритуала (уровня воображаемого) — необходимо еще обращение к символическому толкованию мифов племени, которые становятся известны мальчику только после прохождения определенных стадий инициации. Так существует миф о Гандеи — отдельном мире женщин, где нет мужчин, но есть дерево с плодами, похожими на фаллос. Мужчины из этого мира изгоняются, так как женщины опасаются, что мужчины срубят дерево. Это является прямой отсылкой к представлениям о жизни в орде до отцеубийства в мифе об отцеубийстве, изложенном З. Фрейдом. Кроме этого очень интересны мифы самбиа о мужском партеногенезе, которые Г. Гердт помещает в самый центр ритуала мужской инициации и жизни мужчин. Мужчины самбиа не узнают этот миф, пока не завершатся все шесть стадий инициации. «Пенис Намбулю был так мал, что он не знал, что это

В ритуале мужской инициации
мы встречаемся с тем,
что подлинный отец не так важен,
как отец символический.

такое и не мог доставить наслаждение своей партнёрше Ченчи, которая превратилась из мужчины в женщину, хотя у неё так и не было вульвы. Ченчи взяла бамбуковый нож и стала разрезать крайнюю плоть Намбулю, обнажая головку пениса, пока он не стал больше и красивее» [2]. Этот миф описывает символическую кастрацию и появление в результате этого фаллоса у Намбулю, который

теряет свою женскую грудь. Он становится мужчиной, который владеет фаллосом. «Намбулю сделал вертикальный разрез в области лобка женщины и тем самым создал женскую вагину» [2]. Мы можем сказать, что здесь женщина открывает собственную кастрированность. У нее, оказывается, самым определённым образом нет фаллоса. Ченчи беременеет. В этом мифе обладание (или необладание фаллосом) — это то, что отделяет один пол от другого. И женщина, и мужчина некоторым образом символически кастрируются, но лишь у мужчины появляется заместитель фаллоса. Именно в этом мифе мы можем ясно видеть разницу между тем, что Ж. Лакан называет пенисом и фаллосом. До символической кастрации Намбулю имел лишь бесполезный пенис, а пол его сам по себе был амбивалентным. У него была грудь. Пенис был символически разрушен и это, парадоксальным образом, позволило ему стать мужчиной.

Фаллос, по Ж. Лакану, появляется вместо отсутствующего пениса. Сомнения насчёт мужской сущности у самбиа — это обычные сомнения в том, кто же владеет фаллосом. «Интерпретировать этот феномен лишь как фантазийный материал — значит не видеть центрального означающего в конструкции самбиа «быть мужчиной» [2]. Понимание разницы между пенисом и фаллосом очень важно. Фаллос появляется как символ и относится к уровню символического. Еще более ярко тема утраты пениса и получения взамен фаллоса представлена в египетском мифе об Изиде и Осирисе и хорошо показывает нам функцию фаллоса. Бог Осирис был убит, а его тело — расчленено. Его подруга Изида собрала его тело воедино, но не могла найти пениса и заменила его вылепленным из глины. С той поры у древних египтян появился целый праздник в честь этого

события: женщины ходили по улицам с куклами, которым были приделаны выдающиеся гениталии.

Вторая часть мифа о Намбулю показывает, чем вызвана кастрация. Один из сыновей Намбулю обратился к отцу с вопросом — что он делает своим эрегированным пенисом? Намбулю, думая, что мальчик сможет войти к собственной матери и для предотвращения схватки между отцом и сыном, отправляет того к брату мальчика. Таким образом, гомосексуальное взаимодействие предотвращает секс с матерью. Г. Гердт комментирует это так: «Едва ли мы можем игнорировать эдипальное содержание этой последней части и то, что мифология делает совершенно ясным — гомосексуальное поведение предназначено для избежания инцеста, битвы и отцеубийства» [2].

Для Лакана «фаллос является означающим», хотя и «привилегированным означающим», находящимся в основании всех прочих означающих. Он имеет, скорее, символическую, чем воображаемую или реальную роль, и всегда скрыт. Это не фантазия. Это симулякр, заменитель, созданный для того, чтобы симулировать то, чего не хватает, делая его больше, чем жизнь. Появление фаллоса дает доступ к несколько лимитированной, культурной форме наслаждения, маскулинному удовлетворению. Ж. Лакан ассоциирует это с обменом. Прочие психоналитические теории ошибочно принимают фаллос за пенис. В ритуале инициации мальчики обретают собственный путь, вставая при помощи эдиповой дилеммы в позицию мужчин, имеющих фаллос и способных иметь жен.

Таким образом, воображаемая кастрация делает импотентом, символическая — наделяет фаллосом, потенцией.

З. Фрейд говорит и о действительной кастрации, но когда он касается обрезания (обрезание волос, выбивание зубов), то речь касается символической кастрации. В «Тотеме и табу» первобытный отец постоянно и целенаправленно делает мальчиков импотентами (воображаемая кастрация). После убийства отца мужчин кастрируют символически, что является подчинением «мертвому отцу». Все мужчины участвуют в действе поименования предков, особенно отца-основателя Намбулю. Иницируемые в процессе ритуала получают свои новые имена (с согласия их матерей), но имена связывают их с изначально именованным предком («отцом»). Настоящий отец и другие взрослые мужчины в процессе ритуала в качестве посредника обеспечивают доступ к отцу-основателю. Поедание тотема и обрезание — это символический способ репрезентации первобытных событий в «Тотеме и табу». Для самбы события ритуала имеют ту же самую функцию. Кровопускание из носа — это способ обрезания, поглощение семени, а потом и сока — это разновидность символического съедения.

В современном обществе ритуалы инициации как таковые практически отсутствуют, но, как известно, мифы и сказки культуры представляют собой вербальный след ритуалов. Волшебные сказки сопровождали ритуалы инициации в прошлом и являются их вербальным дериватом.

Психоанализ изначально исходил из существования в психике различных уровней — от глубоко архаичных до тех, что ближе к поверхности (сознанию) в синхроническом и диахроническом аспектах.

В ритуале мужской инициации мы встречаемся с тем, что подлинный отец не так важен, как отец символический. Мальчик, прошедший инициацию, занимает определенное место в обществе, его положение сходно с положением мужчин в «Тотеме и табу» после убийства отца. В обоих случаях они живут по правилам управляемого общества, и в качестве членов этого общества они могут принять участие в управлении. Ритуал инициации допускает, что мальчик не становится мужчиной «естественным» образом, но должен подвергнуться некоему культурному процессу, вступить в символический мир культуры, родиться как бы от мужчины, в «Имени отца».

Мы видим, что ритуалы мужской инициации в первобытных племенах структурно повторяют миф об отцеубийстве, но можно ли обнаружить это, например, в нашей культуре? В современном обществе ритуалы инициации как таковые практически отсутствуют, но как известно, мифы и сказки культуры представляют собой вербальный след ритуалов. Волшебные сказки сопровождали ритуалы инициации в прошлом и являются их вербальным дериватом. Поэтому мы можем поискать подтверждение нашей интерпретации ритуалов мужской инициации как символического разыгрывания мифа о первобытной орде, обратившись к материалу русских волшебных сказок. В.Я. Пропп, исследуя закономерности русской волшебной сказки в работе «Морфология волшебной сказки», обнаружил устойчивое сочетание структурных элементов в сказках определенного типа, повествующих о прохождении испытаний протагонистом-мужиной. В этих сказках, если один ход содержит бой, а другой трудную задачу, то бой всегда в первом ходе, а трудная задача во втором. Эти же сказки дают типичное для вторых ходов начало, а именно сбрасывание его братьями главного героя, успешно прошедшего испытания, в пропасть. Для данных сказок построение по двум ходам канонично. Это одна сказка из двух ходов, где в первой части — бой главного героя с отцовской фигурой (Змей, Кашей Бессмертный) и победа над ней, а во второй осложнение вносится братьями, убивающими героя и занимающими его место. Что это как не воспроизведение мифа об отцеубийстве с последующим братоубийством и наказанием братьев? Кстати, сам В. Пропп не находил объяснения этому явлению в рамках своего структурно-типологического подхода и оставлял решение данной загадки исследователям из других областей знания. Представляется обоснованным наше предположение о том, что объяснение этого явления находится в области психологии бессознательного, и в основе структуры сказок этого типа лежат элементы эдипова мифа — мифа об отцеубийстве в первобытной орде [7].

Остается еще один вопрос: как можно объяснить то, что З. Фрейд выделил и описал два измерения эдипова комплекса, прибегая в своих теоретических размышлениях

то к одному варианту, то к другому. Ответ на этот вопрос можно дать, приняв во внимание, что психоанализ изначально исходил из существования в психике различных уровней — от глубоко архаичных до тех, что ближе к поверхности (сознанию) в синхроническом и диахроническом аспектах. В бессознательном так же можно допустить существование слоев различной древности и глубины. Можно предположить, что миф об отцеубийстве относится к более архаичному уровню бессознательного, формировавшемуся в период истории человечества, когда решался вопрос о самой структуре сообщества. Индивидуальное же измерение эдипа касается вопросов поиска места ребенка в семейной иерархии, где семья уже существует в устоявшейся социальной структуре и сама имеет определенную, сложившуюся структуру. На более глубоком уровне социального эдипа остро стоят вопросы об установлении правил, запретов и табу. Решение этих вопросов происходило на таких далеких этапах истории, когда человеческое сообщество по своему функционированию было близко к функционированию групп других приматов. Если верить исследованиям группы приматов Франса де Вааля, результаты которых изложены в «Политике у шимпанзе. Власть и секс у приматов», то вопрос об отношениях между собой мужских особей занимает в этих группах особое место — самцы должны, что называется, договориться

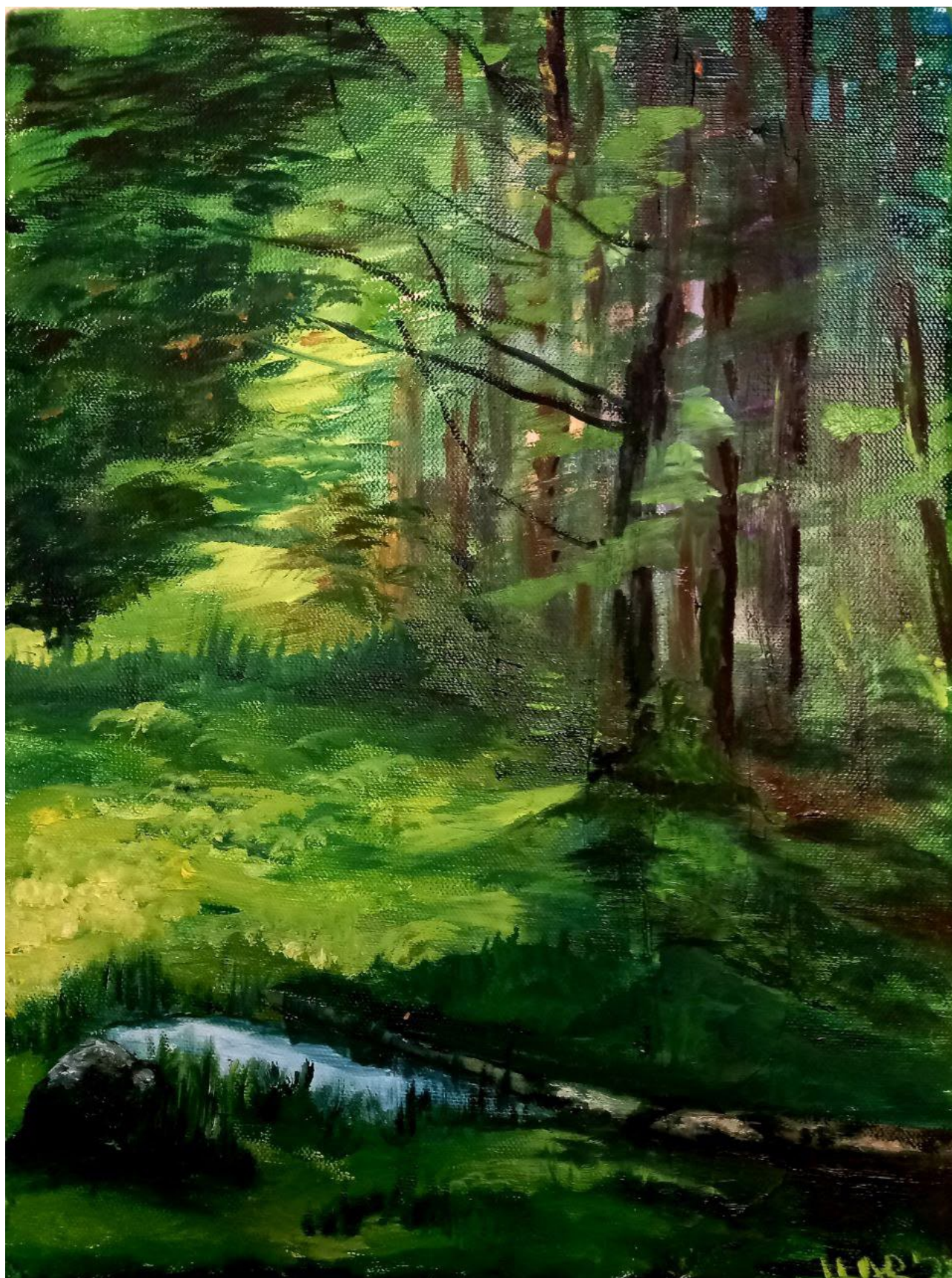
Существование двух измерений эдипова комплекса дает ключ к пониманию того, как эдипальная проблематика проявляется на индивидуальном уровне и уровне культуры.

и поддерживать в отношениях устойчивое равновесие, контролируя агрессию к другим мужским особям и сексуальные проявления к самкам. Можно предположить, что миф об отцеубийстве — это наследие этапа развития человечества, относящееся к глубоким архаичным слоям психики, это миф не только об отношениях с вожаком стаи, но и об отношениях между остальными мужчинами племени. Ритуалы мужской инициации у первобытных племен актуализируют и символически разыгрывают темы отношения с Отцом, другими мужчинами племени, возникновение табу на инцест и отцеубийство.

Таким образом, существование двух измерений эдипова комплекса дает ключ к пониманию того, как эдипальная проблематика проявляется на индивидуальном уровне и уровне культуры. Без понимания различий этих двух уровней невозможно, например, адекватное психоаналитическое понимание некоторых практик мужской инициации в первобытных сообществах, дериваты которых сохраняются и в современном обществе, структурно повторяя миф о первичной орде и воспроизводя его символически. Понимание эдипова комплекса через призму концепции символического, воображаемого и реального позволяет рассматривать с аналитической точки зрения очень сложные феномены, как клинические, так и культурные, не патологизируя их, и не редуцируя до уровня воображаемого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анзье Д. Самоанализ Фрейда. — М., ИОИ, 2021.
2. Грэм Э.Булл. Реинтерпретация ритуала мужской инициации: назад к Фрейду и Лакану. <https://doctorermakov.ru/566/reinterpretaciya-rituala-muzhskoy-iniciacii-nazad-k-freydu-i-lakanu/>
3. Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003.
4. Кляйн М. Психологические труды. Том 5. Эдипов комплекс. — Издательский дом «ERGO», 2007.
5. Лакан Ж. Значение фаллоса // Международный психоаналитический журнал, 2010. — С. 7-22.
6. Лакан Ж. Имена-Отца. — М., Логос, 2006.
7. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. — М., Иллюминатор, 2023.
8. Тернер В. Символ и ритуал. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.
9. Фрейд З. Навязчивые действия и религиозные отправления. Собрание сочинений. Том 7— М., ООО «Фирма СТД», 2006.
10. Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. Том 6. Любовь и сексуальность. Закат Эдипова комплекса. — СПб, ВЕИП, 2015.
11. Фрейд З. Толкование сновидений. — СПб, ВЕИП, 2023.
12. Фрейд З. Тотем и табу. Собрание сочинений. Том 9 — М., ООО «Фирма СТД», 2006.
13. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности. Собрание сочинений. Том 5 — М., ООО «Фирма СТД», 2006.
14. Фрейд З. Я и Оно. Собрание сочинений. Том 3 — М., ООО «Фирма СТД», 2006.
15. Bell, D. Introduction: Psychoanalysis, a body pf knowledge of mind and human culture. In Bell, D. (ed.) (1999) Psychoanalysis and Culture. A Kleinian Perspective. London, Tavistock, p.1-26. (перевод Ю. Моталовой).

Формирование мужской идентичности

«Неужели мы и в самом деле движемся сегодня, при все-охватном проникновении информации, к такому обществу, где не существует не только отца..., но и скорби – перекрестка всякой интроекции, принятия идентичности и согласия с различиями».

КОЗИМО СКИНАЙЯ

Юрасова Елена Николаевна

- кандидат психологических наук,
- тренинговый аналитик ЕАРПП

Понятие «идентичность» является для меня одним из наиболее значимых теоретических понятий психоанализа, так как используя его, мне легче всего понимать, какие цели я ставлю, и что я делаю в своей практической работе. Оно характеризует область, в которой в индивиде встречаются индивидуальное и социальное и где, благодаря их взаимодействию, рождается неповторимость личности с ее достижениями и проблемами. Связность идентичности является для меня важным диагностическим критерием и одновременно ориентиром, задающим терапевтическую стратегию. Поэтому понимание механизмов ее формирования, и также факторов, влияющих на этот процесс, постоянно находится в фокусе моего внимания.

Гендерная идентичность является одной из базовых составляющих идентичности, а она, в свою очередь, тесно

Отцовская фигура связана с началом культурного развития человечества, так как любая культура начинается с того, что вводятся попытки властного регулирования двух основных человеческих влечений – либидо и влечения к смерти, и, благодаря сублимации, из биологического возникает культурное.

связано с выбором сексуального объекта, а значит и с выбором объекта вообще, что отсылает к процессам, рассматриваемым теорией объектных отношений. Через гендерную идентичность мне удастся связывать эдипальную и доэдипальную проблематику пациентов, что помогает выбирать технические приемы работы.

Мои размышления о формировании мужской идентичности привели к невольному воспоминанию детского стихотворения: «Крошка сын к отцу пришел и спросила кроха: «Что такое хорошо и что такое плохо?»». В. В. Маяковский, творивший на стыке исторических эпох, очень хорошо чувствовал, как в такое время необходимо напоминание о ценностях, на которых базируется культура и умение индивида жить в мире с собой и согласии с другими людьми. В этом детском стихотворении именно отец проводит разделение между хорошим и плохим, ставит границы для неприемлемого, знакомит сына с нормами и требованиями, которые общество будет предъявлять к мужскому поведению, тем самым закладывая основы понимания устройства мира, культуры и морали. Последовательность отцовских наставлений неслучайна – от природных явлений к человеческим личным качествам, и поскольку отношения отца и сына благополучные, сын с радостью принимает отцовский взгляд на мир и представления о «хорошем» и «плохом» для мужчин.

Начиная с работ Зигмунда Фрейда, посвященных социальным вопросам [8], отцовская фигура в психоанализе рассматривается как символ закона, порядка, правил и ограничений. Фрейд писал, что именно отцовская фигура связана с началом культурного развития человечества, так как любая культура начинается с того, что вводятся попытки властного регулирования двух основных человеческих влечений – либидо и влечения к смерти, и, благодаря сублимации, из биологического возникает культурное. Он подчеркивал, что наша биологическая часть продолжает существовать и влиять на культурное, социальное, и это столкновение определяет жизнь и индивида, и социума. Это соединение в человеке биологического и культурного, индивидуального и социального представлено понятием «идентичность».

Понятие идентичности было популяризовано Э. Эриксоном [9] в 40-50-е годы XX столетия. В его понимании идентичность – это «тождественность самому себе, чувство постоянства себя во времени», т.е. чувство собственной глубинной и неизменной сущности. Его более развернутое определение идентичности звучит как «устойчивый, личностно принимаемый образ самого себя во всем богатстве социальных связей личности» и включает в себя представление о своем теле и внешности, чертах характера, принадлежности к определенной социальной группе/страте и определенному этносу.

Кроме понятия идентичности в концепции Э. Эриксона есть не менее важное понятие «задачи возраста» [10]. Это бессознательный выбор индивида в пользу того или иного личного качества, приобретаемого индивидом под давлением требований общества, благодаря и этому давлению, и особенностям индивида, сделанный им выбор может способствовать или препятствовать его дальнейшей социальной адаптации.

В концепции Э.Эриксона, половая идентичность начинает формироваться в возрасте игр (4-8 лет), когда идет первоначальное причисление себя к определенному полу. На этом этапе речь идет о принятии внешней поведенческой стороны мужской и женской социальных ролей, и оно совершается благодаря оценке поведения ребенка родителями или воспитателями. Завершается формирование половой идентичности в подростково-юношеском возрасте, когда радиус значимости расширяется до референтных групп сверстников и «авторитетов» (т.е. тех, «кто знает и умеет»). Период сборки взрослой идентичности Э.Эриксон обозначает как кризисный, подчеркивая неизбежную сложность этого периода: все конфликты предыдущих стадий вновь встают перед индивидом и требуют повторного разрешения. Поэтому возраст юности – это возраст «ролевого моратория»: в это время социум позволяет и поощряет подростка экспериментировать с различными социальными ролями, включая профессиональные (частая смена интересов) и сексуальные.

Современный классик психоанализа О. Кернберг развивает понятие идентичности [1], предложенное Э. Эриксоном, и представляет его одним из трех важнейших критериев определения уровня личностной организации, т.к. идентичность представляет собой общий синтез функций Эго,

с одной стороны, и консолидированное чувство единства с групповыми идеалами и групповой идентичностью, с другой; в то время как синдром диффузии идентичности характеризует все тяжелые личностные расстройства или пограничную организацию личности.

Понятие гендера, или сексуальной идентичности, оформляется в науке в 60-е годы прошлого столетия. Вместе с термином «гендер» начинают широко использоваться термины «маскулинность» и «фемининность», как описывающие истинно мужские и типично женские качества, но содержание этих понятий – это научная аранжировка традиционных представлений о том, что мужчина «активен, агрессивен, логичен, ориентирован на действие», а женщина «пассивна, заботлива, эмоциональна, ориентирована на отношения». Поэтому вначале термин «гендерный» часто использовался как синоним термина «половой», но так как многочисленные исследования по поиску психофизиологических коррелятов фемининности и маскулинности давали противоречивые результаты, (в итоге эмпирически доказаны были только различия в уровне агрессивности и некоторое преобладание математических способностей у мужчин, но с ремаркой, что половые различия здесь практически полностью перекрываются индивидуальными), в дальнейшем термины «гендерная идентичность, феминность, маскулинность» стали рассматриваться как исключительно социальный конструкт,

Соединение в человеке
биологического и культурного,
индивидуального и социального
представлено понятием
«идентичность».

Идентичность представляет собой общий синтез функций Эго, с одной стороны, и консолидированное чувство единства с групповыми идеалами и групповой идентичностью, с другой.

становления мужской идентичности внес Р. Столлер [7], который ввел понятие базовой мужской идентичности – чувства «я – мужчина», присущего мужской особи практически с рождения. Он пишет о том, что чувство базовой половой идентичности, то есть того, что я принадлежу к этому полу, а не к другому, и у мальчиков, и у девочек, скорее всего, связано именно с телесным строением и ощущениями от собственного тела. Первым объектом идентификации и у мальчиков, и у девочек, является мать – существо женского пола. И если развитие женской идентичности в дальнейшем пойдет по пути сохранения первичной идентификации (с матерью) и смены объекта любви (на отца), то развитие мужской идентичности пойдет по пути сохранения женского объекта любви, но смены первичной идентификации с материнской на отцовскую, и это будет происходить именно с опорой на базовое чувство половой идентичности.

Изменение геополитического климата в мире, благодаря процессам глобализации в конце 20-го столетия, вывело на передний план понятие толерантности, т.е. терпимости к различиям. Сначала оно касалось этнокультурных различий, а также необходимости отказа от профессиональных ограничений для женщин, но очень скоро трансформировалось в идею, пропагандирующую как благо отсутствие любых социальных ограничений, мешающих индивидуальному стремлению к удовольствию, и отрицание значимости любых различий, в том числе половых и возрастных.

На рубеже столетий происходит также смена парадигм воспитания. «Парадигма воспитания», в соответствии с концепцией психогенеза Демоза, развитой И. Ю. Шлыкковой [6], — это тот или иной тип родительского поведения и отношения к ребенку, и он закономерно меняется в разных поколениях. Выросшие дети выстраивают свои воспитательные усилия в направлении, противоположном тому, которое использовали их родители, пытаясь оградить собственного ребенка от тех травм, которые пережили они сами. Современный вектор воспитательных воздействий – это «свобода и самоактуализация», поэтому, стараясь быть «хорошими

который относится к психологическому принятию пола. Но то, что содержание представлений о мужественности и женственности практически одинаково в различных культурах и у трех человеческих рас, скорее, говорит о том, что они построены на основе анатомо-физиологических различий и связаны с детородностью как действительно важной для продолжения жизни рода функцией индивидов.

Большой вклад в понимание процесса

Термины «гендерная идентичность, феминность, маскулинность» стали рассматриваться как исключительно социальный конструкт, который относится к психологическому принятию пола.

родителями», взрослые опасаются навязывать детям свои желания и отказываются что-либо им диктовать, предполагая, что дети сами лучше знают, что им нужно. Результатом становится целый набор незавершенных репрезентаций, которые обеспечивают своеобразную лоскутную структуру психики. «В итоге, – как пишет Шлыкова – формируется личность, отрицающая авторитеты и любую иерархию, имеющая коммуникативные проблемы, неспособная к последовательному встраиванию в традиционную корпоративную систему».

Описанные социальные изменения и научные изыскания, относящие гендер к социально-психологическим явлениям, привели к появлению идеи, что выбор гендерной идентичности – мужской, женской либо их микса, вариантов которого может быть бесконечное множество, – является личным делом индивида. Таким образом, несмотря на столетие существования психоанализа с его идеей бессознательного, мы снова оказываемся охвачены иллюзией, что «психологический процесс» означает произвольный процесс. Однако, формирование идентичности в эриксоновском понимании – это сложный процесс взаимосвязанных влияний: давления социума, с одной стороны, и способности индивида выдержать это давление и конструктивно с ним справиться, с другой.

Чувство базовой половой идентичности, то есть того,
что я принадлежу к этому полу, а не к другому, и у мальчиков,
и у девочек, скорее всего, связано именно с телесным строением
и ощущениями от собственного тела.

А так как этот процесс протекает бессознательно, с психоаналитической точки зрения утверждение о его «свободном выборе» – то же самое, что утверждение о том, что внутриличностный конфликт или уровень психологических защит может выбираться индивидом по своему желанию, и такое убеждение само по себе является проявлением архаичных защит отрицания, всемогущества и всемогущего контроля.

Результатом этих «подвижек» в общественном сознании (включая научное сообщество) является резкое увеличение нарциссической патологии, сексуальных отклонений и тяжелых видов зависимости, с которыми мы сталкиваемся в психотерапевтических кабинетах.

Опираясь на собственную практику терапевтической работы, а также на опыт работы коллег, я могу предположить, что выбор мужчин гетеросексуальной, гомосексуальной ориентации и транссексуалов, т.е. совершивших операцию по смене мужского пола на женский, можно представить как последовательность от полного принятия традиционной мужской идентичности – своего телесного строения и связанных с ней особенностей жизнедеятельности, включая выбор гетеросексуального объекта, – до полного ее отрицания. Формирование гендерной мужской идентичности в наибольшей степени обусловлено социальными факторами, такими как внутрисемейные отношения, наличие/отсутствие нарциссической травматизации в раннем возрасте и в отношениях с референтной группой сверстников и «авторитетов» в подростковом возрасте. Гомосексуальность

Выросшие дети выстраивают свои воспитательные усилия в направлении, противоположном тому, которое использовали их родители, пытаясь оградить собственного ребенка от тех травм, которые пережили они сами.

можно рассматривать как защитный механизм, направленный на сохранение связанной идентичности при крайне амбивалентном отношении к мужским и женским социальным и сексуальным ролям.

В эмпирических психологических исследованиях мужской сексуальности давно описан факт, что ее становление проходит этап условной гомосексуальной ориентации, включающий яростное отрицание ценности другого пола, а также интенсивные телесные контак-

ты с лицами своего пола (борьба, драки), иногда взаимную мастурбацию, петтинг. Эти действия выполняют исследовательскую функцию – получение первичного опыта использования сексуальности в контакте с другим человеком вместо аутоэротического ее переживания, как это было в эпоху инфантильной сексуальности. Об этом также писал Фрейд в «Трех очерках...» [7]. При этом мальчики, которые не решаются на такие действия из-за стыда или социальной изолированности, в дальнейшем имеют больше сексуальных проблем, чем те, у кого такой опыт был. Однако при нормальном развитии гомосексуальный опыт не закрепляется, оказывается транзиторным и сменяется гетеросексуальным выбором как социально одобряемым. На место гомоэротических отношений приходят дружеские или приятельские отношения с лицами своего пола и любовные с лицами противоположного пола. Развитие сексуальности идет по тому же пути, который характеризует любое развитие – по пути усложнения, дифференциации и структурирования. Начинают различаться компоненты страсти и нежности, а также дружба, приятельство, «чистый секс» и влюбленность. Поэтому в концепции Эриксона четкая сексуальная идентичность как адаптивное решение задачи возраста противопоставлена бисексуальности. Кернберг [2] подкрепляет этот вывод эмпирическими данными и пишет, что в клинической практике бисексуальность у мужчин всегда связана с тяжелой патологией характера и пограничной, либо нарциссической организацией личности. Он также, ссылаясь на работы Блоса, пишет о том, что окончательное становление гендерной идентичности происходит в подростково-юношеский период, когда происходит отделение подростка от интернализованных инфантильных объектов, что сопровождается мощными регрессивными потоками, активирующими потребность в зависимости, интенсивные конфликты вокруг гомо- и гетеросексуальных влечений, а также защиты от этих импульсов. В качестве необходимого условия для успешного завершения этого процесса требуется признание места индивида в мире со стороны значимых других. Таким образом, и автор понятия идентичности, Э. Эриксон, и О. Кернберг, как авторитетный современный теоретик, исследующий проблемы становления личности в парадигме психоанализа, подчеркивают сложность процесса формирования идентичности во всех ее аспектах, включая гендерный, и зависимость его исхода от оценки и принятия социумом, но это – процесс не произвольного выбора, а протекающий в соответствии

со сложными закономерностями психического развития. Поэтому достижение гетеросексуальности в подростково-юношеском возрасте можно рассматривать как достижение психологической и социальной зрелости.

Интересно отметить, что менее современные авторы в психиатрии термины «нарциссизм» и «гомосексуализм» используют как синонимы. Рассматривая проблему нарциссизма, и З. Фрейд, в эпоху становления психоанализа, и Х. Кохут [4], предложивший наиболее развернутую современную теорию нарциссического развития, говорили о том, что любовь к себе и наличие нарциссических потребностей является основой психического здоровья индивида. Нарциссизм как проблема и нарушенное развитие появляются тогда, когда здоровые нарциссические потребности не находят удовлетворения во взаимодействии индивида с ближайшим социальным окружением. У З. Фрейда это идея о развороте либидо на себя и появлении «вторичного нарциссизма», который и становится патологическим; у Х. Кохута – идея о недостаточной эмпатичности и способности к отзеркаливанию матери при взаимодействии с ребенком.

Проводя аналогию с нарциссизмом, можно сказать, что сохранение гомосексуальной ориентации можно рассматривать как «вторичный разворот» либидо на «мужественность», если не было эмпатичного отзеркаливания принадлежности к мужскому полу и проявлений «мужественности» ребенка со стороны родительской пары или подростка со стороны референтной группы.

Сравнивая гетеросексуальных, гомосексуальных мужчин и транссексуалов, обращающихся в терапию, при равных исходных показателях (уровень личностной организации, возраст и социальный статус) можно заметить существенные различия по предъявлению себя в терапии и по выраженности травматических факторов в личной истории.

Гетеросексуальные мужчины в качестве первоначального запроса чаще всего предъявляют сложности в работе, соматические проблемы и неудовлетворенность своей самореализацией; трудности в отношениях гораздо реже выдвигаются как причина обращения за терапевтической помощью.

Они чаще имеют полную родительскую семью, и, хотя их отношения с родителями и особенно с отцами также не являются близкими, но их отцы остаются успешными профессионалами и мужьями, и в глазах сына родительская пара в целом довольна друг другом.

Несмотря на столетие существования психоанализа с его идеей бессознательного, мы снова оказываемся охвачены иллюзией, что «психологический процесс» означает произвольный процесс. Однако, формирование идентичности в эриксоновском понимании – это сложный процесс взаимосвязанных влияний: давления социума, с одной стороны, и способности индивида выдержать это давление и конструктивно с ним справиться, с другой.

Формирование гендерной мужской идентичности в наибольшей степени обусловлено социальными факторами, такими как внутрисемейные отношения, наличие/отсутствие нарциссической травматизации в раннем возрасте и в отношениях с референтной группой сверстников и «авторитетов» в подростковом возрасте.

Наличие собственной семьи – жены и детей, служит для них подтверждением их социальной зрелости и потентности. Семья для них важна, как с точки зрения удовлетворения потребности в близких отношениях, так и с точки зрения повышения собственного социального престижа. Обычно в ходе терапии они с удивлением отмечают, что отношения в семье улучшились, хотя ранее не предполагали, что здесь есть проблемы.

В подростково-юношеский период они обычно имеют компанию друзей и/или друга мужского пола, которые разделяют их взгляды, и в общении с которыми они чувствуют себя понятыми и принятыми. Таким образом, они, по словам Э.Эриксона, имеют возможность идентифицироваться и состязаться с равными себе.

При этом гетеросексуальные мужчины дают гораздо более медленную динамику как в плане развития рефлексии собственных чувств, так и особенно в плане признания того факта, что их эмоции и чувства могут влиять на их физическое самочувствие. Даже если они говорят о том, что в момент обострения соматических симптомов, они пытаются проследить, какие эмоциональные события могли к этому привести, находят таковые, и симптоматика смягчается, принять идею, что эмоциональная сфера может влиять на жизнедеятельность мужчины, оказывается для них чрезвычайно трудно, т.к. это противоречит их представлению о «настоящем мужчине». Они комментируют это так: «Я не могу понять логически как это происходит» или, в лучшем случае: «Все это звучит логично, но ко мне не имеет никакого отношения».

Гомосексуалы гораздо легче соглашаются с идеей о важности для них эмоциональной сферы и быстрее устанавливают взаимосвязи между собственным самочувствием, настроением и тем, как складываются их отношения с ближайшим окружением.

Их обращение к терапии связано обычно со сложностями в отношениях, и, хотя они охотно признают собственную потребность в близости, реальное сближение с кем-то оказывается очень проблематичным, так как наполнено бесконечными сомнениями и страхом.

История жизни в родительской семье обычно крайне неблагоприятная. Отец либо вообще отсутствует, либо предстает в качестве угрожающей и презираемой фигуры одновременно: он агрессивен,

При нормальном развитии гомосексуальный опыт не закрепляется, оказывается транзиторным и сменяется гетеросексуальным выбором как социально одобряемым.

профессионально несостоятелен, имеет низкий социальный статус. При этом мать, независимо от наличия или отсутствия отца, играет главенствующую роль в семье, демонстрируя кастрирующее поведение как по отношению к отцу ребенка, так и по отношению к мужчинам вообще. Сын в такой семейной системе получает любовь матери вместе с требованием быть ни в чем не похожим на отца. Одновременно происходит инверсия детско-родительских ролей: мальчик чувствует необходимость заботиться о матери и защищать ее от отца, а сексуальные отношения между родителями видятся ему либо отсутствующими, либо воспринимаются как проявление агрессии со стороны отца. При такой семейной конфигурации у мальчика формируется амбивалентное отношение к обоим родителям и их социальным и сексуальным ролям.

Их отношение к дружеским связям также амбивалентное. В их историях жизни часто присутствуют неудачные попытки установления близких отношений с кем-то вне семьи, которые заканчиваются для них травматически. Это может быть неожиданный и непонятный для них разрыв отношений, сексуальный абьюз, смерть или угроза смерти близкого человека. Их дружеские связи и в подростковом возрасте, и в момент обращения в терапию, наполнены скрытой жесткой конкуренцией, где основным способом

В клинической практике
бисексуальность у мужчин всегда
связана с тяжелой патологией
характера и пограничной, либо
нарциссической организацией
личности

доказать свое превосходство является унижение другого. В процессе терапии их отношение к сексу и к дружеским связям изменяется – происходит отказ от промискуитета, характерного для гомосексуальности, исчезает потребность использовать секс как способ снятия напряжения или подтверждения собственной «крутости». Более выраженной становится потребность иметь отношения с близким человеком, но одновременно

становится осознаваемым страх сближения с кем-то, который блокирует попытки установления близости.

При всей профессиональной успешности могут возникать кризисы в работе и сомнения в собственном профессиональном выборе, т.к. пропадает желание зарабатывать «кучу денег» или делать карьеру, а возникает желание найти работу, которая нравится, что можно трактовать как смягчение защиты всемогущества. Фактически происходит возврат в подростковый возраст на этап поиска себя и поиска объекта.

Гомосексуальный выбор можно рассматривать как базирующийся на крайне амбивалентном отношении к мужской идентичности. С одной стороны, он является протестом против норм, правил и ограничений, т.е. против отцовской фигуры. В нем присутствует боязнь женщин и ненависть к ним как отрицание роли любящей матери. Он может также трактоваться как атака на творческую родительскую пару в связи с невозможностью гомосексуальной пары произвести на свет детей. Один из пациентов так описывает свои сексуальные отношения: «Меня возбуждает, что я делаю что-то постыдное и грязное, то, что запрещено и осуждается, но сам по себе секс не доставляет мне удовольствия. Удовольствие мне доставляет мысль о том, как классно я выгляжу со

стороны, когда занимаюсь сексом, а также то, что я могу доказать всем этим альфачам, что теперь я могу их отвергать, а не они меня».

С другой стороны, гомосексуальный выбор можно рассматривать как попытку сохранить положительную мужскую идентичность, являясь при этом полной противоположностью слабому отцу – его внешнему виду, социальному статусу и профессиональной успешности. Гомосексуальные мужчины обычно прилагают много усилий для того, чтобы хорошо выглядеть внешне (одежда, посещение фитнес-центров и салонов красоты), и быть «хорошим человеком» в глазах окружающих (часто в качестве сферы деятельности выбирают помогающие профессии: врачи, учителя, ивент-менеджеры, менеджеры по продажам, где получают любовь и признание своих клиентов, благодаря тому, что окружают их заботой и вниманием). Они также придают большое значение своему личностному и профессиональному развитию, что, кроме нарциссического удовольствия от собственной умелости, подразумевает и признание их социальной ценности. Таким образом, гомосексуальный выбор обеспечивает им сохранение положительного отношения к мужскому полу и своей принадлежности к нему – полностью принимается базовая мужская идентичность и частично гендерная (исключается гетеросексуальность).

Достижение гетеросексуальности
в подростково-юношеском
возрасте можно рассматривать
как достижение психологической
и социальной зрелости.

Продолжая сравнение в сторону транссексуалов, можно сказать, что они все свои жизненные трудности связывают со своим телесным строением, и решение о смене пола объясняют ненавистью к своему телу т.е. неприятие происходит на уровне базовой мужской идентичности. В истории детско-родительских от-

ношений за этим обычно стоит отсутствие любящей родительской пары, как по отношению к ребенку, так и по отношению родителей друг к другу (если отец вообще присутствует). Отношение матери к мужчинам пронизано ненавистью, которая интроецируется ребенком и ощущается в дальнейшем как собственная «плохость», избавиться от которой можно только вырезав ее из себя в буквальном смысле. И в этом их психодинамика, как и психодинамика раковых больных, метафорически может быть описана как: «Во мне есть что-то настолько плохое, что разрушает меня. Если это не вырезать, это меня убьет».

Они могут обращаться в терапию за решением какого-то частного вопроса – как поступить в той или иной ситуации, но содержанием сессий очень быстро становятся их отношения с близкими, которые их не удовлетворяют, и тягостное чувство недовольства собой, которое они объясняют тем, что не знают, как поступать «правильно» в межличностных взаимодействиях.

Показательным является описание своих отношений с родителями и сверстниками одним из пациентов: «Отец вообще не интересовался ни бытовой жизнью семьи, ни тем более моей. Отношения моей матери ко мне полностью зависело от того, как складывались в данный момент ее отношения с моим отцом. Если они были

Нарциссизм как проблема
и нарушенное развитие
появляются тогда, когда здоровые
нарциссические потребности
не находят удовлетворения
во взаимодействии индивида
с ближайшим социальным
окружением.

хорошими, она интересовалась мной и хвалила за то, что я делаю. А когда они ссорились, я сразу все делал не так». Поэтому отца он ненавидел, а мать жалел и любил, но в общении с ней как правило испытывал чувство беспомощности и безнадежности, так как не получалось ей угодить.

Отношения со сверстниками его также не устраивали. Он был бисексуалом, но сексуальные отношения не приносили удовлетворения: в отношениях с юно-

шами чувствовал, что ему некомфортно, так как у него «неправильное» тело, а по отношению к девушкам, по его словам, он вел себя как «последняя сволочь», хотя понимал это, потому что завидовал тому, что «им хорошо живется». У этого пациента сложилось бессознательное убеждение, что чувствовать себя хорошим человеком он может, только перестав быть мужчиной. После перехода близкие отношения, которые были сначала с мужчиной, а потом с женщиной, также не сложились. Первые закончились взаимной ненавистью, и вина за это была приписана мужчине. Во втором случае пациентка устала от союза, так как чувствовала себя все время виноватой за то, что «не соответствует ожиданиям» своей партнерши. Терапия была внезапно прервана после того, как пациентка проговорила, что от нее самой зависит, как сложится ее жизнь дальше, и вплотную подошла к признанию сожалений по поводу сделанных телесных изменений и того факта, что они не принесли облегчения психологическим страданиям. На факт, что операции по смене пола не ведут к разрешению психологических проблем, а скорее усугубляют их, указывают Куттер и Мюллер в «Психоанализе» [5]. О. Кернберг [3], описывая тяжелых нарциссов и психопатов, также пишет о том, что терапия для них редко бывает успешной, так как сохранение симптоматики оказывается более предпочтительным, чем осознание того, что они сами являются причиной не удовлетворяющей их жизни.

Подводя итог всему сказанному, я склоняюсь к мысли о том, что главенствующую роль в формировании гендерной идентичности играют социальные факторы. Хотя невозможно отрицать наличие биологических предпосылок в виде более высокого врожденного уровня агрессивности и импульсивности, влияющего на сложности в интеграции идентичности, в большинстве случаев решающим является эмоциональная покинутость в детстве, наличие хаоса внутри семейной структуры, в частности нарушение нормальных границ между поколениями и непредсказуемость родительского поведения, а также невозможность включиться в референтную группу сверстников в подростково-юношеский период.

Гомосексуальный выбор можно
рассматривать как базирующийся
на крайне амбивалентном
отношении к мужской
идентичности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. — М.: Независимая фирма «Класс», 2014.
2. Кернберг О. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. — М.: Класс, 2018.
3. Кернберг О. Неразделимая природа любви и агрессии: Теория и клиника. М.: Издательский проект группы партнеров Psy Event, 2022.
4. Кохут Х. Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. — М.: Когито-Центр, 2017.
5. Куттер П., Мюллер Т. Психоанализ: Введение в психологию бессознательных процессов. — М.: Когито-Центр, 2011.
6. Симонова А. В. Аниме и современные подростки — мода, болезнь, переходное пространство...или искусство? // «Пространство психоанализа и психотерапии», №4, 2023.
7. Тайсон Ф., Тайсон Р. Л. Психоаналитические теории развития. — М.: Когито-Центр, 2023.
8. Фрейд З. Малое собрание сочинений. — СПб: Азбука, 2015.
9. Эриксон Э. Детство и общество. — СПб: Питер, 2022.
10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М.: Прогресс, 1996.

Конец рода Юсуповых. Трансгенерационная травма

Казьмина Елена Алексеевна

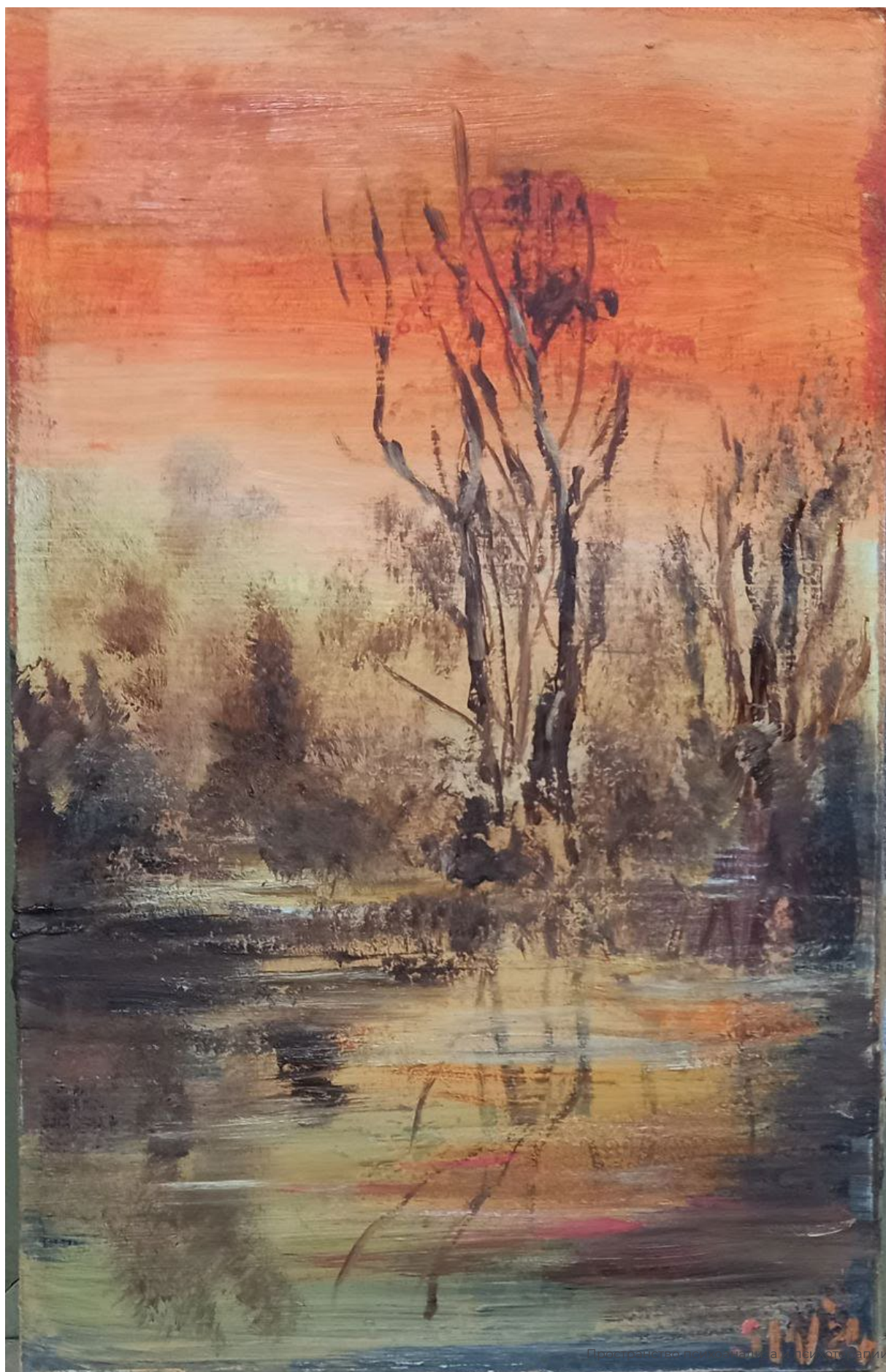
• член ЕАРПП

Существует множество определений трансгенерационной травмы. Давайте рассмотрим два.

Трансгенерационная травма — это некий эмоциональный комплекс плохо осознаваемых тревожных переживаний. Их источником являются прошлые события из жизни родителей и прародителей, которые проявляются здесь и сейчас у детей и внуков.

Трансгенерационная психологическая травма – та, что передается от тех, кто непосредственно пережил травматический инцидент, последующим поколениям.

Передача травмы между поколениями может начаться с травматического события, затрагивающего отдельного человека, несколько членов семьи или более крупное сообщество – культурные, расовые, этнические и другие группы населения (историческая травма). Трансгенерационная

передача травмы обычно является последствием крайне тяжелого, шокирующего для жертвы события, связанного с вопросом жизни и смерти. Именно из-за тяжести травмы ее невозможно проработать в рамках жизни отдельного человека. Поэтому она «передается» последующим поколениям.

Различают следующие механизмы и условия передачи травмы из поколения в поколение:

1. Опосредованное отождествление детей со страданиями их родителей.
2. Ответственность, которую берут на себя дети, чтобы компенсировать различными способами страдания своих родителей и принять на себя их травму.
3. Особые образцы воспитания и модели поведения, продемонстрированные выжившими в травме по отношению к своим детям.
4. Стил ь общения между родителями и их детьми относительно травмирующего родительского опыта.
5. Исключение из семейной системы.
6. Лояльность семейной системе.
7. Семейные мифы.
8. Родительские или родовые интроекты.
9. Родительские предписания и запреты.
10. Идентификация с предками.
11. Замалчивание травмы.
12. Искупление вины предков.
13. Чувство вины выжившего.
14. Гомеостаз семейной или родовой системы.

Наследнику русского аристократического рода Юсуповых Феликсу Феликсовичу довелось испытать на себе практически все эти механизмы.

Но, с моей точки зрения, он смог справиться с влиянием трансгенерационной травмы своего рода.

Краткая история семьи Юсуповых, трансгенерационная травма их рода, гипотеза о трансформации, которую переживал Феликс Юсупов, и счастливый семейный финал вернутся в этой статье. И дадут пищу для размышлений о новом начале этой старинной истории после глубокого проживания травмы и трансформаций всех участников событий.

Как же выборы последнего представителя рода Юсуповых повлияли на его путь и наследие? Юсуповы были дворянской семьей. Родословная их берет свое начало в истории ногайского правителя Юсуфа. Рассмотрим лишь несколько самых знаменитых предков Феликса, чтобы перейти к пониманию трансгенерационной травмы, передающейся из поколения в поколение.

Основатель рода Юсуф-мурза, сын Муса-мурзы, как следует из его переписки с Иваном Грозным, считал своим предком Едигея, ходившего походом на Москву в 1408 году. У него было два сына, Иль-мурза и Ибрагим (Абрей), которые отправились в 1565 году в Москву, а также дочь – казанская царица Сююмбике.

Одним из основных участников начала трансгенерационной травмы рода был Мурза Абдулла (в крещении князь Дмитрий Сеюшевич) – участник русско-польской войны

Именно из-за тяжести травмы ее невозможно проработать в рамках жизни отдельного человека. Поэтому она «передается» последующим поколениям.

(1654–1667) и русско-турецких войн 1676–1681 годов.

Николай Борисович-младший (1827–1891), фактически последний истинный носитель фамилии, был удачным политическим деятелем и страстным коллекционером. Он присовокупил к приобретенной его дедом жемчужине «Пелегрин» такую коллекцию бриллиантов, картин

и скульптур, какой мог бы позавидовать любой музей.

Его старшая дочь Зинаида Николаевна (1861–1939) в 1882 году вышла замуж за графа Феликса Феликсовича Сумарокова-Эльстона – участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг., дослужившегося в 1915 году до звания генерал-лейтенанта. В 1885 году высочайше утвержденным мнением Государственного совета ему после смерти тестя разрешено принять фамилию и титул того и именоваться князем Юсуповым, графом Сумароковым-Эльстоном с правом передачи фамилии старшему в роде. Поэтому фамилия Юсуповых просуществовала еще два поколения, передавшись, по сути, через женщину.

Феликс Феликсович (1887–1967) высочайшим указом 1914 года получил право именоваться полным титулом отца. Был женат на княжне Ирине Александровне.

История говорит о том, что в процессе смены религии с ислама на христианство семья подверглась внешнему проклятию. С психоаналитической точки зрения привычнее называть это семейным мифом, передававшимся из уст в уста в нескольких поколениях.

Суть этого семейного мифа (проклятья) в том, что из всех рожденных в одном поколении детей Юсуповых доживать до двадцати шести лет будет только один – и так продолжится вплоть до полного исчезновения рода с лица земли.

Семейный миф (проклятье) и трансгенерационную травму лучше рассматривать как различные понятия, ибо миф – это всего лишь история. А трансгенерационная травма – влияние этой истории на жизнь семьи, формирование психических структур каждого из участников и, фактически, «родового бессознательного».

Семейный миф, о котором все или говорят в семье, или, наоборот, утаивают, составляет обширное поле для формирования и передачи трансгенерационной травмы.

Из поколения в поколение накопленный опыт, его фактологическая часть в каком-то смысле становилась частью семейной истории. И на основании этих фактов мы можем утверждать, что это, безусловно, влияло на жизнь каждого из членов данной семьи.

Фактологически на протяжении как минимум 5–7 поколений в роду выживал только один представитель семьи. И последним представителем рода Юсуповых была мама Феликса Юсупова, Зинаида Николаевна Юсупова-Сумарокова-Эльстон. У нее был брат, умерший в младенчестве, и сестра Татьяна, скончавшаяся в девичестве от обычной простуды, не дожив до заветных 26 лет.

Семья Юсуповых всегда была приближена к царствующей династии: они вступали друг с другом в родственные отношения, и сам Феликс Феликсович Юсупов был женат на племяннице Николая II, последнего русского императора. Все мужчины семьи

служили государству, развивали собственные земли, производство, были патриотами и все свои достаточно большие накопления держали внутри страны.

Феликс Юсупов – один из организаторов убийства Григория Распутина.

Что же нам говорит о нем, как о человеке и мужчине, его психологический портрет?

Он был младше своего брата Николая на 5 лет. И вроде бы никто не читал ему на ночь страшные сказки про семейный миф, однако дети все равно становятся носителями этих знаний из-за слуг, друзей, знакомых, окружающей среды. К тому же, есть открытая история семьи с публичной и изучаемой родословной. Научившись читать, дети вольно или невольно знакомились с семейным мифом, даже если о нем старались никогда не упоминать.

Мать Феликса Юсупова была одной из красивейших женщин России. Даже ходила шутка, что в стране две красивые женщины: одна из них мама Феликса Юсупова, вторая – жена.

Но и Зинаида Николаевна подверглась гнету семейного мифа (проклятья). У нее было четверо родов – и только два выживших сына.

К младшему сыну, по воспоминаниям, она старалась относиться, во-первых, сдержанно. Во-вторых, она очень хотела девочку и одевала Феликса до пяти лет в девичьи костюмчики, что в принципе соответствовало духу времени, однако дает нам дополнительный штрих к описанию его характера.

Отец Феликс Сумароков-Эльстон, в честь которого мальчика и назвали, был военным. В каком-то смысле мы можем предположить, что Феликс Феликсович – нарциссическое расширение отца.

В таких обстоятельствах рос и вырос один из самых богатых наследников в Российской империи. Ограничений финансовых для него не существовало, с точки зрения поведения, он рос в атмосфере полного вольнодумства – разрешено ему было практически все.

И да, конечно же, он знал, что вместе с братом станет наследником одного из самых огромных состояний во всей стране.

Семья была близка к царскому двору, и Феликс был очень дружен с воспитанником Николая II. Не все знают, что у императора был приемный сын. И, видимо, ввиду отсутствия собственных сыновей до момента рождения царевича Алексея, Николай II свои, так сказать, отеческие (военизированные и маскулинные) методы воспитания применял к Дмитрию, который жил в очень строгих ограничениях.

В какой-то момент Феликс и Дмитрий становятся лучшими друзьями. Феликс никогда не подтверждал их сексуальную связь, но всегда подчеркивал близкую дружбу. Дмитрий, выросший в царской семье, в строгих рамках, поражался свободомыслию Феликса и его противоречивым, столь разнонаправленным проявлениям: разнузданному поведению, но при этом здравому и немного циничному взгляду на жизнь.

Семейный миф,
о котором все или говорят
в семье, или, наоборот, утаивают,
составляет обширное поле
для формирования и передачи
трансгенерационной травмы.

Есть три эпизода, которые могут дать нам более полное представление о характере Феликса Юсупова – и о том, как вседозволенность привела к травматике, а затем напряжению, позволившему пройти часть трансформаций в психической жизни.

В пятнадцатилетнем возрасте Феликса его 20-летний брат Николай уже был военным, и они совместно решали вопрос, как брать с собой Феликса на светские вечеринки. По нормам того времени младший брат был слишком юн для того, чтобы его пускали в рестораны. У Николая была подруга-актриса, и они решили Феликса загримировать также в юную нимфетку – в итоге юноша ходил с ними в очаровательном женском платье по ресторанам. У них была очень веселая компания. Так как ограничений у Феликса особо не было (вседозволенность, о которой упоминалось ранее), то он флиртовал с окружающими офицерами. Был эпизод, когда он приглянулся королю Швеции. В какой-то момент Феликс начал петь в ресторанах, потому что хотел «развиваться в актерском мастерстве». Пятнадцатилетняя «золотая молодежь» прошлого века, не особо признавала какие-либо ограничения. И, как он описывает этот случай в своей книге воспоминаний, на седьмом выступлении его узнали приятели отца и сообщили тому об увиденном. Отец Феликса на тот момент занимал пост генерал-губернатора Москвы. «И папенька так орал, так орал, обещал лишить наследства, но в итоге успокоился».

Однако тот же Феликс рассказывает, как он еще в достаточно юном возрасте понял, что заниматься военными делами не готов. А также не хотел бы вмешиваться в политику и быть чиновником, либо служить при дворе.

И единственное решение, которое он выбрал для себя как возможное в таких обстоятельствах и учитывая собственные склонности, – это обучиться бизнесу.

Трансгенерационная травма
внутри семьи передается
с помощью не только летописей,
но и умолчания, поведения,
чувств, эмоций.

Феликс решил учиться в одном из достойнейших университетов – Оксфорде. При этом надо уточнить, что наследник богатейшей семьи на тот момент не знал английского языка, что не помешало ему съездить в Англию, договориться о поступлении и начать учить язык. В этой ситуации он проявил цельность, настойчивость, целеустремленность, а также самоосознание, самоограничение и введение себя в жесткие рамки какой-то

определенной деятельности. Эти черты очень помогали ему в дальнейшей жизни. Его призывали «преклонить колено» и начать служить очень разные организации и личности, однако осознание нежелания быть «властителем» позволяло ему отказывать как императрице Александре Федоровне, так и временному правительству, и даже Гитлеру!

И третий случай, который иллюстрирует характер этого человека. Во время жизни в Лондоне Феликс съездил на сельскохозяйственную выставку, закупил там коров, коней, овец и отправил крупный скот отцу кораблем. Мелкую живность – кроликов, кур – он разместил в подвале отеля Hilton. В какой-то из вечеров юноше стало

скучно, и живность была выпущена побегать по отелю. Управляющий был в ужасе, гости – в суматохе, а Феликс – счастлив.

Поэтому что это был, с одной стороны, шалопай, а с другой – человек, который осознавал свою ответственность и ограничения. После окончания Феликсом учебы Александра Федоровна, жена Николая II, требовала, чтобы один из богатейших наследников России отдал себя придворной, либо военной службе. Но Феликс отстаивал принятое им решение о неготовности и нежелании этим заниматься. Он планировал служить России, занимаясь своими землями, фабриками и заводами. Его сопротивление очень сильно разгневало Александру Федоровну, и она твердила Николаю II, что Феликс – революционер.

В какой-то момент Феликс влюбляется в племянницу Николая. И, совсем как в водевиле, его друг Дмитрий (приемный сын императора) также влюбляется в эту девушку. Они оба делают ей предложение, но девушка отказывает Дмитрию и принимает предложение Феликса. Однако ее родители, узнав о похождениях богатейшего наследника в молодости, отказывают ему и от руки дочери, и от дома.

Здесь Феликс впервые попадает в жесткое осознание расплаты и понимает, что плата за его вольное и разнузданное поведение очень высока. Он выходит на бабушку Ирины, мать последнего государя, и уговаривает дать ему второй шанс. В итоге Феликс и Ирина женятся, и этот брак для него становится одной из самых больших ценностей.

Однако пора вернуться к семейному мифу, подтвержденному несколькими предыдущими поколениями рода Юсуповых, и с прискорбием узнать, что поколение Феликса не смогло с этим совладать – его старший брат Николай погибает на дуэли за две недели до своего 26-летия.

В воспоминаниях Феликс рассказывает о том, что, увидев мертвое тело брата и бьющуюся в истерике мать, он понял: прежняя жизнь закончилась. Также он осознал, что все огромное богатство досталось ему – и устыдился этих мыслей.

Он пытался уйти в религию, много занимался благотворительностью, продолжал исследовать себя, изучать бизнес и поддерживать богатство семьи.

По возвращению из Англии, будучи уже женатым человеком, он видит все, что происходит в России начала века. Видит, как Григорий Распутин чрезмерно приближен к царской семье. Узнает, что его матери, Зинаиде Николаевне, отказали от двора и от высшего света, потому что она попыталась сказать императрице, что Распутин слишком близок с царской семьей.

Отца, Феликса Сумарокова-Эльстона, смещают с должности генерал-губернатора Москвы за информирование государя как о большом количестве немецких шпионов, так и о невыполнении приказов, посчитав это запросом на полноту власти.

В свете всех этих событий Феликс посчитал, что ликвидация Григория Распутина – это его долг перед Родиной, перед семьей, перед собой, – и что через это он может спасти Россию.

Выход из наркотической
вселенной всевластия возможен,
но он связан с принятием
ограничений и осознанием своего
места в жизни.

Является ли клиент заложником истории своего рода, или у него достаточно сил, внутренней мотивации, чтобы пойти другим путем и выбраться из ловушки трансгенерационной травмы?

Попытки нанять людей, которые бы это сделали, не увенчались успехом, и тогда он решил сам осуществить ликвидацию. Эта часть истории многократно растиражирована. Феликс и его друзья, в том числе Дмитрий Романов, убили Распутина, собственными руками создав один из факторов, приведших Россию к революции, а всю семью Юсуповых – к эмиграции.

Феликс до конца жизни не был уверен, что убийство Распутина – это правильный поступок. Он был искренне верующим человеком. Несколько раз после убийства Распутина пытался разрешить свой внутренний конфликт у ясновидящих, гадалок, священников и ответить самому себе на вопрос – правильно он поступил или нет. Это неразрешенное противоречие мучило его до конца жизни.

В 1919 году Юсуповы смогли всей семьей эмигрировать через Крым. В эмиграции жили скромно, так как все активы остались в России.

После отречения от престола Николая II и затем его брата Константина в феврале 1917 года к Феликсу приходили представители временного правительства и элиты тех времен, приглашая его на престол, править. Величайшее искушение! Феликс вполне мог побороться за престол, ведь он был женат на Романовой. Он преодолел это искушение, отказался от короны и продолжил заботиться о выживании своей семьи и своих предприятий.

С похожими предложениями к нему приходила в 1930-е годы «верхушка» белой эмиграции в изгнании. И он опять же отвечал, что ему неинтересна власть. Вся его энергия уходила на сохранение здоровья семьи и возможности помогать русским эмигрантам.

И это еще не все «ходоки» в судьбе Феликса. Также к нему приходили представители Гитлера в 1940-е годы, во время вторжения в Россию, в попытке привлечь белых эмигрантов на свою сторону: обещая им возвращение всех земель и домов, которые у них были в дореволюционной России, после того как падет советская власть.

И Феликс также отказался, мотивируя тем, что ему неинтересна политика, а больше всего важно благополучие семьи.

С чем же в итоге он закончил свою жизнь? Он прошел через цепочку всех исторических событий (Гражданская война, Первая мировая война, Революция, Вторая мировая война), дожил до 80 лет и умер своей смертью – так же, как его жена и родители, что для того поколения и тех сословий было малореально.

С женой они изначально договорились о том, что родят только одного ребенка, потому что он не готов был вкладываться в семейный миф жизнями своих детей. И через самоограничение, по сути, смог «остановить» проклятье.

У него родилась дочь, затем родилась внучка, а у внучки, получается, родилась правнучка. И вот только правнучка, которая была уже давным-давно не Юсупова, родила двух дочерей.

Будем считать, что Феликс смог победить семейный миф, пожертвовав состоянием, положением, возможностью воспитывать нескольких детей... Но это было осознанное самоограничение и попытка самостоятельно справиться с трансгенерационной травмой и запустить самотрансформацию.

Трансгенерационная травма внутри семьи передается с помощью не только летописей, но и умолчания, поведения, чувств, эмоций.

Феликс, обладая неограниченными финансовыми, временными и социальными ресурсами, как будто нашел способность включать определенные режимы самоограничения, находясь в очень нарциссической среде.

И, наверное, это и есть точки перерождения характера Феликса – моменты, когда он осознавал, чем хочет заниматься в жизни, и стоял на этом, сопротивляясь сильным мира сего.

Его женитьба и те тяжелые моменты, которые ему пришлось пережить, стали расплатой за грехи бурной молодости.

И убийство Распутина, которое перевернуло всю его жизнь, тем не менее помогло эту жизнь сохранить и переосмыслить свою роль, роль семьи.

В эмиграции, по сути, он был постоянной поддерживающей силой всех русских эмигрантов, не беря на себя при этом власть. Это определенный способ проживания травмы, когда все твои решения – по поводу количества детей, роли в истории, отказ от очень соблазнительных моментов и даже прихода на царство – позволяют тебе двигаться вперед во внутреннем психическом развитии.

Помимо истории убийства Григория Распутина и поворота в ходе российской истории, наследием Феликса Юсупова можно считать Дом высокой моды и парфюма в центре Франции, который успешно функционирует до сих пор! Его Феликс Феликсович вместе со своей супругой Ириной, в девичестве Романовой, открыли для того, чтобы помогать российским эмигрантам революционной волны, дать им рабочие места и средства к существованию. Сейчас он существует как элитный дом моды, и в среднем платье бренда IRFE стоит около 7 тысяч евро.

Голливуд предлагал Феликсу Юсупову сыграть самого себя в одной из картин, и он также отказался, потому что у него на все был один ответ: «Для меня главное в жизни – это здоровье моей семьи, ее благополучие и следование собственным ценностям». Голливуд не отступил и снял фильм о том, что Феликс убил Распутина, потому что тот был любовником его супруги... И теперешняя надпись в голливудском фильме – «Все события в данном фильме вымышлены и совпадения случайны» – это результат выигрыша Феликсом суда у Голливуда. Они вместе с супругой за судили киностудию и получили компенсацию за попытку опорочить имя Ирины Юсуповой-Романовой. Это было уже в 40-х годах прошлого века.

Сама фамилия Юсуповых как таковая закончилась, но дала нам при этом

Тяжелые травмы, события
на уровне государств
и всего мира, с одной стороны,
травмируют, а с другой – дают
право выбора и заставляют
участников событий действовать.

Изучая родовые системы семейной истории своей и клиентской, выявляя трансгенерационные травмы или передачу трансгенерационного опыта, исследуя семейные мифы, – возможно увидеть путь трансформации клиентов.

очень большое пространство для психоаналитических исследований.

Тяжелые травмы, события на уровне государств и всего мира, с одной стороны, травмируют, а с другой – дают право выбора и заставляют участников событий действовать. Это переломные моменты не только в истории страны, но и в судьбах людей. История Феликса показывает, что выход из наркотической вселенной всевластия возможен, но он связан с принятием ограничений

и осознанием своего места в жизни. И когда мы работаем с пациентом, знание истории семьи может значительно продвигать анализ и трансформацию в нем.

Феликса можно анализировать с точки зрения его доэдипального периода, его нарциссизма, его трансформации, его самоограничений, которые позволили ему прожить ту жизнь, которую он хотел, в тех исторических реалиях, которые его окружали.

Моя гипотеза заключается в том, что Феликс Юсупов без помощи психоанализа, исходя лишь из внешних обстоятельств и внутренней работы, перешел из нарциссического мира, в котором он был всемогущим и безграничным, в мир эдипальный.

Да, весь мир был у его ног, однако путем отказа от этого всемогущества с помощью умения концентрироваться, противостоять искушениям, принимать ограничения он определил свое место в жизни и свои ценности.

Он постоянно вел внутреннюю и внешнюю работу, защищая свой выбор, свои ценности и свою честь. И переживание всех этих событий позволило выйти из параноидно-шизоидной позиции в депрессивную, осознать свою вину в убийстве человека и во всем том странном и страшном, что творилось с судьбой на фоне всех исторических перемен... История травматических событий XX века значительно повлияла на изменение хода судьбы данного конкретного человека.

Этот пример показывает, что, изучая родовые системы семейной истории своей и клиентской, выявляя трансгенерационные травмы или передачу трансгенерационного опыта, исследуя семейные мифы, – возможно увидеть путь трансформации клиентов.

Работая с клиентом, важно проследить тяжелые события, случавшиеся с его родом.

Иногда у клиентов возникает ощущение безнадежности, бессилия, бессмысленности: «Я ничего не могу изменить, мой род проклят. Так было там, в десяти поколениях, и со мной будет то же самое». Возникает вопрос о возможности изменения своей судьбы.

Является ли клиент заложником истории своего рода, или у него достаточно сил, внутренней мотивации, чтобы пойти другим путем и выбраться из ловушки трансгенерационной травмы?

На этот вопрос нет однозначного ответа: иногда это возможно, иногда нет. На примере Феликса мы можем увидеть, как человек переписал историю своего рода.

В терапии во время проработки трансгенерационной травмы мы можем применить следующие методы:

1. Выявление телесных симптомов. Исследование образов позволяет отыскать проблемы у членов семейной системы из предыдущих поколений и определить причины их появления.
2. Прояснение родовых тайн, семейных мифов, знание своей семейной истории.
3. Определение, как эта история проявляется в жизни. Почему, зачем и как клиент удерживает в себе чужие интроекты.
4. Детализация, чем расплачивается клиент за удержание родовых интроектов: какие ресурсы затрачивает, от чего отказывается, какие части своей личности подавляет и вытесняет.
5. Осознание проблемы, приведшей к перекладыванию груза травмы и ответственности на потомков.
6. Возможность нового жизненного выбора путем осознания собственной свободы и ответственности.
7. Разрешение вернуть утраченные ресурсы, отгоревывание и оплакивание потерь.
8. Признание места предков в семейной системе, ценности их существования для рода, выражение благодарности за свою жизнь, дарованное им через поколения.
9. Помощь в обретении автономности от предков и семейной системы: вернуть интроекты и предписания, отдать ответственность за их действия или бездействия, отделить свою психическую реальность от навязанной и/или унаследованной.
10. Проживание клиентом как одним из представителей рода своей трансгенерационной травмы может существенно трансформировать семейные мифы и менять коллективное бессознательное всех членов семьи.

Завершая историю рода Юсуповых, остановимся на гипотезе разрушения семейного мифа. Наследницы по женской линии носили и носят фамилии своих супругов – греческих, итальянских мужчин. Три поколения женщин сменились уже после Феликса: его дочь, внучка и правнучка. Феликс Юсупов мог выбрать путь власти и стать императором России. Он мог выбрать путь бездеятельности и не убивать Григория Распутина. Он мог выбрать путь сохранения остатков собственного богатства и не помогать многочисленным русским эмигрантам. Он мог выбрать путь участия в съемках голливудского фильма, где сыграл бы самого себя. Но он сделал выбор жить собственной жизнью в соответствии со своими ценностями. Феликс пережил внутреннюю трансформацию и выдерживал свои личные ограничения.

Такова эмоционально насыщенная история семьи Юсуповых и убийства Распутина, совершенного князем, не получившим за это воздаяния.

Да пребудет трансгенерационная проработка травмы с каждым из нас – как и умение следовать своей судьбе...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джонсон Р. А. Она: Глубинные аспекты женской психологии / Р. А. Джонсон. – М.: Когито-центр, 2008.
2. Калшед Д. Травма и душа. Духовно-психологический подход к человеческому развитию и его прерыванию / Д. Калшед. – Litres, 2018.
3. Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи / П. Радин. – СПб: Евразия, 1999.
4. Элиаде М. Испытание лабиринтом. Беседы с Клодом-Анри Роке / М. Элиаде // Иностранная литература. – 1999. – №4.
5. Фон Франц, М.-Л. Вечный юноша. Puer Aeternus / М.-Л. Фон Франц. – М.: Класс, 2009.
6. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / З. Фрейд. – Litres, 2018.
7. Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М.: Академический проект, 2014.
8. Юсупов Ф. Ф. Конец Распутина / Ф. Ф. Юсупов. – М.: Эксмо, 2007.

Слёзы Адама: научение на опыте переживаний

Яковлева Олеся Николаевна

- кандидат педагогических наук,
- психолог, психоаналитический психотерапевт,
- член ЕАРПП,
- куратор рубрики «Психоанализ культуры» журнала ЕАРПП «Пространство психоанализа и психотерапии»

Ветхозаветное повествование о сотворении, грехопадении и изгнании из Рая прародителей человечества Адама и Евы относится к так называемым антропологическим мифам¹. Этот тип мифов описывает происхождение, сотворение человека, первой человеческой пары или племенных первопредков. Первый человек в ряде таких мифов трактуется как первый смертный, так как уже существовавшие ранее боги или духи были бессмертны. Происхождение женщин может описываться иначе, чем мужчин (например, первая женщина может быть сотворена из другого материала и т.п.). Наиболее древние мифические сюжеты также рассказывают о происхождении смерти, о её

1 Антропологические мифы менее изучены в психоанализе, по сравнению, например, с мифологическими сюжетами о рождении и пути героя, подробно исследованными Вильгельмом Райхом, Джозефом Кэмпбеллом и др. Зигмундом Фрейдом проанализирована серия мифов об убийстве праотца, о происхождении тотемизма («Тотем и табу», 1913 г.) и религии («Будущее одной иллюзии», 1927 г., «Моисей и монотеистическая религия», 1939 г., и др.).

проникновение на землю в мир живых. Такие мифы также гласят о возрождении людей после смерти.

Согласно священным текстам авраамических религий (Ветхий завет, Тора, Коран), Адам — первый человек, мужчина, сотворённый Богом. Пребывая в Раю, он совершает проступок (преступает закон Отца). Нарушение божественной заповеди (употребление плода с Древа познания Добра и Зла) отдаляет первого человека от Божественной благодати. На Земле Адам проходит долгий путь раскаяния, преодоления, познания самого себя и осознания возможных последствий сделанного им самим выбора. Размышления приводят его в ужас. Он осознаёт всю ответственность за свой поступок перед человечеством, и всю свою долгую жизнь на земле со слезами вымаливает прощение у Бога. Восстановленная связь с Отцом, выполнение его Заветов, духовный подвиг приводят к спасению Адама, его сыновей и дочерей.

Обращение к религиозному типу мировоззрения, как одному из основополагающих столпов человеческой культуры, — способов познания себя и мира, в частности, к ведущему антропогоническому ветхозаветному мифу о прародителях человечества [3, с. 2–4], позволяет исследовать содержание таких ключевых понятий психоанализа как «закон Отца», «депрессивная позиция», «научение через опыт переживания» и ряд других.

Обращение к религиозному типу мировоззрения, как одному из основополагающих столпов человеческой культуры, позволяет исследовать содержание таких ключевых понятий психоанализа как «закон Отца», «депрессивная позиция», «научение через опыт переживания» и ряд других.

Вспомним более подробно содержание повествования об Адаме.

В монотеистических религиях (иудаизм, христианство, ислам) Адам — первый человек, сотворённый Богом по Образу и Подобию своему на шестой день творения. Также на шестой день творения была сотворена Ева, жена Адама.

В иврите «Адам» означает «человек», а слово «люди» — «дети Адама/ человека».

Бог сам непосредственно принимал участие в творении человека, тогда как растения и животные, также созданные на шестой день, были сотворены только при посредстве стихий земли и воды. Когда ангелы-служители впервые увидели первого человека, они впали в заблуждение, решив, что перед ними сам Творец. Дарование Образа и Подобия устанавливало глубокую внутреннюю связь между Богом и человеком. Согласно древним священным текстам, Адам имел полноту общения с Богом. На первом человеке, как на венце творения, почивала благодать Божья, он обладал праведностью и бессмертием, мог прозревать будущее, а также видеть истинную природу живых существ на земле, обладая мудростью (рис. 1–3). В этой связи задача Адама состояла в том, чтобы назвать каждое живое существо в соответствии с его природой, разделить

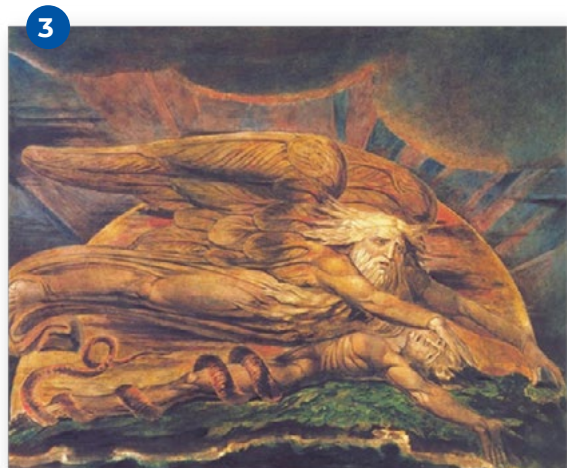
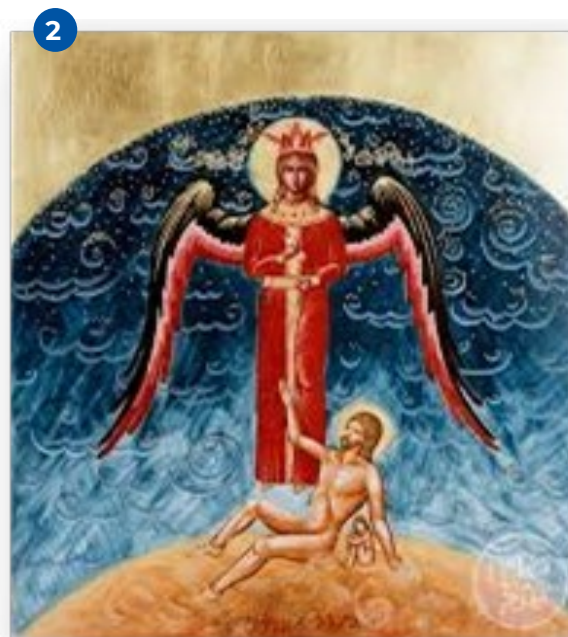

Рис. 1 Микеланджело Буонарроти «Сотворение Адама», 1511 г.

Рис. 2. Иконы «Сотворение Адама»

Рис. 3. У. Блейк «Элохим создаёт Адама», 1795 г.

Как закон любящего Отца,
через запрет, ограничение
и власть Бог являет для своего
неопытного сына любовь.

войти в мир сверхчувственный (духовный). Тогда в человеческом существе соединилась бы вся вселенная в союзе любви и святой воли, единой со своим Творцом [2, с. 15].

Бог задумал человека по Своему Образу и Подобию, но создаёт только по образу — бессмертным, свободным, самовластным, разумным, способным к творчеству, слову, анализу, браку и т.д. А вот Подобие Божие — это то, к чему Адам обязан был прийти в результате своего труда — духовного, душевного и телесного (рис. 4–6).

Поместив первого человека в саду Эдема, Творец дал ему не приказания, а заповеди, желая расположить его к тому, что заповедуется:

- 1) импульс к умножению жизни, чтобы человек порождает подобных себе богообразных существ;

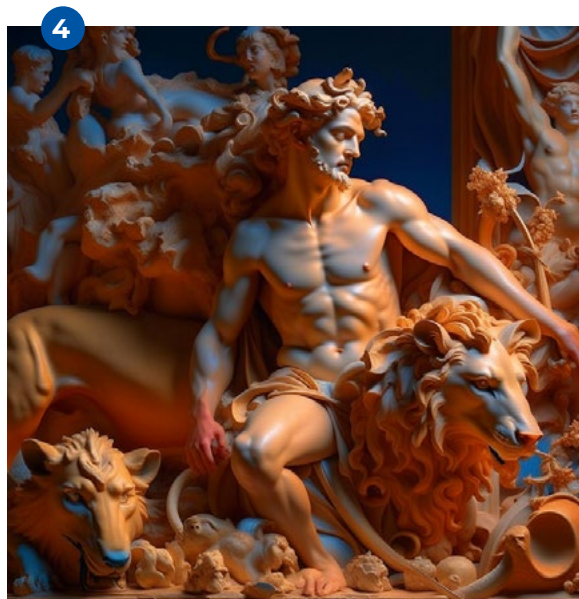

Рис. 4. Скульптура «Адам даёт имена животным»

Рис. 5. Миниатюра «Праведный Адам даёт имена животным»

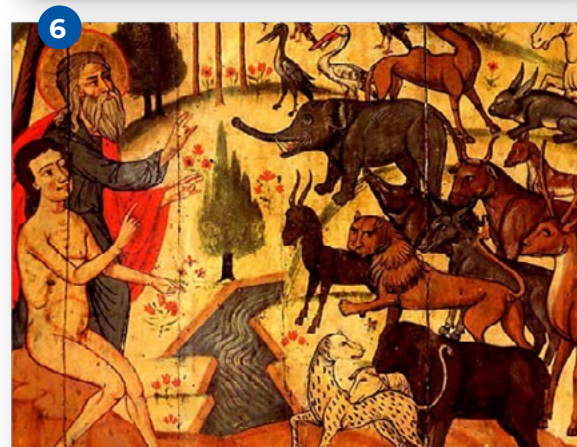

Рис. 6. Икона «Наречение имен»

животных и растения по видам. Имя, данное им на святом языке, точно соответствовало духовному корню каждого из живых существ.

Первый человек был призван воссоединить тварное вещественное бытие и духовное, соединить собою землю и небо, то есть весь чувственный мир,

Рис. 7. Фрагмент фрески «Адам и Ева в раю», XVII век

Рис. 8. «Адам и Ева», персидская миниатюра, XVI век

Рис. 9. У. Блейк «Сатана наблюдает за ласками Адамы и Евы». Иллюстрация к поэме Мильтона «Потерянный рай»

- 2) заповедь благодатного труда — возделывать «землю» своей человеческой природы (речь идёт обо всех творческих актах человека на земле);
- 3) заповедь познания. Бог велит человеку дать всему имена. «Дать имя» — значит познать суть и сущность того или иного существа, его эссенцию и экзистенцию;
- 4) заповедь нравственного самоограничения, или поста. Бог не разрешил Адаму вкушать плоды с двух деревьев в Эдеме — Древа Жизни и Древа познания Добра и Зла. Древо Жизни и Древо Познания Добра и Зла — это «алтарная преграда», сквозь которую в своё время, будучи подготовленным, человек мог бы пройти и войти в «Святая Святых» — соединиться с Богом.

Истинный смысл этих таинственных Древ — не яблоко (на латыни слова «зло» и «яблоко» звучат одинаково). Прежде чем съесть плоды этих деревьев, человек должен был духовно дорасти и подготовиться — плотью, духом и душой. Для неподготовленных эти знания преждевременны и смертоносны, так как ум первых людей был ещё слаб и неопытен, подвержен разным влечениям. Поэтому съесть плод этого дерева означало соединение со злом, — это онтологическая, или бытийная, смерть.

Господь предупредил Адама: «в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2: 17–19). Эта угроза подразумевала и такую смерть, при которой душа лишается Бога, а смерть, при которой тело лишается души.

Но так как Бог создал человека абсолютно свободным, у Адама был выбор — есть с Древа познания Добра и Зла или нет.

Заповеди, данные Адаму, состояли из благословения, запрещения и угрозы. Как закон любящего Отца, через запрет, ограничение и власть Бог являет для своего неопытного сына любовь (рис. 7–9).

Главным же следствием греха, совершенного первым человеком, было то, что была упущена возможность иного развития истории.

рое представляется, прежде всего ему, добром или злом. Теперь Адам мог по своей воле приносить зло и благо как себе, так и другим.

«В Талмуде сказано, что в момент греха Адам “стал еретиком” и “вероотступником”, поскольку “нарушил волю Творца”. Однако некоторые комментаторы говорят в его оправдание, что женщина дала ему плод в момент близости, когда он утратил контроль над собой, поэтому уступил ее настояниям» [1]. Осознав свое новое духовное состояние, Адам и его жена попытались укрыться, спрятаться от Всевышнего среди деревьев Сада.

«Адам, где ты?» — спрашивает Бог снова и снова, но Адам не отзывается (рис. 10–12).

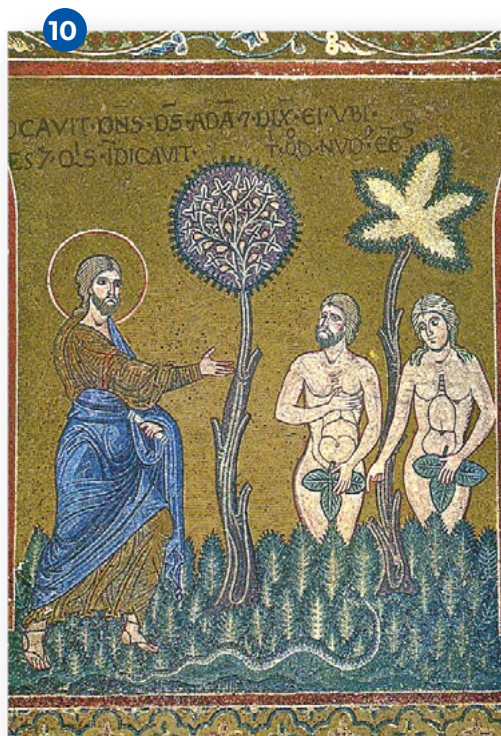

Рис. 10. Мозаика «Древо Познания Добра и Зла»

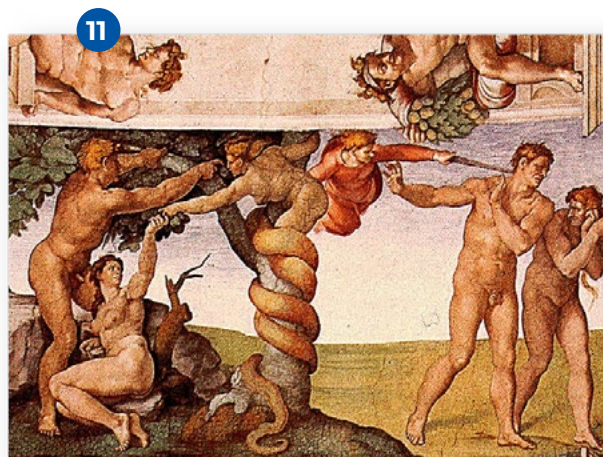

Рис. 11. Микеланджело Буонарроти «Грехопадение Адама и Евы», 1508–1512 гг.

Рис. 12. А. Дюрер «Адам и Ева», гравюра, 1504 г.

Рис. 13. Икона «Изгнание из рая»

Рис. 14.
Доменикино
«Адам и Ева»,
1625 г.

Рис. 15. Фреска Мазаччо в капелле Бранкаччи, 1426 г.

Бог–Отец увидел всё и подверг Адама суду. На суде Адам не только не раскаялся, но и назвал косвенным виновником своего греха самого Творца, сказав Ему, что во всём виновата «жена, которую Ты даровал мне» — то есть, дал мне её для помощи и для пользы, а «с Небес не исходит зло», поэтому «я не должен был проверять каждый ее шаг». Следовательно, согласно этой интерпретации, Адам совершил не намеренный, а невольный грех. Бог призвал человека к раскаянию и покаянию. Одного «прости, Отец!» было бы достаточно. Но вместо покаяния Адам обвиняет Бога во всех своих бедах. А, значит, теперь не только другой человек, но и Бог для него опасен. Ева кается в большей степени.

Дальше следует приговор. Всевышний объявил: теперь Адам будет зарабатывать свой хлеб «в скорби» и «в поте лица» — пока не «возвратится в прах», в землю, из которой и был создан [1].

Поскольку первый человек не раскаялся в совершенном грехе, потенциально он мог «протянуть руку и к Древу Жизни», плоды которого наделили бы его бессмертием, и тогда даже смертный приговор оказался бы неисполнимым.

Произошло не только разделение полов, но и разделение всего тварного мира, принявшего после грехопадения характер разлуки и смерти (рис. 13–15).

После греха Всевышний, согласно одной из версий, уменьшил рост Адама до 50 метров. По другой версии

В истории Адама мы можем наблюдать его трансформацию, прежде всего через опыт научения на собственных переживаниях (т.е. через работу горя, рефлексия, осмысление собственного эмоционального опыта — осознание вины и ответственности), благодаря чему и стало возможным существование и спасение его потомков.

была «уменьшена» его мудрость. Главным же следствием греха, совершенного первым человеком, было то, что была упущена возможность иного развития истории.

Первоначально Адам был достоин того, чтобы Тора (Ветхий завет) была передана человечеству через него. И если бы Адам устоял в испытании с Древом Познания, мир сразу бы достиг конечной точки развития: и он, и его потомки удостоились бы вечной жизни в саду Эдема [1].

Творец изгнал Адама из сада. При этом Всевышний заменил световую оболочку тела Адама и его жены покровом кожи, исчезло также сияние, окружающее лицо Адама, их объела тьма ночи. «Адам и Ева прежде смерти своей получили “одежды кожаные” (Быт. 3: 21) — эту нынешнюю нашу природу и закон рождения и смерти» [2, с. 18].

Всю ночь Адам и его жена плакали. А утром, когда вновь рассвело, Адам возблагодарил Творца и, сложив на горе Мория жертвенник, принес Ему быка в жертву. Начиная с этого дня, Адам постился в течение семи недель, умоляя Всевышнего принять его раскаяние. В дни покаяния Адам подобрал для себя погребальную пещеру у самого входа в сад Эдема.

В дальнейшем, на протяжении ста тридцати лет, он пребывал в постах и раскаянии, воздерживаясь от близости со своей женой. Адам надеялся искупить смертный приговор, вынесенный ему и его потомкам. Но исправить совершенное им было невозможно даже полным раскаянием, потому что его грех уже привел к необратимым изменениям в духовном состоянии Вселенной [1].

Он горько страдал и с великим стоном рыдал на всю пустыню. Душа его терзалась от мысли, что он оскорбил любимого Бога. Не так жалел он о рае и красоте его, как о том, что лишился прежней связи с Создателем [8]. Скорбь его была велика, как море, даже несмотря на то, что Бог простил его и дал обетование о грядущем Мессии. Тоску Адама по Небесному Отечеству Царь и псалмопевец Давид отразил в 136 псалме (Пс. 136). Прежде, чем Адам заплакал об убитом Аве-ле, он плакал о потерянном рае, и этот плач в определенном смысле — источник всего прочего плача потомков Адама. Он — начало плача вообще, имеющее в себе указание на причину всякой печали — греховное помрачение и, как следствие, потерю Отечества, любви и принятия Отца [7].

Отношение к Отцу изначально амбивалентно: порыв любви одновременно сосуществует с разрушительным импульсом ненависти.

Для того чтобы «минимум отца» приобрёл свою символическую природу во внутриспсихическом пространстве ребёнка, то есть факт существования отца был зафиксирован внутри, отец должен признать ребёнка своим, а себя его отцом.

Адам стал патриархом и старейшиной юного человечества. Его ум обладал совершенством, предельно возможным для человека, и он превосходил в познании и мудрости не только своих современников, но и всех будущих людей.

Когда Всевышний показывал Адаму все грядущие поколения, тот увидел, что прекрасной душе царя Давида вообще не отпущено жизни — этот младенец должен был умереть на третьем часу от рождения (а, как известно, грядущий мессия Христос происходил из рода Давида). Адам пришел в смятение и передал Давиду семьдесят лет от своей жизни: он написал дарственную расписку, а Творец поставил на ней печать. Поэтому Адам жил только 930 лет, а 70 оставшихся перешли Давиду [6], [2].

В последнюю неделю перед Великим Постом Церковь напоминает об изгнании праотцов Адама и Евы из рая. При этом в богослужении сделан особенный акцент на рефлексии Адама, на том отклике, который родился в его душе, вследствие потери Отца и дома Отчего [7] (рис.16–22).

А теперь поразмыслим о связи явлений и процессов в рассказанной истории с позиций более широких категорий «отец», «сын», «нарушение закона отца», «наказание», «покаяние», «прощение отца», «научение на опыте переживаний».

Итак, Адам символически «нападает» на Отца, преступая его Закон.

Отказаться повиноваться желанию отца — значит убить его в качестве всемогущей инстанции (Сверх-Я). Такая репрезентация (символическое убийство отца) никогда не проходит для человека даром, это всегда огромная потеря, так как функции

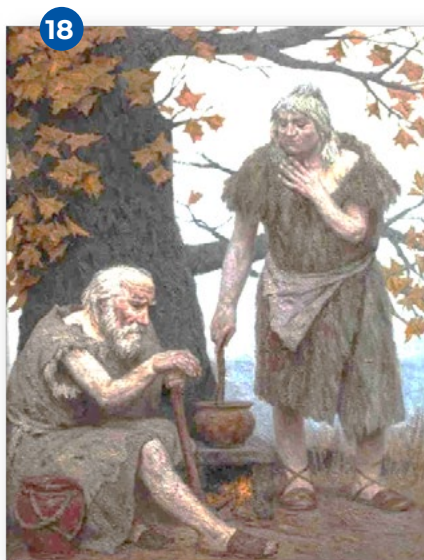
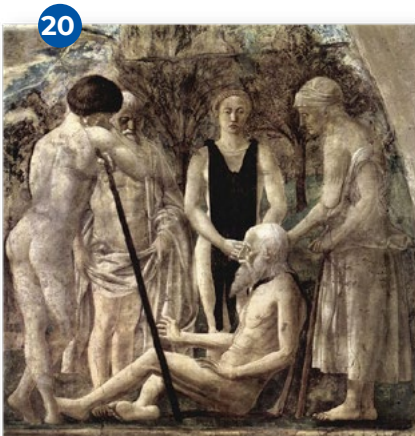

Рис. 16. Г. Коржев «Лишенные рая», 1998 г.

Рис. 17. П. Попов «Адам и Ева. Потерянный Рай», 2004 г.

Рис. 18. Г. Коржев «Осень прародителей (Адам и Ева)», 1995 г.

Отцовского признания ищут не для того, чтобы обрести счастье, пишет Винтер. Оно успокаивает, умиротворяет, придаёт опору, хоть и не заполняет пустоту. Это признание должно быть символическим.

отца (функции «убитого» отца) в психической структуре являются базовыми. В этой связи ситуация смерти отца, или мёртвого отца, является одной из центральных тем психоанализа. З. Фрейд в работе «Тотем и табу» [9] убедительно нам это показал: с точки зрения бессознательного отец как таковой действительно может исполнить свою функцию только в качестве «мертвого», к тому же мёртвого «уже целую вечность».

Почему первый человек, несмотря на свою сильную любовь и преданность Богу, склоняется в сторону нарушения его воли?

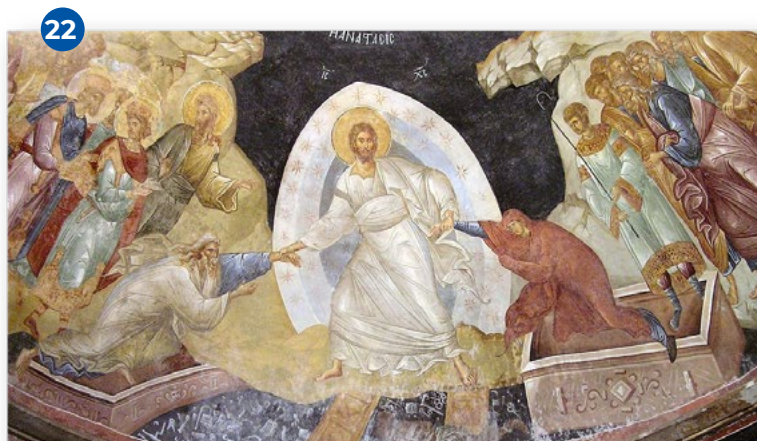
В истории Адама мы можем наблюдать его трансформацию, прежде всего через опыт научения на собственных переживаниях (т.е. через работу горя, рефлексия, осмысление собственного эмоционального опыта — осознание вины и ответственности), благодаря чему и стало возможным существование и спасение его потомков. А сам Адам стал праотцом, прародителем всего человечества, а также первым патриархом.

Отношение к Отцу изначально амбивалентно: порыв любви одновременно сосуществует с разрушительным импульсом ненависти. «Эта амбивалентность присутствует в психическом всегда, независимо от того, ведёт ли отец себя как тирана или как его противоположность» [4, с. 27].

Рис. 19. Икона «Царь и пророк Давид», первая треть XVII в.

Рис. 20. П. делла Франческа «Смерть Адама», фреска

Рис. 21. «Череп Адама, захороненный у подножия креста», фрагмент фрески Фра Беато Анджелико

Логос, или слово отца, переданное через мать, и является отражением той символической функции, которую выполняет отец для своего ребёнка.

Рис. 22. «Сшествие в ад»: Иисус Христос выводит Адама и Еву из ада за руку, фрески

Также известно, что Сверх-Я (инстанция, психически репрезентирующая закон) начинает развиваться, когда ребенок впервые сталкивается с собственной агрессией. Отсюда известное выражение «объект рождается в ненависти». Чтобы обрести первичный объект внутри в качестве психического объекта, его необходимо на какое-то время «потерять» в реальности.

Не для того ли Адам нарушает запрет Бога, проявляет агрессию и неподчинение его слову, чтобы обрести Отца (понимание того, кто есть отец) и его закон (понимание его роли) в своём внутреннем психическом пространстве?

Вольная интерпретация некоторых идей, предложенных психоанализом, идентифицирует отцовскую функцию с третьим лицом, которое вмешивается в эксклюзивную связь матери и ребёнка. Вместе с тем, очевидно, что абсолютно недостаточно быть просто «третьим лицом», чтобы быть отцом, в человеческом смысле этого слова [4, с. 39].

Ж.-П. Винтер предлагает прийти к пониманию содержания понятия «отец» посредством осмысления его ключевых задач в развитии ребёнка: исследователь разрабатывает понятие «минимальное содержание отцовской функции», и в определении «минимума отца» отталкивается от крайних ситуаций, когда ребёнок растёт без отца

Адам стал патриархом
и старейшиной юного
человечества. Его ум обладал
совершенством, предельно
возможным для человека,
и он превосходил в познании
и мудрости не только своих
современников, но и всех будущих
людей.

(понятие «форклюзия имени отца», введённое Ж. Лаканом). Например, в ситуациях, когда зачатие происходило от анонимного донора, или в случае отказа матери заполнять графу «отец» в свидетельстве о рождении ребёнка. Иная ситуация отсутствия отца возникает, когда ребёнок знает, что у него есть отец, он присутствует в качестве объекта в внутриспсихическом пространстве матери, но он не принимал участия в воспитании ребёнка.

Для того чтобы «минимум отца» приобрёл свою символическую природу во внутриспсихическом пространстве ребёнка, то есть факт существования отца был зафиксирован внутри, отец должен признать ребёнка своим, а себя его отцом. Для этого необходимо существование «слова» матери, которая «указывает» ребёнку, кто его отец. А также то, что она «передаёт» ребёнку волю отца по отношению к нему. Эта воля может быть негативной, например, воля быть не более чем отсутствующим отцом. Есть семьи, в которых все мужчины покидают семью, но это не отменяет того факта, что они тут были. Место отца в желании матери может быть местом дезертира или местом жестокого, грубого человека — отец не всегда бывает только хорошим отцом [4, с. 143].

Поэтому отцовского признания ищут не для того, чтобы обрести счастье, пишет Винтер. Оно успокаивает, умиротворяет, придаёт опору, хоть и не заполняет пустоту. Это признание должно быть символическим. Достаточно получить его один раз, чтобы оно продолжало существовать, какой бы ни была окружающая реальность [4, с. 37].

Евангелие от Иоанна начинается со слов «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1). Логос, или слово отца, переданное через мать, и является отражением той символической функции, которую выполняет отец для своего ребёнка.

Адам, потерявший свою особенную связь с Создателем после изгнания из Рая, первым делом ищет его прощения, все ресурсы его души уходят на репарацию нарушенных отношений. Но прощение отца не бывает автоматическим. Отец может совершенно серьёзно сказать: «Если ты сделаешь это, ты мне не сын», и поступить в соответствии с тем, что сказал. Разгневаться, отвернуться и уйти. Эти образы отца всегда присутствуют в бессознательном ребёнка, а если это пробивается в сознание, тогда он чувствует себя покинутым [4, с. 141].

С точки зрения бессознательного отец как таковой действительно
может исполнить свою функцию только в качестве «мертвого», к тому же
мёртвого «уже целую вечность».

«Прощение отца облегчает чувство вины, связанное с амбивалентностью. Когда мой отец отворачивается от меня, для бессознательного это означает, что я преступил закон, я нарушил его» [там же].

Ещё одна функция, или роль, отца — защита. Защита осуществляется, прежде всего, через основополагающий закон

для существования человеческого общества — запрет на инцест. Так как отец (носитель логоса) способен «дать наименование» тому, что он не одобряет [4, с. 59].

В истории Адама плоды Древа познания Добра и Зла не должны срываться и быть съеденными. Вкусивший этот плод преждевременно, будучи не готовым, беззащитным перед соблазном, не умеющим твёрдо определить что есть добро и зло по отношению к Другому, не перенявший ещё отцовскую мудрость в отношении к миру, будет наказан, такое не прощается, это табу. Нарушение табу всегда мстит за себя. Ребёнок может опереться на чувства отца по отношению к телу Другого (через запрет), и это послужит спасательным кругом, поможет избежать возможного психического расстройства и найти своё место в обществе. То есть стать субъектом. Сказать при этом, что он найдёт «свою идентичность», было бы слишком сильно. В психоанализе нет идентичностей, есть только идентификации. Идентификация с отцом остаётся первичной. Сознательная или бессознательная, она будет вести его по жизни [4, с. 73 – 74].

Адам был создан по Образу Божьему, но к Подобию Божьему ему лишь суждено было прийти.

Таким образом, роль отца в том, что он устанавливает в социуме свой закон, от него же исходит и «внутренний» закон — Сверх-Я человека. При этом отец — это не учитель и не лидер. «Урок» отца передаётся и преподаётся другими путями, он не ограничивается его личным восприятием мира [4, с. 74–75].

Связь «отец–сын» — это не только личные отношения, эта связь «располагается» в той или иной культуре. Сыновья воспринимают на свой манер что-то от отца и что-то от его культуры, свойственной той или иной общности, манеру «практиковать» основные законы человечества, поэтому каждый отец — носитель универсума, к которому сын не может оставаться безразличным. Эти замечания идут в русле того, что отмечал Фрейд: воля отца довлеет над всеми; так было и так будет всегда — «всю вечность», и смерть отца в этом ничего не меняет [4, с. 71].

Каждый отец — носитель универсума, к которому сын не может оставаться безразличным.

Роль отца в том, что он устанавливает в социуме свой закон, от него же исходит и «внутренний» закон — Сверх-Я человека.

Только потомки Адама получают благословение передать содержание Ветхого завета человечеству. Но осуществляется это благодаря Адаму, сумевшему выдержать свой путь. Благодаря ему возникает вертикаль рода, связь с будущими потомками. Отец — это никогда только один отец. Отец — это вся последовательность

отцов, которые «отложились», как геологическая порода, в ходе истории. Иными словами, мужчина — будущий или настоящий отец, несёт символический груз в языке, в своей манере быть, манере мыслить, в моментах молчания и в своём имени — ту загадочную часть, которая войдёт в сочетание с тем, что привнесёт мать. Отец, по словам Густава Метерлинка, — это одновременно «временный уполномоченный прошлого» и «преходящий орган будущей множественности» [4, с. 125].

Монотеистические (в частности, авраамические) религии выработали свод моральных и этических принципов. Эти принципы могут включать заповеди, запреты и наставления, направленные на соблюдение праведности, справедливости и сострадания к ближнему. Влияние монотеизма на формирование моральных ценностей часто проявляется в общественных нормах и законах. Также монотеистические религии оказы-

вали значительное влияние на политические системы и организацию общества. В истории многих стран монотеистические ценности и нормы становились основой законодательства и правления.

Праотец, описанный в «Тотеме и табу», держал всех в подчинении, то есть навязывал всем свой закон, исходя исключительно из своего желания наслаждения. Не подчиниться отцовскому закону для рядовых мужчин племени означало

Отец — это вся
последовательность отцов,
которые «отложились»,
как геологическая порода, в ходе
истории.

смерть. Когда братья сговариваются избавиться от него, они придумывают новый закон, отличающийся от прежнего, ибо он даёт каждому одновременно с другими право на жизнь и право на наслаждение, но при определённых условиях. Эта трансформация общества произошла благодаря созданию правил, которые не навязываются кем-то сверху, а исходят из соглашения людей, договаривающихся ограничивать себя. Такой договор формулируется средствами языка. Язык — это система символов, репрезентантов. В таком обществе реальное (действие) замещается символическими репрезентантами. Поскольку Отца, насаждавшего свой закон, больше нет, закон «поднялся» этажом выше — на уровень символов. Закон стал символическим. Общий закон — это закон языка. Теперь Отец выполняет свою «функцию» в психическом в качестве «мёртвого отца», остаётся «воля Отца» [4, с. 84–85].

Но какими путями эта «воля» передаётся другим? Термин Сверх-Я, которым Фрейд называет репрезентанта «воли отца» в психическом пространстве, более или менее приравнивается к общественным предписаниям. Эти предписания, созданные для сохранения интересов общества, «назначают» индивидам определённые роли и функции, другими словами, права и обязанности, которые ограничивают их наслаждение. Фрейд говорит в этой связи о некоем «голосе» Сверх-Я, который никогда не молчит, но который можно захотеть не слышать. «Голос отца» — не только закон, но в то же время и его желание [4, с. 116]. В истории об Адаме это желание выражается через заповедь.

Звон колоколов и иных ритуальных музыкальных инструментов, горловое пение шамана, пронзительный голос муэдзина, который поёт с вершины минарета — символы

голоса, далёкого и пронизывающего, в нём нужно слышать зов, доносящий из глубокого прошлого некое присутствие. Трудно сказать с определённой точностью, что хочет сказать этот голос, но он возвращается с регулярными интервалами. Присутствие этого голоса без слов может быть также воплощением воли Отца, никогда и нигде не выраженной, но всегда присутствующей. Если и существует один закон, действительный для всего человечества, общество должно позаботиться о том, чтобы он передавался из поколения в поколение [4, с. 113–115], (рис. 23).

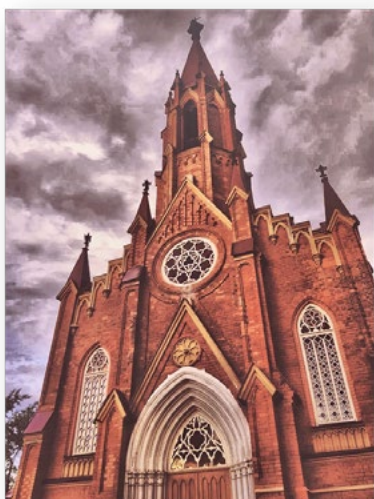

Рис. 23. Голос Отца

В психоанализе нет идентичностей, есть только идентификации. Идентификация с отцом остаётся первичной. Сознательная или бессознательная, она будет вести его по жизни.

То же самое выражает понятие Сверх-Я. Согласны мы с ним или нет, мы должны ему следовать.

Церкви, минареты и синагоги не относятся к обычным зданиям. Они необходимы городу не из соображений обычной пользы, через них даётся ощущение прекрасного, торжественного, возвышенного. Звон церковных колоколов продолжает доходить до нас и сегодня в самые важные моменты. Официальные здания тоже отчасти обладают этим качеством. Напоминание о присутствии Отца и его Закона может вызывать неудовольствие, но это не мешает им существовать. Для глаз существуют священные тексты — записанный след затерявшегося голоса. В процессе чтения возникает вопрос: что означает для нас это слово? Они могут шокировать, потому что они запрещают и приказывают, не объясняя почему.

«Голос отца» — не только закон, но в то же время и его желание. В истории об Адаме это желание выражается через заповедь.

Их понятия происходят из других эпох, поэтому нуждаются в интерпретации снова и снова. Каждая эпоха неизбежно комментирует их по-новому, потому что каждый раз людям нужно находить в них смысл, направление [там же].

Подводя итог, отметим, что ветхозаветная история о сотворении первых людей Адама и Евы, об их грехопадении

и изгнании из рая, является, в том числе, одной из ключевых в понимании специфики развития мышления современного человека (включая возможные причины и механизмы генезиса психических расстройств). Она западает в самые глубокие уголки нашей души, которая постоянно поддерживает связь с Отцом (всегда с большой буквы) через соблюдение его закона.

Так же не следует забывать, что Адам и Ева — истинные герои (как минимум в контексте мифа). Герой, согласно Д. Кэмпбеллу, — это «мужчина или женщина, которым удалось преодолеть свои личные и конкретные исторические ограничения и прийти к универсальным, присущим всему человечеству формам» [5, с. 20]. Такие формы, идеи и творческие импульсы человека порождаются в нетронutom чистом виде самой сутью человеческой жизни и мышления. В этой связи у человека не может быть иных способов истинного познания как научения на опыте собственных переживаний.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адам [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL:<https://toldot.com/history/AdamEva.html> (дата обращения: 15.05.2024).
2. Архимандрит Наум (Байбородин). Адам ветхий и Адам Новый / Н. Байбородин. — М.: Сибирская Благовонница, 2019. — 45 с.
3. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета канонические. — М.: Российское библийское общество, 1998. — 292 с.
4. Винтер, Ж. — П. Будущее отца: Как изменится его место в семье и обществе? / Ж. Винтер — М.: Когито — Центр, 2021. — 179 с.
5. Кэмпбелл, Д. Тысячеликий герой / Д. Кэмпбелл. — СПб.: «Питер», 2008 — 308 с.
6. Александр Кац. От Адама до Авраама [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL:https://toldot.com/rabbanim/rabbanim_19543.html (дата обращения: 15.05.2024).
7. Димитрий Выдумкин. О чем плачут потомки Адама? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL:<https://pravoslavie.ru/128690.html> (дата обращения: 15.05.2024).
8. Преподобный Силуан Афонский: Плачет душа моя за весь мир [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL:<https://www.kadashi.ru/stikhiya/item/1052—prepodobnyj—siluan—afonskij—plachet—dusha—moya—za—ves—mir.html> (дата обращения: 15.09.2024).
9. Фрейд, З. Хрестоматия: в 3 т. Том 2: Вопросы общества и происхождение религии / З. Фрейд. — М.: Когито-Центр, 2016. — 446 с.

Индивидуальное и окружающая его среда

Козимо Скинайя

- психиатр, психоаналитик
- член Итальянского Психоаналитического Общества, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Человек – это существо, не имеющее полноты и завершенности, обретающее полноту с помощью культуры. Продолжительный опыт бессилия с самого рождения приводит человека к его ограничениям и зависимости от окружающей среды. Таким образом, личность – это не автоматический результат генетической комбинации, а результат развития, т.е. взаимодействия с тем окружением, в котором эта личность рождается и вырастает. Из этого следует, что психопатология личности меняется так же, как меняется сам человек, в зависимости от социокультурной среды, в которой он формируется.

Возьмем метафору из биологии: тесная связь между фенотипом и генотипом, которая служит компасом в нашем умении жить хорошо. По мнению Дональда Винникотта невозможно вообразить ребенка, не связанного со средой. Он пишет:

там, где есть ребенок, есть и материнская забота, а без нее не было бы ребенка. Затем Винникотт расширяет понятие окружающей среды и ее воздействия на развитие человека. Он пишет о том, что врожденные процессы взросления личности потенциальны для осуществления и нуждаются в благоприятствующей среде определенного типа и степени. Существуют значительные различия в потенциальной среде в зависимости от места и времени.

В 60-е годы, когда над человечеством нависла угроза атомной войны и ужас перед уничтожением планеты, Гарольд Сирлз подчеркнул ценность окружающей среды и развил предположение Винникотта относительно слияния ребенка и матери и взаимодействия человека и окружающей среды, уделяя особое внимание тому, насколько вещи этого мира влияют на психику. Растительный мир, животные, архитектурные

постройки, устройство дома внутри и за его пределами, предметы интерьера, обстановка – все это играет такую же значительную роль для формирования психики, что и отношения, социальная среда, и прежде всего, в детстве.

Сирлз считает, что внутри человека на сознательном и бессознательном уровне существует чувство связи со средой нечеловеческой, и описывает глубочайшее эмоциональное взаимодействие между процессами человеческими и процессами, происходящими в окружающей среде. И это чувство связи должно признаваться и поддерживаться человеком ради собственного психологического благополучия для того, чтобы ему легче было переносить свое экзистенциальное одиночество во вселенной.

Эту тему поднимали Жанин Пуже и Леонардо Вейнто, когда речь шла о наложенных друг на друга мирах: мире пациента и мире аналитика, каждый из которых пронизан социальными противоречиями, идеологиями. Поэтому невозможна отсылка к чистой динамике трансфера и контртрансфера, свободной от привязок, ссылок на культуру каждого из них, часто одних и тех же.

Кристофер Боллас приписывает объектам жизнеспособность, благодаря которой они становятся элементами трансформации, и подчеркивает, что зрелой становится

Личность – это не автоматический результат генетической комбинации, а результат развития, т.е. взаимодействия с тем окружением, в котором эта личность рождается и вырастает. Психопатология личности меняется так же, как меняется сам человек, в зависимости от социокультурной среды, в которой он формируется.

та личность, которая умеет опереться на предметы, вкладывая в них личное значение, используя их огромный потенциал, возможность обогащать бессознательную сохранность памяти, позволяющей нести в себе части себя и части другого. Так работает осмотический обмен между внутренним и внешним, между сознательным и бессознательным, между ментальной организацией и организацией общества, между природой и культурой. Переходы, перемещения туда-сюда внутреннего и наружного, пространства мысли и внешнего пространства, постоянное изменчивое формирование отношений между этими двумя территориями с помощью происходящих в них изменений, перестроек, превращаются в весьма деликатный процесс в этом двойственном интрапсихическом и межличностном регистре.

Мы окружены средой, мы дышим средой, зависим от среды, но в то же время мы держим ее в себе, в наших мыслях, мечтах, конфликтах, наших тревогах и страхах. Из постоянного обмена в этих взаимодействиях мы выстраиваем нашу способность представлять себе свою жизнь. Психоаналитик неизменно страдает психоаналитическим косоглазием, при построении психоаналитической идентичности ему нельзя никогда упускать из виду как центральный фокус своего наблюдения – внутренний мир

Короткое замыкание между реальным и символическим становится отличительной чертой многих психических функций, которые можно обобщенно определить как относящиеся к постмодерну.

дачи человек узнает на собственном опыте, что его субъективность способна быть познанной, способна быть прожитой только при условии, что он исключает другого, воспринимая его как человека, который вторгается в его пространство, так же как связь может быть прожита исключительно через пассивную капитуляцию, пассивную сдачу себя объекту.

Работы Сирлза о смысле связанности человеческого с нечеловеческим открыли путь рефлексии, которая вызвала новый интерес в 2000-х годах, когда такие темы как загрязнение и потепление климата становятся тревожно актуальными и формируется ощущение патологических защит, как на индивидуальном, так и на групповом уровне, которые не позволяют полностью и зрело осознать серьезность ситуации. Это сделало необходимой ревизию и реформу эпистемологии психоанализа, превращая нечеловеческую среду, понимаемую как сложное и интегрированное целое живых существ решающим фактором, определяющим фактором в психическом развитии индивидуумов. На планете Земля человек нуждается в окружающей среде, которая нуждается в человеке, который должен быть открыт взаимообмену с другими элементами культурной и биологической экосистемы.

Необходимо признавать общие потребности, которые объединяют нас с другими видами и формами жизни: растениями, животными, минералами, с которыми мы делим на основе эмпатии и равновесия ресурсы нашей планеты, избегая антропоцентрического колониализма и делая так, что каждый участник этой цепочки создает условия для общей жизни на планете. Поиск точек соприкосновения и возможностей для влияния друг на друга необходим для создания почвы для роста и обогащения различных языков. Он подразумевает другое структурирование языка и опыта. Совместное мышление требует создание формы бессознательной мысли, которая, удерживая вместе мышление и чувствование двух людей, позволяет им думать и чувствовать так, как ни один из них не мог думать и чувствовать в одиночку. Если распространить эти наши размышления на встречу между различными областями знания, мы можем сказать, что диалог между научными и культурными языками может состояться, если они сделаются

и его внешние проявления, так и значимые коммуникации, связи с внешним миром. В состоянии идеального равновесия ему следует думать о человеке, способном проверять на себе, способном испытывать полную человеческую субъективность и, в то же время, полную расположенность по отношению к другому, и быть способным жить в одиночестве так же, как внутри каких-либо связей.

А в состоянии провала, в состоянии неу-

Сегодня реальность все более виртуальна и является сценарием возможной мутации эго.

гостеприимными и смогут вместить размышления и ощущения других, чтобы иметь возможность видеть, сновидеть их, думать о них и перепридумывать их и, таким образом, сделать возможным структурирование различных других и оригинальных форм языка и опыта, которые не представляют собой сумму языков и опыта исходных, но образуют свою конфигурацию и свою собственную самостоятельную и неповторимую жизнь.

Бывало, что у нас, психоаналитиков, возникал соблазн сослаться на некий внутренний, мифический и мифологизированный мир, в котором мы разбирались и который мы могли толковать, мир, принадлежащий человеку, оторванному от ландшафта, которому он придал форму защиты от жизненных событий и непредвиденных обстоятельств реальной истории, от зыбкости ее границ. Все больше обретает черты тот психоанализ, который, несмотря на теоретический корпус, внушителен, сложился на уровне нескольких слоев во времени, способен обогащаться теоретически и клинически посредством контакта с другими культурами и становиться живым и эволюционирующим организмом, способным, таким образом понимать и представлять себе, какое человечество формируется или, лучше сказать, какое человечество мы строим. Меняются и психоаналитики, и пациенты, и психопатологии, меняются и то, как мы к ним относимся.

Истерия времен Фрейда, основанная на вытеснении желания, уступила место расстройствам характера, затем все более и более тяжелым пограничными формам, нарциссическим расстройствам, перверсиям, откровенным психозам. Все эти конфигурации, которые, хоть и по-разному, предполагают непосредственный контакт и присвоение объектов удовлетворения.

В современной клинической практике нам все время приходится иметь дело с пациентами, у которых преобладают защиты отрицания и расщепления, а также схемы интернализованных объектных отношений, характеризующиеся фрагментарными или слившимися репрезентациями Я или объекта, что выражается в нарциссических и пограничных патологиях. Можно вспомнить здесь расстройства пищевого поведения, наркотическую, токсическую, алкогольную зависимость, азартные игры, зависимость от работы, педофилию и формы транссексуализма, в которых часто именно тело передает душевную боль, которая не может быть трансформирована в мысль. Например, все чаще мы можем наблюдать овеществленную, лишенную чувственности, десенсуализированную сексуальность: субъекты становятся простыми предметами, простыми объектами взаимных ожиданий сексуальных действий по логике вседозволенности, на первый взгляд, кажущейся освободительной, которая приходит на смену старой сексофобной морали. Следует также выделить стремление к легкому обогащению,

Интернет – это не только пространство, предлагающее новые ресурсы для творчества и взаимоотношений, оно часто выступает в качестве инструмента для визуализации самых темных и наименее интегрированных аспектов личности отдельного человека.

Возникает особая форма насилия – непрозрачность безразличия, апатия, проистекающая из привыкания к размноженным, повторяющимся образам, в которых другой уже не человек, а лишь тело.

компульсивное потребление и желание немедленного нарциссического достижения целей, учитывая также скорость обмена, торговли, коммуникации, определенную глобализацию экономики, наличие интернета. Чрезмерность становится трендом, отсылая больше к проступку, преступлению границ, чем к обязательству, и отсылая больше к предписанию, обязательству, чем к соблюдению границ.

Короткое замыкание между реальным и символическим становится отличительной чертой многих психических функций, которые можно обобщенно определить как относящиеся к постмодерну. Эти психопатологические конфигурации проявляются более часто и более интенсивно в фазах быстрой мутации какой-либо культуры, когда гарантии обрамляющих или основополагающих структур нашего общества исчезают, отпадают, когда, как это происходит сегодня, человек уходит из своей среды.

От проживания чувства и бытия мы перешли к форме видимости, публичности без внутреннего наполнения, к поиску внешнего вида. За этим внешним видом скрывается даже не нарциссизм, а расположенность к проявлению себя вовне, к ретрофлексии без глубины. Своего рода такая пиаровская, рекламная наивность, в которой каждый становится импрессарио своей собственной внешности, своего собственного внешнего вида. Look, понятие внешности, отсылает к фетишизации собственного внешнего вида, а, следовательно, собственного тела в своей целости, а не только какой-то его части. Прослеживается поверхностное гедонистическое выпячивание напоказ, основанное на немедленном идеальном и полноценном удовлетворении, получении удовольствия посредством постоянного, непрерывного контакта с приносящим удовлетворение предметом. Изображение немедленного удовлетворения, все чаще выставленное онлайн, а, следовательно, отсутствие его отсрочки, возможности его отсрочки узурпировало пространство подлинности.

Кроме того, мы наблюдаем увеличение скорости рассеивания и получения опыта, впечатлений по сравнению со временем, которое необходимо для их переработки. Преобладает телевизионный эксгибиционизм, превращенный в шоу по отношению к телам и чувствам, вместо сдержанности, приличий и необходимой защиты своей интимности, переход от телесности, физической материальности к иллюзии и эфемерности. Во время пандемии и изоляции повысилось количество просмотров сайтов с педофилической порнографией. Эти просмотры характерны для взрослых и подростков. А также увеличилось количество сексуализированных фотографий, размещенных подростками. В последнее время участилось такое явление как *sandy girls* – это маленькие девочки и молодые девушки, которые раздеваются перед веб-камерой или продают свои изображения в чувственных эротических позах в целях сексуального соблазна. Такие способы выставления напоказ своего тела в сети, которые также связаны с потребностью в признании и подтверждении в неуверенном

возрасте – предподростковом и подростковом – способствуют все более распространенному явлению – цифровой детской порнографии. В медийном сообществе сейчас наблюдается много патологии.

Новые технологии сделали возможным создание и заселение целых вселенных опытом, оторванным от материальных и конкретных пространств, измерений, они заполняют пространство между иллюзией и реальностью, они помогают усиливать или расширять психические и сенсорные способности настолько, что это новое пространство можно определить как технологии разума или психотехнологии. Виртуальные технологии, размывая разницу между тем, что объективно, тем, что субъективно и тем, что иллюзорно, между тем, что внутри и тем, что снаружи, неизбежно оказывают преобразующее воздействие на наш образ мышления.

В обществе постмодерна конституирующая пустота и возможность деконструкции любой идентичности сочетаются с отсутствием предела, в высокой степени заданной виртуальностью коммуникативного опыта. И нужно снова ставить под сомнение наши теоретические модели психосексуального развития, в которых преобладают линейные и обязательные последовательности, в которых формируются и распадаются организации, подверженные постоянному переустройству. Сегодня реальность все более виртуальна и является сценарием возможной мутации эго.

Интернет – это не только пространство, предлагающее новые ресурсы для творчества и взаимоотношений, оно часто выступает в качестве инструмента для визуализации самых темных и наименее интегрированных аспектов личности отдельного человека. Для некоторых пациентов использование интернета может выполнять функцию формирования выражения и формулирования бессознательных конфликтов, показывая части себя, которые иначе остались бы в тени, и способствовать построению особой формы реальности, которая рискует превратиться в сон, вызывает онейризацию эмпирического мира и подпитывает логику воображения, которое, по сути, носит характер эмоциональный и бредовый.

Пассивный зритель может наблюдать без эмоционального участия, вследствие чего возбуждение возникает только в присутствии бездушного демонизированного предмета. Граница между одушевленным и неодушевленным исчезает. Все смешивается в дискурсивную циркулярность без всякого смысла, где всякая вещь становится эквивалентной и остается безразличной, не имеет значения в присутствии постоянного и нескончаемого потока бессмысленных или, по крайней мере, взаимозаместимых символов. Таким образом, возникает особая форма насилия – непрозрачность безразличия, апатия, проистекающая из привыкания к размноженным, повторяющимся образам, в которых другой уже не человек, а лишь тело. Зло распространяется по поверхности наших жизней, пропитывает их собой и становится чем-то повседневным и больше не вызывает скандала.

Мы, по сути, находимся
в положении заложников
времени, которого как будто все
время не хватает, оно становится
все более ускоренным и сжатым.

Трудности, которые мы испытываем в том, чтобы различать одушевленное и неодушевленное, реальное и виртуальное, доминирование компьютера как тренировка контроля над другим проживаются как невитальность, неспособность испытывать эмоции и чувства, кроме тех, которые могут быть нарциссически приписаны индивиду. Все это может быть элементами, предвещающими аутистический всемогущий уход.

Быстрота и неспешность. В современной экономической модели динамика обеспечивается продуктами, в первую очередь, технологическими, которые все больше и больше способны обеспечивать лучшие показатели, но быстрее выходят из строя, чем в прошлом. Поскольку они имеют заданное устаревание, они заменяются новыми продуктами, которые поддерживают бесконечный рост рынка и которые посредством триумфа одноразового подпитывают потребительское видение существования. По мнению Джеймса Хиллмана, американского юнгианского психолога, дежурное слово каждого сообщения сейчас: *asap* – *as soon as possible* – как можно быстрее: быстрая еда, быстрое преодоление очереди, быстрая перемотка, полный вперед. Мы наблюдаем умерщвление чувств, любопытства, исследования, наблюдаем уменьшение даже времени на употребление, на освящение ритуалов приема пищи, и здесь очень значителен переход от фастфуда к еде, которая употребляется на ходу, в спешке. Мы, по сути, находимся в положении заложников времени, которого как будто все время не хватает, оно становится все более ускоренным и сжатым. Аберрации фастфуда затронули даже пищу, которую мы употребляем в раннем детстве, она вся от ромашкового чая до манной каши – быстрого приготовления, а значит, лишена времени на готовку, позволяющую на какое-то время погрузиться в состояние сна, способствующее постепенному воспроизведению чувства реальности.

Искусство рассчитывать время, давать себе нужное каждому из нас время, сегодня это искусство все тяжелее практиковать в связи с новыми технологическими средствами, которые обращают нашу жизнь в мир непосредственной спонтанности, в измерение мгновенности. Отношения со временем отдают предпочтение синхронной встрече здесь-и-сейчас, время короткое превалирует над долгим, как хаотичное, лихорадочное переключение каналов и бродяжничество, кочевничество превалирует над постоянством. Связь поддерживается в актуальности, избегает истории, поскольку есть уверенность, что будущее невозможно определить, и это – единственная уверенность.

В психоанализе необходимость распоряжаться долгим временем интроспекции сохраняет центральное значение. Речь идет о как будто бы мертвом времени ожидания эволюции, Андре Грин называет его «мертвым временем анализа», но я предпочел бы обозначить это время как живое время, которое сопротивляется поспешности и не-

В психоанализе необходимость
распоряжаться долгим временем
интроспекции сохраняет
центральное значение.

терпеливости. Старая байка гласит: английский аристократ и его богатый иностранный гость обсуждают необъятную лужайку перед его замком и происходит следующий диалог. Гость спрашивает: а как у вас получаются такие великолепные газоны, в чем ваш секрет? Лорд ответил: необходимо стричь траву, поливать

и раскатывать. Гость уже хотел сказать, что это очень простые процедуры. И тут лорд добавил: это все нужно делать каждый день, по крайней мере, 200 лет.

Сеттинг и его реорганизация. Аналитический сеттинг состоит из физической и функциональной среды, в которой происходит процесс анализа, и эта среда

позволяет ему развиваться. Также он состоит из организационных правил, устанавливаемых так называемым аналитическим контрактом: расписание, частота, продолжительность и порядок оплаты, все праздники и т. д., и из правил взаимоотношений, которые опосредуют отношения между аналитиком и анализандом, делая эти отношения возможными в заданном пространственно-временном контексте. Сеттинг, подобно театральным декорациям и сакральным пространствам, является необходимым артефактом, но с самого начала подвержен воздействию истории. Опасность заключается в том, что мы можем забыть о его историчности и его месте во времени и отождествить шаткую временную структуру нашего взгляда с реальностью вообще. Изменение и эволюция техник, будь то психоаналитические или психотерапевтические техники, определяют различие между построением и распределением пространства, задуманного для психоаналитического сеттинга, которое, заимствуя метафору Мориса Мерло-Понти, можно сравнить с темнотой в кинотеатре, представляемой как должное, но представляющей собой непереносимое условие для того, чтобы насладиться просмотром фильма.

Необходимое переустройство сеттинга может потребоваться не в связи с дерегуляцией, т.е. с ортактическими модальностями, не уважающими технические правила, применение которых поддерживает аналитические отношения, а посредством установления правил в гибких или жестких модальностях; переустройство сеттинга касается того способа, которым третья сторона – закон – представлена в этих отношениях. Со временем развилась большая гибкость психоанализа, которая основана на признании неизбежности и ценности процесса переговоров, которые происходят в каждой аналитической паре. Современная актуальная психоаналитическая сцена свидетельствует о смещении в сторону большей скромности, неприхотливости. Такая скромность, смиренность отражается в толерантности по отношению к неопределенности, как в нашей профессиональной литературе, так и в часы проведения сессий. Психоаналитик не может игнорировать изменения, которые произошли на всех уровнях, как в том, что касается форм и качества повседневного опыта, так и в воздействии на отдельных людей новых форм жизни. В субъектах возникает новая чувствительность, обновляется восприятие пространства-времени и взаимоотношений с другими.

Здесь можно поговорить и об увеличении разводов в семьях, и о большем использовании услуг различного персонала, присматривающего за ребенком, и о появлении расширенных семей — все это психоаналитик должен учитывать. Таким образом, классический аналитический сеттинг, который сегодня совсем не является априорным, определяется в ряде случаев как ситуация, которую необходимо готовить с заботой

В психоанализе необходимость
распоряжаться долгим временем
интроспекции сохраняет
центральное значение.

Сеттинг, подобно театральным декорациям и сакральным пространствам, является необходимым артефактом, но с самого начала подвержен воздействию истории.

и вниманием, с последующим переструктурированием. В других случаях – как ситуацию, которую необязательно следует считать оптимальной, по крайней мере в некоторых параметрах. Принятие во внимание внешних факторов в наших институциях и нашей частной практике не должно означать неадаптивную уступчивость по отношению к ним. Однако это может способствовать процессу

медленного и горького переосмысления и даже оплакивания былых позиций, для которых был характерен определенный нарциссизм и закрытость по отношению к окружающей социальной реальности. Такие позиции были характерны для определенных исторических устоев в психоанализе.

Во время пандемии коронавируса, когда пациенты не могли попасть в кабинеты психоаналитиков, стала очевидной потребность глубже исследовать значение тех мест дома, тех частей комнаты, мебели, картин, предметов обстановки, которые пациенты показывают аналитику на психоаналитических сессиях в режиме онлайн. Возникает вопрос, почему клиенты выбирают именно такие образы, которые, возможно, считаются более официальными, безликими, и, в свою очередь, не показывают другие, которые, возможно, воспринимают как слишком интимные, и в какой степени этот выбор входит в аналитические отношения как фигура вытеснения, не только посредством снов, которые рассказываются на кушетке пациентами в кабинете, но и в снах аналитика, которые вступают в непосредственный контакт с аспектами реальности пациента.

Между прошлым, настоящим и будущим. Все более очевидным становится ослабление вплоть до исчезновения переходных состояний, колебаний, промежуточных мест между различными экзистенциальными состояниями и фазами, которые позволяют осуществлять физиологические переходы состояния с ритмом и модальностями, подходящими потребностям человека. Сокращение вплоть до полного исчезновения обрядов перехода, которые отмечают стадии перехода, как будто стремится стереть время сомнения и время ожидания, время необходимого переузнавания себя, чтобы трансформироваться. Сложность и встроенность различных детерминантов старого и нового и несомненные, неопровержимые разрывы континуума между прошлым, настоящим и будущим помогли бы нам избежать упрощений, как тех, которые подвержены избыточной ностальгии и желания вернуться в былые времена, чтобы снизить или даже вовсе избежать психической травмы, определенной происходящим стимулом от столкновения с новым, разрушая воспринимаемое, сводя его к уже известному и опробованному, так и тех, которые страдают горизонтальностью, на первый взгляд, без прошлого, отрицая его значимость в том, что касается возможной проработки, и позволяя нам надеяться на восстановление реалистичной диахронии событий.

В психоанализе, с одной стороны, необходимо проверить и подтвердить присутствие прошлого в настоящем, т. е. понять, как события и переживания из исторического прошлого активно и бессознательно влияют на текущую жизнь. С другой стороны,

через психоаналитические отношения происходит непрерывное наделение новыми смыслами прошлого, которое способствует возможности и шансу, что пациент осуществит реконструкцию собственной истории, освобожденной от деформации невротических защит и ложных воспоминаний.

Психоанализ не может дать заранее упакованные и утешительные ответы на столь сложные проблемы, которые затрагивают политические, экономические, социальные взгляды и решения, но может помочь нам поразмышлять над вопросами, которые ставят отдельные люди и сообщества, избегая упрощенных и успокаивающих коротких путей.

Психоаналитики должны принять на себя недвусмысленную гражданскую миссию, явную политическую позицию, лишенную какой-либо неоднозначности по отношению к срочной потребности сохранить и взять на себя заботу о мире.

Психоаналитики, в свою очередь, должны возродить в самих себе способность думать и мечтать о лучшем будущем, посвятить себя и внести свой вклад в укрепление чувства меры и поддержания достаточно хорошей качественной жизни, в которой мо-

Психоаналитик не может игнорировать изменения, которые произошли на всех уровнях, как в том, что касается форм и качества повседневного опыта, так и в воздействии на отдельных людей новых форм жизни.

жет быть пространство для любви и творчества, противостоять магическому, иллюзорному мышлению и не отворачиваться от неприятных аспектов существования, а смотреть на них честно и искренне.

P.S. Доклад Козимо погрузил слушателей в различные размышления, 10-минутная дискуссия была яркой и насыщенной, на многие вопросы не хватило времени и пространства, поскольку необходимо было соблюдать регламент конференции. Обсуждения продолжились в перерывах.

Однако один вопрос из зала удалось обсудить более подробно. Он звучал так:

Козимо, вы подняли ряд очень важных вопросов, которые беспокоят, наверное, нас всех в силу того, что кажется, что они сейчас малоуправляемые, на самом деле, мы как будто боимся про них говорить. Много важных моментов Вы затронули, один я хочу прокомментировать, потому что я работаю, как со взрослыми, так и с детьми. Сейчас дети из-за легкого доступа к интернету очень рано начинают смотреть просто порнографию, независимо от того, насколько тема секса представлена в семье. И очень часто родители с удивлением узнают, что и девочки, и мальчики уже лет в 8-9 уже смотрят достаточно жесткое порно. И у меня вопрос. Я думаю, что действительно дети, сталкиваясь с тем, о чем не говорят с родителями, фрустрированы, однако сам просмотр этих фильмов их возбуждает, т. е. они начинают на фильмах залипать и пытаются это отыграть. Очень часто этот Ящик Пандоры уже открыт, и когда родители обнаруживают эти проблемы, они сталкиваются с тем, что ребенок уже в процессе, это невозможно развидеть, это невозможно забыть. Что вы думаете по этому поводу?

Через психоаналитические отношения происходит непрерывное наделение новыми смыслами прошлого, которое способствует возможности и шансу, что пациент осуществит реконструкцию собственной истории, освобожденной от деформации невротических защит и ложных воспоминаний.

Козимо: Что касается детей, я говорю о детях, начиная с 2-3 лет, сейчас действительно они получают доступ в интернет наедине с планшетом, очень легко погружаться в такой самогипноз. И они смотрят все, что угодно, залипают на все, что угодно. И если, например, ребенку не хочется есть много пищи, то за планшет он съест все, что угодно. Но из-за этого исчезает время колебаний, когда, например, ребенка отлучают от груди, нужно какое-то время, чтобы он привык. Сначала он не хочет, матери нужно набраться сил и терпения, чтобы ребенка отучить. И ребенок в контакте с планшетом, с интернетом находится в таком состоянии гипноза. И тогда он способен испугаться изображений, образов, которые видит, но не понимает, что происходит и боится разговора с родителями. Или, как говорила коллега, возникает пространство секретов, скрытности, где ребенок получает представление о сексе исключительно как о взаимодействии тел. Нет никаких ухаживаний, никакой взаимности, совместности. Получается такая эра сексуализации.

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ПСИХОАНАЛИЗА

К этому интервью в редакции готовились долго. Во время работы XII Межрегиональной психоаналитической конференции «Мужчина в психоанализе» в Москве 1-2 июня 2024 года в рамках круглого стола нашего журнала был проведен конкурс на лучший вопрос для Антонино Ферро. Трое победителей получили право задать свои вопросы и были награждены призами. Остальные вопросы общими усилиями были сформулированы членами редакции и заданы редактором рубрики Т. Тармогиной непосредственно мэтру психоанализа. Благодарим Антонино Ферро за возможность узнать его точку зрения о прошлом, настоящем и будущем психоанализа.

Песня сирен психоанализа

Антонино Ферро

- Лауреат премии Сигурни 2007
- психоаналитик,
- президент Итальянского психоаналитического общества

Психоанализ дал мне тот волшебный мир, где исследование и терапия в конечном итоге совпадают.

Как Вы стали психоаналитиком? Что побудило Вас выбрать эту профессию?

Я думаю, что у меня всегда был интерес к изучению ментальной жизни, как других, так и моей собственной. Возможно, правда, я пошел по самому длинному пути и прибыл к пункту назначения довольно поздно.

Путь, который привел меня к психоанализу, включал изучение медицины, затем неврологии. От неврологии я перешел к специализации в психиатрии, и, наконец, после многих лет, их даже сложно так навскидку посчитать, я пришел к психоанализу. Казалось, я уже остановился на неврологии и поехал работать неврологом в Неаполь. Но в конце концов, песня сирен психоанализа возобладала над всем остальным. Несмотря на то, что я пытался всеми способами выбрать другой путь, по ходу я обязательно сталкивался с психоанализом. В конечном итоге я к нему

Я твердо верю, что настоящий
предел находится внутри
аналитика, а не пациента.
Мужество — это оставаться
вместе в трудностях, это гораздо
смелее, чем отвергать кого-то
как неподдающегося анализу.

Я очень доволен своим выбором, потому что он позволил мне совмещать глубокую исследовательскую работу с живой практикой, оставаясь в тесном контакте с пациентом. Раньше мне все время приходилось выбирать между двумя этими вещами. Психоанализ же дал мне тот волшебный мир, где исследование и терапия в конечном итоге совпадают.

Как Вы считаете, необходимо ли иметь медицинское образование или клинический опыт, чтобы стать хорошим аналитиком? Как это помогло Вам?

Наличие медицинского образования может быть полезным в определенных отношениях, но, тем не менее, оно больше не является необходимым для того, чтобы стать хорошим терапевтом или аналитиком. Профессиональный ландшафт сильно изменился за последние несколько десятилетий. Сегодня большинство из тех, кто приходит в эту область, около 80%-90%, имеют психологическое, а не медицинское образование. Рост авторитета психологии как отдельной дисциплины во многом сформировал эти изменения, и большинство практикующих аналитиков являются психологами. Хотя я мог бы ответить на этот вопрос по-другому двадцать или тридцать лет назад, реальность сегодня такова, что медицинское или клиническое образование больше не является стандартом или даже ожиданием в этой области.

При этом знание медицины или клинической психологии действительно дает определенные преимущества. В определенном отношении оно более всеобъемлюще, чем обучение исключительно психологии. Одно из важнейших преимуществ, которое дает медицинское образование, – это понимание клинической картины соматических заболеваний и терминальных проявлений.

Врачи должны уметь не только видеть, но и противостоять этим реалиям лицом к лицу, будь то посредством клинической практики или уроков анатомии или работы с неизлечимыми пациентами. Этот опыт позволяет заземлиться, заставляет принять ограничения вашей работы. Вы быстро усваиваете то, что невозможно вылечить все и спасти каждого, и это

и пришел, пройдя обучение довольно классическим способом. Наконец-то я нашел море, населенное той рыбой, которая меня интересовала больше всего. Обучение было очень серьезным, основательным, во многом таким, каким я представлял себе хорошую школу психоанализа. В каждой стране присутствуют свои направления и модели обучения. Однако важным критерием является именно серьезность и качество этого процесса.

Способность различать,
когда физическое состояние
является основной причиной
психологических симптомов, по-
прежнему может быть бесценной
в клинической работе.

Качество терапевтического присутствия, способность устанавливать связь с пациентами на глубоком эмоциональном уровне и способность ориентироваться в сложной межличностной динамике — это навыки, которые оттачиваются годами клинического опыта, независимо от того, имеет человек медицинское или психологическое образование.

осознание является отрезвляющим. Во многих отношениях это становится своего рода терапией для терапевта — способом противостоять собственному чувству всемогущества и принять, что есть вещи, которые находятся вне вашего контроля.

Этот опыт также существенно расширяет понимание физического тела и того, как соматическое здоровье пересекается с психическим. Студенты-медики изучают анатомию, патологии и механизмы болезней в непосредственном приближении, включая вскрытие трупов и исследование рака. Этот вид практического опыта дает более конкретное представление о состоянии человека, что может быть весьма полезно в клинической терапевтической практике. Однако я часто размышляю о том, что эти навыки не являются исключительно полезными только для аналитиков-терапевтов. На самом деле, они могут быть столь же ценными и в других профессиях, где способность быстро оценивать и управлять сложными ситуациями имеет решающее значение. Например, на ум приходят пожарные. Во многих отношениях тушение пожаров, как в прямом, так и в переносном смысле, требует схожих навыков: быстрой оценки ситуации, способности принимать решение, сохранять спокойствие в условиях давления и понимания того, что определенные последствия просто неизбежны.

Медицинское образование помогало мне и более непосредственным образом на протяжении моей карьеры терапевта. Я поставил несколько диагнозов, например, опухоль мозга или неврологические заболевания, которые вытекали из моего опыта работы неврологом. Хотя эти диагнозы могли быть в конечном итоге поставлены другим врачом, возможность определить их на ранней стадии давала мне дополнительное чувство безопасности. Например, если пациент приходит ко мне с постоянными головными болями, рвотой и неврологическими симптомами, я могу рассмотреть возможность чего-то серьезного, например опухоли мозга, наряду с более распространенными диагнозами психического здоровья, такими как депрессия. Несмотря на то, что сегодня гораздо проще направить кого-то на МРТ или консультацию специалиста, способность различать, когда физическое состояние является основной причиной психологических симптомов, по-прежнему может быть бесценной в клинической работе.

Однако я хочу подчеркнуть, что эти

Такие личные качества, как эмпатия, креативность, стойкость и способность справляться с неоднозначностью, часто важнее медицинского образования.

медицинские качества не являются единственными критериями для того, чтобы стать эффективным терапевтом. Они дают определенную оптику, да, но хороший терапевт определяется не только своей способностью диагностировать соматические заболевания. Во многих случаях психологическое и эмоциональное понимание так же, если не более, важно. Качество терапевтического присутствия, способность устанавливать связь с пациентами на глубоком эмоциональном уровне и способность ориентироваться в сложной межличностной динамике — это навыки, которые оттачиваются годами клинического опыта, независимо от того, имеет ли человек медицинское или психологическое образование.

На самом деле, я бы сказал, что такие личные качества, как эмпатия, креативность, стойкость и способность справляться с неоднозначностью, часто важнее медицинского образования. За годы собеседований с кандидатами на психоаналитическое обучение я раз за разом видел, что на самом деле человека отличает не его медицинская квалификация, а его личная способность взаимодействовать с неизвестным. Например, однажды я попросил нескольких кандидатов опи-

сать сон, которого у них никогда не было, — необычный вопрос, который должен был показать, как они справляются с неоднозначностью и креативностью. Некоторые ответили блестяще, продемонстрировав уровень интуиции и гибкости, который хорошо послужит им в работе терапевтами. Другие застыли, не в силах выйти за рамки буквального смысла вопроса. В конце концов, не всегда человек с наибольшими клиническими знаниями становится лучшим терапевтом. Часто это тот, кто может мыслить нестандартно, идти на риск и общаться с пациентами на более глубоком, личном уровне.

Резюмируя по этому вопросу, могу сказать, что медицинское образование действительно может дать ценные инструменты и возможности, но оно не является определяющим фактором для становления хорошим терапевтом. Область психотерапии и психоанализа существенно изменилась в процессе своего развития, и психология стала доминирующим путем вхождения в профессию. А вот что действительно необходимо, так это способность терапевта устанавливать связь со своими пациентами, сохранять пространство для их страданий и направлять их в процессе исцеления — качества, которые выходят за рамки любого конкретного образовательного фона.

Что такое современный психоанализ в одном предложении?

Очень просто. Это способ приблизиться к пониманию психической жизни другого.

Использование искусственного интеллекта в терапии? Нет, потому что терапия — это территория эмоционального, эмпатического, реляционного, это не те вещи, которые можно продавать на вес.

Человека отличает не его медицинская квалификация, а его личная способность взаимодействовать с неизвестным.

Не всегда человек с наибольшими
клиническими знаниями
становится лучшим терапевтом.

Часто это тот, кто может
мыслить нестандартно, идти
на риск и общаться с пациентами
на более глубоком, личном
уровне.

При этом современный психоанализ уже давно перешел от рамок, где находился больной пациент и лечащий его аналитик, к гораздо более гибкой, равноправной позиции. Аналитик участвует в психоаналитическом процессе своими собственными чувствами, эмоциями, страданиями и радостями, и, таким образом, этот процесс становится двусторонним. Это уже не просто аналитик, который интерпретирует, а аналитик, который помогает пациенту найти свои ключевые проблемы.

Каким Вы видите будущее психоанализа?

Мне кажется, что уровень человеческих страданий не становится меньше, наоборот, он растет. И я полагаю, что единственный способ радоваться этому — размышлять о психоанализе. Я искренне верю, что психоанализ — самый эффективный и безвредный способ помочь тем, кто страдает.

Конечно, есть много других способов облегчить душевные страдания, однако, психоанализ, безусловно, является одним из наиболее действенных. По моему глубокому убеждению, он действительно работает. Если бы мой близкий друг испытывал душевную боль и спросил меня, как ему помочь, я бы точно посоветовал анализ. У каждого аналитика, безусловно, есть свои ограничения как в личной жизни, так и в профессиональной, однако, важно, чтобы он или она хорошо работали в течение этих 50 минут с пациентом.

Психоанализ — это долгая и дорогая форма терапии, что делает ее недоступной для многих людей. В некоторых случаях я наблюдал, как работает психиатрическая терапия для широкого спектра депрессивных патологий и, да, она работает достойно. Я считаю, что психоанализ всегда будет подразумевать глубокое вовлечение, которое в конечном итоге не может быть для всех. Все большее распространение будут получать краткосрочные формы психотерапии и сокращенные формы анализа, которые делают использование психоанализа более доступным и широким, то есть для большего количества людей. Это сделает психоанализ чем-то большим, чем просто психоанализ для привилегированных пациентов, представителей определенных социальных слоев. Стоимость же психоанализа обусловлена тем фактом, что аналитик

А вот что действительно необходимо, так это способность терапевта устанавливать связь со своими пациентами, сохранять пространство для их страданий и направлять их в процессе исцеления — качества, которые выходят за рамки любого конкретного образовательного фона.

Аналитик участвует в психоаналитическом процессе своими собственными чувствами, эмоциями, страданиями и радостями, и, таким образом, этот процесс становится двусторонним.

должен буквально жить вместе с пациентом. Проблема не в жадности аналитика, а в том, что аналитик не может работать с пациентом четыре часа в неделю, получая при этом минимальную оплату. Существует, с одной стороны, вопрос эмоциональной и профессиональной вовлеченности психоаналитика и необходимость заработка, а, с другой, — расходов для пациента, которые часто бывают значительными. Я считаю, что это может быть несколько смягчено с появлением краткосрочных форм терапии. Профессионально проведенная психотерапия может быть очень эффективной, и тогда, возможно, классический психоанализ, как он понимается, останется для узких специалистов или очень тяжелых пациентов.

Что же касается успешности психоанализа, то иногда все дело в поиске подходящего специалиста. Первый аналитик, к которому я пошел, был лаканистом. Он поразил меня на первой же встрече: сначала внешним видом – белые кружевные рюши пышно выбивались у него из рукавов рубашки, а потом, когда произнес прерывающимся голосом, что его собственный анализ излечил его от заикания. У него, наверное, были свои причины заикаться в тот момент, но я покинул его, как только смог. Прошло несколько лет, прежде чем я пошел к другому специалисту.

Произошли ли существенные изменения в состоянии пациентов за последние 10–20 лет?

За последние 10–20 лет произошли заметные изменения в психоанализе, даже если состояние самих пациентов не претерпело кардинальных изменений. Ключевая трансформация заключается в подходе психоаналитиков к своим пациентам, особенно к тем, у кого серьезная патология. Сегодня аналитики более подготовлены и менее боятся работать с пациентами, страдающими от глубоких психических расстройств.

Раньше, когда пациент приходил в анализ, основной вопрос был в его «анализируемости». Аналитики оценивали, подходит ли пациент для анализа, но это часто приводило к неопределенности. Теперь анализируемость в значительной степени зависит от готовности и способности как аналитика, так и пациента вместе сталкиваться с серьезными проблемами. Этот сдвиг означает, что психоанализ эволюционировал, чтобы встречать пациентов «там, где они есть», обращаясь к их страданиям напрямую, без страха перед глубокими душевными расстройствами.

В прошлом строгие критерии анализируемости часто исключали некоторых пациентов для получения

Я думаю, что психотерапия, как сокращенная форма психоанализа, определенно имеет высокий потенциал для более широкого применения.

Я искренне верю,
что психоанализ - самый
эффективный и безвредный
способ помочь тем, кто страдает.

психоаналитического лечения. В настоящее время эти критерии расширились, по сути сводясь к тому, готовы ли аналитик и пациент вместе преодолеть этот трудный путь. Существенно возросла готовность браться за серьезные случаи, которые ранее считались неподходящими для анализа.

Однако некоторые пациенты, например, страдающие наркотической зависимостью, представляют собой специфические случаи. Такие ситуации требуют осторожного обращения и часто расширенной системы поддержки. Сложность борьбы с зависимостью диктует особые условия работы – непрерывность и сверхаккуратность, гарантирующие пациенту поддержку даже в такие периоды, как отпуск.

Размышляя о собственном опыте, могу сказать, что я сталкивался с тяжелыми пациентами, которые меня истощали. Значительным изменением последних лет стал переход от традиционного метода аналитиков, просто расшифровывающих то, что говорит пациент, к более вовлеченному и эмоциональному подходу. Это развитие психоанализа расширило его сферу применения, сделав возможным предоставление серьезной терапии для более тяжелых пациентов.

Подводя итог, можно сказать, что проблемы, с которыми сталкиваются пациенты, не претерпели существенных изменений за последние два десятилетия. Однако область психоанализа развилась, предлагая более надежную и инклюзивную поддержку пациентам с серьезными проблемами психического здоровья, подчеркивая эмоциональное и аффективное участие аналитика как центральное в терапевтическом процессе.

Каковы будущие перспективы отрасли психического здоровья и психотерапии в частности?

Я думаю, нам нужно различать территории психиатрии, психотерапии и психоанализа.

Взять, например, паническую атаку. Я не понимаю, зачем нужно проводить психоанализ при панической атаке. Было бы разумно это делать, если есть запрос на глубокую трансформацию. Не на замену подтекающего радиатора, а на пересобирание всей аэродинамической системы, подразумевающее готовность преодолевать в том числе и очень сложные моменты, которые, вероятно, возникнут.

Я считаю, что фармакология будет становиться все более востребованной, поскольку это быстрый и эффективный способ решить многие сложные ситуации; слава богу, что она существует.

Актуально также ведение психоанализа в альянсе с психиатром. Мы с Мишель Безоари, например, часто работали таким образом: он назначал препараты, а я проводил анализ, или наоборот, когда

Я считаю, что психоанализ всегда
будет подразумевать глубокое
вовлечение, которое в конечном
итоге не может быть для всех.

Ключевая трансформация заключается в подходе психоаналитиков к своим пациентам, особенно к тем, у кого серьезная патология. Сегодня аналитики более подготовлены и менее боятся работать с пациентами, страдающими от глубоких психических расстройств.

он был аналитиком, а я психиатром. Поэтому я считаю, что способность интегрировать методы будет тоже все более востребованной.

Также я думаю, что психотерапия как сокращенная форма психоанализа определенно имеет высокий потенциал для более широкого применения. Хорошая психотерапия вполне может быть уложена и в год-полтора, с одним-двумя сессиями в неделю.

Будет ли искусственный интеллект использоваться в психотерапии?

Использование искусственного интеллекта в терапии? Нет, потому что терапия – это территория эмоционального, эмпатического, реляционного, это не те вещи, которые можно продавать на вес. Хотя выражение «на вес», возможно, не совсем верно; скажем так, я думаю, что искусственный интеллект может оказать большую помощь тем, кто хочет стать терапевтом по Бальзаку, например. С помощью искусственного интеллекта можно быстро получить резюме всех произведений Бальзака. Я могу получить выжимку из ста строк, потом из пятидесяти, потом из двадцати, из десяти. Так это работает, но я не думаю, что это когда-либо заменит ручку, бумагу и стол. Дело не в том, что ИИ не может заменить ручку, бумагу и стол. Он никогда не сможет заменить душу, то есть человека. Эмоциональность человека, по моему мнению, искусственный интеллект заменить не может.

Я считаю, что способность интегрировать методы будет тоже все более востребованной.

Как вы считаете, отличаются ли потребности и запросы европейского пациента от российского? Какие могут быть различия?

По сути нет. На поверхности, может быть, но в конечном итоге мы все одинаковы. У меня никогда не было русских пациентов; я супервизировал специалистов из России, но никогда не вел русских пациентов.

Если бы у Вас была возможность задать по одному вопросу Фрейду и Биону, какими бы были эти вопросы?

Я бы спросил Фрейда, почему он был так заиклен на сексуальной жизни. Фрейд обнаружил, что у него есть своего рода бомба, которую нужно обезвредить, и сделал все, что мог. По моему мнению, он ошибочно принял сексуальность за главную глубинную проблему мужчин или женщин, которой на самом деле являются эмоции. Он действовал как эксперт по обезвреживанию бомб, не имея для этого руководства. Все это время

Психоанализ эволюционировал, чтобы встречать пациентов «там, где они есть», обращаясь к их страданиям напрямую, без страха перед глубокими душевными расстройствами.

Фрейд имел дело с человеческими эмоциями, но без инструментов для управления ими. Блон в свою очередь начал понимать, что корень проблем лежит именно в эмоциях и их регуляции.

А вопрос, который я хотел бы задать Блону, очень простой:

почему, когда его дочь поехала учиться во Флоренцию, он вручил ей карту местности вместо поцелуя и объятия. Я этого не понял.

С какими непреодолимыми трудностями Вам пришлось столкнуться в своей практике и карьере и чего Вы бы точно не хотели повторить?

Одна из проблем, с которой я столкнулся, – это глупость аналитиков в работе. Меня всегда поражало, что аналитики часто пугаются сложных ситуаций и предпочитают говорить, что пациент не поддается анализу. Я твердо верю, что настоящий предел находится внутри аналитика, а не пациента. Мужество — это оставаться вместе в трудностях, это гораздо смелее, чем отвергать кого-то как неподдающегося анализу.

У меня также были тяжелые случаи с очень серьезными пациентами. Однажды я спросил пациента, стоила ли вся проделанная нами работа тех, честно сказать, небольших результатов, которых мы смогли достичь. И он ответил: «Благодаря анализу я не покончил с собой; а для меня это большой результат». Этот пациент выделил то неопределимо глубокое влияние, которое может оказать анализ, даже если он не приводит к большому успеху в его привычном понимании.

Еще одна трудность, с которой я сталкивался, – это сохранение веры в анализ как в эффективный инструмент при работе с тяжелыми патологиями. Например, если кто-то боится лифтов, я бы посоветовал ему пользоваться лестницей, а не проходить анализ. Это отражает необходимость практических решений в определенных случаях, а не упорство в использовании исключительно аналитических методов.

Появление и развитие новых идей в психоанализе также всегда было серьезным вызовом для специалистов, потому что они вызывали очень много эмоций – как ненависти, так и сочувствия. Соппротивление и интенсивные реакции со стороны участников

Проблемы, с которыми сталкиваются пациенты, не претерпели существенных изменений за последние два десятилетия. Однако область психоанализа развилась, предлагая более надежную и инклюзивную поддержку пациентам с серьезными проблемами психического здоровья, подчеркивая эмоциональное и аффективное участие аналитика как центральное в терапевтическом процессе.

подчеркивают сложность внедрения инновационных подходов в традиционно жесткую дисциплину.

Какой совет Вы бы дали начинающему психоаналитику, психотерапевту?

Я бы посоветовал начинающему психоаналитику или психотерапевту набраться

смелости использовать свои идеи и оставаться открытым для различных подходов, а не строго придерживаться одной теории. Важно быть искренним и говорить о том, что вы наблюдаете и чувствуете во время сеансов. Эта аутентичность способствует более глубоким связям и обогащает терапевтический процесс.

Избегайте цепляться за одну конкретную теорию. Гибкость и открытость позволяют адаптировать свой подход к уникальным потребностям каждого пациента. Доверяйте своей интуиции и клиническому суждению, поскольку они могут направлять вас к разработке инновационных методов, способных принести пользу вашим пациентам.

Не бойтесь предлагать новые идеи и подходы в своей практике. Занимайтесь постоянным образованием, наблюдением и профессиональным развитием, чтобы поддерживать это начинание.

Помните, что когда прогресс кажется медленным, ваше присутствие и поддержка могут иметь существенное значение для пациента. Ваша вера в терапевтический процесс, несмотря на трудности, имеет решающее значение как для удержания вашей мотивации, так и для успеха всего дела.

Гибкость и открытость позволяют адаптировать свой подход к уникальным потребностям каждого пациента.

Я бы посоветовал начинающему психоаналитику или психотерапевту набраться смелости использовать свои идеи и оставаться открытым для различных подходов, а не строго придерживаться одной теории.

ЭССЕ

Статья Дидье Анзье «Парадоксальный трансфер: от парадоксальной коммуникации к негативной терапевтической реакции», в которой описаны трудности парадоксальной коммуникации и негативной терапевтической реакции вызывает много споров и размышлений. Текст статьи настолько емкий и многоуровневый, что каждое новое его прочтение вызывает интерес. Предлагаем вместе с Л. Братухиной поразмышлять о парадоксальном трансфере.

Поле для размышлений

Братухина Любовь Николаевна

• аналитический психолог

Статья Дидье Анзье «Парадоксальный трансфер: от парадоксальной коммуникации к негативной терапевтической реакции» актуальна и весьма полезна для практики на текущий момент, так как в ней представлено описание глубокой работы с пациентами не невротической организации, обозначены сложности и возможности разрешения парадоксальной коммуникации и негативной терапевтической реакции. На мой вкус, каждый абзац статьи настолько насыщенный и объемный, что их можно было бы разбирать каждый по отдельности.

То, как я вижу данную работу Анзье, скорее, предполагает обсуждение и открытые вопросы, в любом случае, существует многоуровневость и траектория разных углов суждений и мне бы хотелось предложить на рассмотрение те значимые, на мой взгляд, моменты, которые я обозначу в своем эссе.

Статья «Парадоксальный трансфер: от парадоксальной коммуникации к негативной терапевтической реакции» масштабная и разнородная. Написана Дидье таким образом, что помимо основных и явных тем с понятными ответами по ходу статьи, ставится ряд вопросов, по которым только намечается поле для исследований, некоторые же вопросы присутствуют в статье имплицитно.

Также вызывает интерес биография Анзье, то, как на его профессиональный путь повлияла его личная история. Данный контекст, по моему мнению, является также важным для раскрытия содержания и формы статьи – через призму того, каков сам Дидье. Приведу краткую сводку его биографии, которая дополняет и подсвечивает, как мне представляется, и его манеру написания и, собственно, сам выбор подобной темы.

Мать Дидье проходила анализ у Лакана и была описана в случае под именем Эме, в дальнейшем это повлияло на Анзье (об этом я упомяну ниже). Анзье в молодости думал о карьере актера или писателя. При поступлении на философский факультет в Высшую нормальную школу на него оказали влияние психология Даниеля Лагаша и феноменология Мориса Мерло-Понти, который являлся сокурсником небезызвестных Лапланша и Понталиса. Женился он на Энни Пигер – впоследствии ставшей психоаналитиком, по мнению некоторых французских аналитиков, даже превзошедшим мужа. Благодаря жене, Дидье наладил отношения с матерью, «о безумии которой предпочитала умалчивать вся семья» [3]. В 1948 году, завершив обучение на философском факультете, он поступил в Парижский институт психологии, стал ассистентом Лагаша. Работал в дерматологическом отделении, ряд наблюдений оттуда будет в дальнейшем использован в его труде «Я – кожа». На мой взгляд, это интереснейшая монография, так как Дидье исходит из двух фундаментальных предположений. Во-первых, сензитивность является основным свойством психической жизни, поскольку основанием развития любой психической функции является физическая функция, реализация которой выходит за границы ментальной сферы (Anzieu, 1987a, p. 107). Во-вторых, осязание является фундаментом при условии, что оно блокируется в нужное время (Anzieu, 1987a, p. 152) [4, с. 43]. «Посредством физических стимулов кожа снабжает психический аппарат представлениями, которые составляют Эго и его основные функции» [4, с. 43]. Анзье изучал аналитическую психодраму, тест Роршаха и другие проективные методики. «Несколько позже Дидье работал клиническим психологом в Центре психопедагогики Клода Бернара в Париже, будучи первопроходцем в групповом психоанализе и групповой психодраме. В 1949 начал проводить анализ у Лакана» [3].

«Я стал психоаналитиком, чтобы
заботиться о своей матери...
Я имею в виду: заботиться
о матери внутри себя и других».

Если вы обратите внимание, то в статье «Парадоксальный трансфер: от парадоксальной коммуникации к негативной терапевтической реакции» Лакан не упоминается, что так непохоже на французских аналитиков, питающих пиетет к фигуре Лакана или критикующих его. Как будто Дидье исключает и обходит тему. Четыре года успешной работы сменились на гнев, так как Анзье узнал в описанном Лаканом случае Эме

Аналитику необходимо выводить
пациента из парадоксального
трансфера.

собственную мать. Интересно, что именно произошло, что увидел в описанном случае Анзье, что вызвало такую реакцию? В итоге Анзье прервал свой анализ в 1953 году. Он не был согласен с Лаканом относительно метода «короткого кадра» и не дал своего согласия о молчании

на данную тему. Конфликт с Лаканом касался не только данной темы, в целом Дидье не следовал за Лаканом ни теоретически, ни практически. Он перешел в анализ к Фавезу, которого ценил за методичность и сдержанность. Влияние Фавеза мы также можем наблюдать в стиле изложения Дидье в своих работах. В 1957 году им выпущена важная работа «Самоанализ Фрейда».

Возможно, если провести аналогии в биографии Анзье с его трудами, мы можем наблюдать довольно много парадокса и иронии, например, в связях: Дидье и его мать, Дидье и его жена. Эти связи, пропитанные парадоксом, соответственно оказывали влияние и на его идеи, и на профессиональные изыскания. Анзье произносит: «Я стал психоаналитиком, чтобы заботиться о своей матери. Не в смысле того, чтобы заботиться о ней буквально, хотя мне это удалось в последнюю четверть её жизни, помогая ей найти относительно счастливое и спокойное существование. Я имею в виду: заботиться о матери внутри себя и других» [3]. И в статье «Парадоксальный трансфер: от парадоксальной коммуникации к негативной терапевтической реакции» это также находит отражение, выбор темы не удивляет.

Основная работа Дидье проходит с пациентами не невротической организации. С доэдипальной проблематикой, с которой эдипальный язык терапевта и классические методы терапии не помогают. И те труды, которые приводятся в статье, в основном отсылают к литературе, посвящённой этой проблематике, в духе работы Балинта «Базовый дефект».

Если терапевт оказывается вовлечен в динамику «двойного принуждения»¹ [1, с. 209, 213, 214] пациента, то попадает в ловушку и терпит неудачу.

Дидье говорит нам, что аналитику необходимо выводить пациента из «парадоксального трансфера»² [1, с. 215, 217, 219] через метакоммуникацию, разрушая порочный круг системы, что чрезвычайно важно обоим. В этом заключается ответ на то, зачем нам

1 «Двусмысленность, неясность, являющаяся корнем любого парадоксального проявления (коммуникации, приказа, трансфера), делает истинность и ложность, добро и зло, любовь и ненависть, жизнь и смерть не противоположными взаимоисключающими понятиями, а терминами, образующими порочный круг. Важнейшее расщепление тогда проходит не между добром и злом, а между идеализацией и преследованием» [1, с. 224].

2 «Для хорошего развития лечения необходимо сначала трансформировать негативную терапевтическую реакцию «в парадокс осмысленный и вербализуемый, затем разрушить в этом парадоксе специфическое сплетение первичного процесса (деструктивной зависти) с вторичным процессом (дилеммой)». [1, с. 225]

анализировать парадоксальный трансфер и знать логические типы коммуникаций – как нам это может помочь в нашей работе. Анализ парадоксального трансфера дает возможность двигаться вперед в терапии.

Иначе мы застреваем. Пример с Эпиминидом достаточно показательный и яркий. Использование классических интерпретаций, которые не работают, но от которых так сложно удержаться – не похоже ли это на отыгрывание аналитиком? По словам Дидье, знание типов коммуникаций делает возможным для психоаналитика «надлежащую работу анализа и рикошетом открывает пациенту пути освобождения» [1, с. 207]. Дидье использует сочные ассоциативные аналогии к своим случаям с пациентами и подробно их описывает, что весьма ценно. Также мы прослеживаем близость и, я бы даже сказала, следование за британскими идеями: Кляйн, Биона, Винникотта, в основном, сформулированными другими словами. И обращаем внимание, что Дидье обращается к различным течениям и направлениям психотерапии, не только психоаналитическим. Устраняется от споров, будто не желает в этом участвовать и даже укоряет своих коллег в борьбе по поводу значимости и правильности идей: чьи имеют право на существование, а чьи – нет. Это также оставляет нам поле для размышлений о его позиции. Часть вопросов возникают по ходу статьи, которые, возможно, вшиты так, чтобы обратить на это внимание, а именно: какие патогенные эффекты некоторых типов коммуникаций подразумеваются? И какие именно из представленных типов коммуникаций в трудах Пало-Альто те самые «некоторые», ведь есть еще модели, виды помимо типов. И имеют ли отношение данные эффекты к Миланской модели по шизофреническому кругу? Отсылка к работам под руководством Вацлавика, которые «доступны на французском языке и хорошо известны» [1, с. 206] из контекста статьи – без конкретного источника и тогда следующий вопрос: почему и зачем именно так – без сноски на источник, ведь у данных авторов не один изданный труд? Это выглядит необычным – и сделано ли это специально, что весьма не похоже на Дидье с его довольно подробными примерами, возникает впечатление умышленного избегания конкретного упоминания.

Как мы знаем, начало любой работы, будь то статья или доклад – всегда важно, так как определяет основную тему. Плюс это 1996 год – ни интернета, ни google в помощь. Также складывается весьма странное впечатление от окончания статьи, как будто статья обрывается на полуслове, как будто должны были быть еще несколько предложений. Вероятно, это происходит из-за того, что несколько предложений в конце статьи посвящены важности для психического развития опыта проживания парадоксальной ситуации в повседневности и, возможно, это интересная смысловая отсылка к балансу и пользе парадокса в жизни.

Также хотелось бы более подробного примера в итоге – как это отражается в жизни, терапии, в переносе и контрпереносе, в позитивном ключе.

В итоге, мы приходим к полученным ответам на некоторые обозначенные в статье вопросы, таким как: что такое парадоксальная коммуникация и негативная

Анализ парадоксального
трансфера дает возможность
двигаться вперед в терапии.

терапевтическая реакция, с точки зрения Анзье? Как с этим работать? Показаны возможности и ловушки, сложности работы с парадоксальным трансфером – раскрывается проблематика парадоксальной коммуникации и негативной терапевтической реакции. Описаны три вида реакции и как из них выходить – возвращаемся к тому, что необходим метауровень. Обозначены необходимость и смысл анализировать парадоксальный трансфер. Приведены рассуждения, является ли с позиций метапсихологии парадокс создателем постоянно возобновляемого союза между влечением к жизни и влечением к смерти.

Ряд других вопросов остается открытым, например, про «теоретические следствия клинических и технических аспектов парадоксального переноса, которые обозначены в генезе, функционировании и дефицитности психического аппарата» [1, с. 207]. Какими являются топические результаты парадоксальной ситуации? Возможно, я не увидела ответы на данные вопросы, так как что-то упускаю.

Также присутствует часть имплицитных вопросов и тем, которые только обозначают пространство для исследований.

К каким основным выводам мы можем прийти благодаря статье?

- 1) Парадокс необходим, но без интенсивных повторений.
- 2) Конец негативного терапевтического альянса и одновременно возвращение смысла и вкуса жизни – «это способность привести пациента к проживанию его психоанализа как непарадоксальной ситуации» [1, с. 221].
- 3) «Юмор основывается (как и парадоксальный контртрансфер) на способности переживать парадокс, овладения им, что является необходимым для развития и повседневной психологии. Толерантность к двусмысленности приобретает посредством определённой привычки к парадоксу и выражается не только в юморе, но и в неожиданных решениях, нелогичных, находимых творческими личностями, в свободе по отношению к идеям, полученным или выученным, в плавающем внимании психоаналитика, в живости игры, в колебании переходных феноменов между внешней и внутренней реальностью» [1, с. 226]. Поэтому, на мой взгляд, личная история Дидье, наполненная некоторым трагизмом, дала импульс его творческим поискам и при этом дает нам возможность наблюдать такой изящный и завораживающий спектакль актера, писателя и психоаналитика Дидье Анзье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анзье Д. Парадоксальный трансфер. От парадоксальной коммуникации к негативной терапевтической реакции // Французская психоаналитическая школа. Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. – СПб.: Питер, 2005. – С. 206–226.
2. Дидье Анзье // Wiki [Электронный ресурс] : https://wiki5.ru/wiki/Didier_Anzieu. – (дата обращения: 04.12.22)
3. Лобачев Д. История французского психоанализа в лицах // История психологии — 2021, [Электронный ресурс] : <https://mybook.ru/author/dmitrij-lobachev/istoriya-francuzskogo-psihoanaliza-v-licah/>. – (дата обращения: 04.12.22)
4. Ульник Х. Кожа в психоанализе, – М.: Когито-центр, 2017. – 277 с.

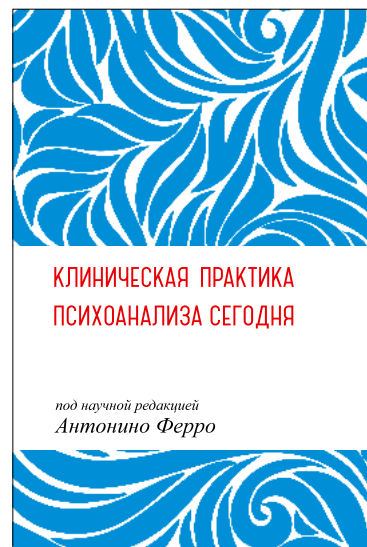
КНИГИ

Клиническая практика психоанализа сегодня

Под научной редакцией Антонино Ферро

Пер. с итальянского – М: ООО «Псиллабус», 2024.
ISBN 978-5-6052079-6-2

О КНИГЕ

Книга Клиническая практика психоанализа сегодня имеет ту же структуру, что и работа в аналитическом поле. Приготовьтесь к встрече с девятью психоаналитиками в streaming-dreaming, очень разными по происхождению и уровню образования, аналитической зрелости, положению в профессии; здесь они показывают себя в живом онирическом процессе, как водолазы в глубинах психопатологии.

Авторы демонстрируют, как работает их собственное мышление в попытке передать времена, способы, свойства клинической практики в аналитическом поле. Они берут на себя задачу передать опыт трансформации аналитической работы, которая пытается уловить и развить онирическое функционирование даже в недрах психоза, где может оказаться необходимым пробуждение первичной психоаналитической озабоченности, чтобы можно было отступить к таким состояниям функционирования собственного мышления, которые позволяют вновь получить доступ к предсимволической и предвербальной структуре коммуникации.

Эта книга предлагает, а может, и требует состояние грез, ее сначала нужно грезить, а затем воспринимать, следуя по путям $O \rightarrow K$, которые Бион в самом конце указал нам, как единственные действительно трансформативные в психоанализе.

Как заказать книгу

Приобрести можно в издательстве «Псиллабус».

E-mail: psyllabuspublishing@gmail.com

www.psyllabusbooks.com

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Мария Валерьевна живет, работает и творит в Екатеринбурге. Иногда в горах Алтая – это место отдыха, смирения, чувства малости, ощущения смысла. Может быть, поэтому она пишет пейзажи и тогда можно оказаться снова там, где горы, кедровые леса, водопады. Есть и городские работы. «Мне интересно писать Екатеринбург, – рассказывает Мария Валерьевна, хотелось бы сохранить старый город хотя бы на холсте. Писать начала давно, всегда тянуло к краскам. Сначала простенько, акварелью и гуашью. Специально не училась, живопись в какой-то момент стала возможностью снятия напряжения с превращением его в образы, данные природным миром. Масло затягивает. И, начав писать, остановиться уже невозможно.

Мария Шленина

- специалист, тренинговый аналитик и супервизор ЕАРПП.

Кисть мне срочно нужно брать в момент цейтнота и суеты внутренней. Сначала выплеснуть весь хаос, а затем из него проступят варианты развития ситуации сначала на холсте, затем и вне его».

Мария Валерьевна думает, что живопись – мощная профилактика выгорания, а также возможность обнаружить интуитивные решения, идущие вне рациональных, с виду логичных и неправильных решений. И в работе она использует творчество свободных ассоциаций, исследуя вместе с анализантом пути мышления и интуитивные проявления его личности.

Часто Мария Валерьевна пишет в студии Натальи Письмак, которая всегда говорит, что любые законы живописи есть внутри каждого из нас, нужно просто не мешать восприятию, видению. Так и пишут вместе, но каждая свое.

Есть, конечно и трудности: где найти дополнительные дни в неделе, чтобы чаще писать? Где отыскать организаторские ресурсы в себе и наконец превратить лень в творчество? В планах научиться писать людей и животных.

В пространстве Зимней Школы 2024 возник календарь с работами Марии Валерьевны, он был наполнен живыми яркими пейзажами, запах листвы и хвои, воздух, чистая вода, покой и прохлада так сильно привлекали, что идея проиллюстрировать один из номеров журнала работами Марии Валерьевны должна была реализоваться.

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ ЕАРПП

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии

ISBN 978-5-6052079-1-7

